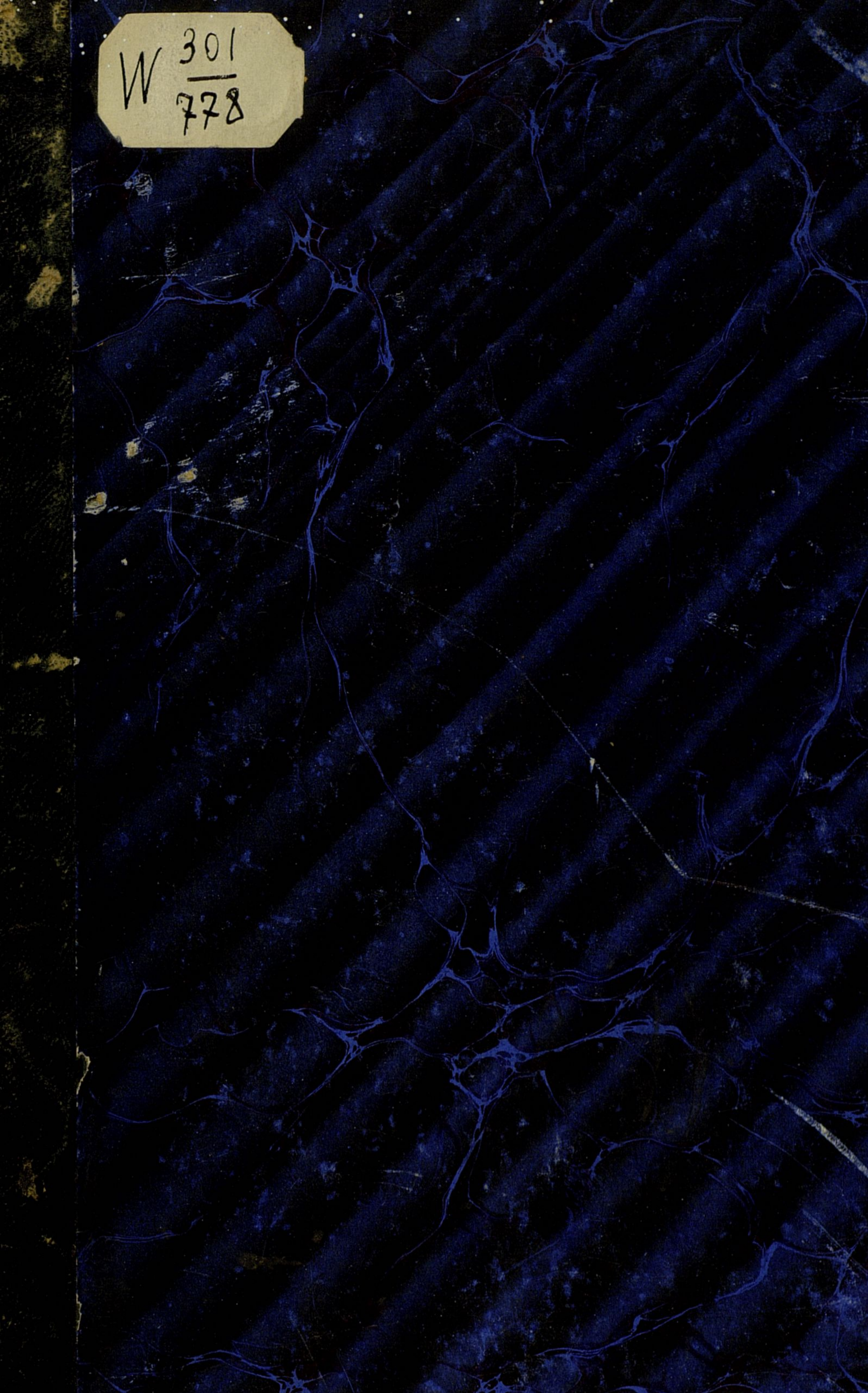

W 301
778

В. Дорошевичъ.

ВЪ ЗЕМЛѢ ОБѢТОВАННОЙ.

(ПАЛЕСТИНА).

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1900.

Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1900 года.

Глава I.

Святая земля.

День тихо умиралъ. Ни шороха, ни звука. Раскаленный, знойный воздухъ, золотистый отъ лучей заходящаго солнца, напоенъ ароматомъ цвѣтущихъ апельсиновыхъ и лимонныхъ садовъ.

Эти сады, эти благоухающія рощи, тянутся по обѣ стороны дороги, по которой я выѣзжаю изъ Яффы въ Рамле, древнюю Аримаѳею, торопясь попасть туда къ ночи.

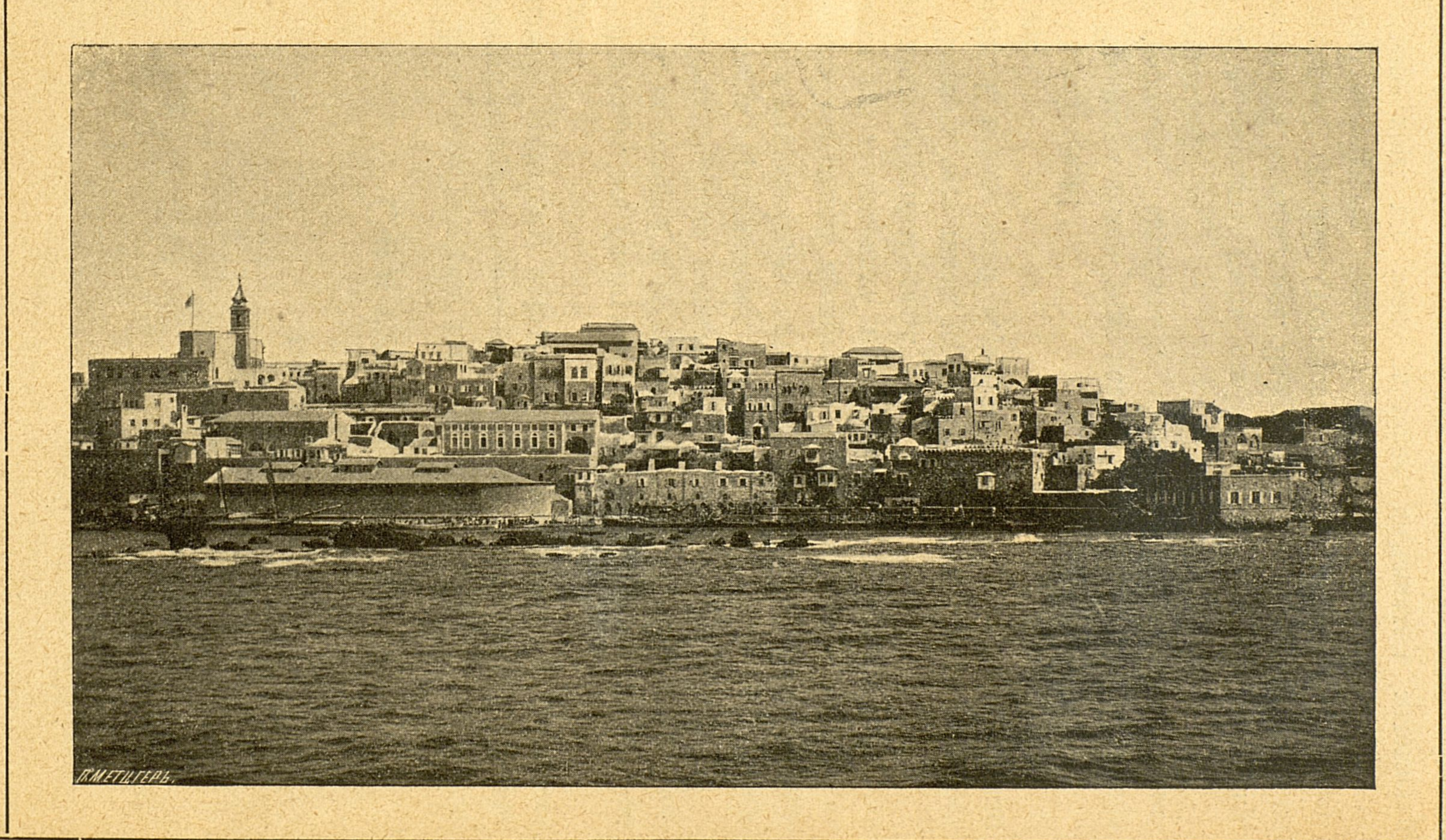
Вечеръ приближается, весь въ цвѣтахъ, и эти бѣлыя, словно благоухающимъ снѣгомъ обсыпанныя деревья привѣтствуютъ его своимъ ароматомъ. Опьяняющій запахъ цвѣтовъ льется изъ-за высокихъ темно-зеленыхъ кактусовъ, которыми окружены фруктовые сады.

Четверть часа такой дороги, и мы выѣзжаемъ изъ садовъ Яффы. И передо мной изумрудной зеленью сверкнули долины Іудеи.

Святая земля!

Нѣсколько часовъ тому назадъ я смотрѣлъ на нее издали съ парохода, смущенный, нѣсколько разочарованный, недоумѣвающій.

Я не отводилъ глазъ отъ узенькой золотистой полоски, блеснувшей на горизонтѣ. Пароходъ медленно приближался по спокойному сегодня Средиземному морю, голубому, нѣжному, словно шепчущему ласковыя слова въ полуснѣ. Изъ этого голубого моря все выше и выше поднималась золотистая полоса и выросла, наконецъ, въ высокіе, песчаные обрывы. Ничего, кромѣ этихъ безконечныхъ обрывовъ, унылыхъ,



Видъ на Яффу съ моря.

Лодка, перевозящая пилигримовъ съ парохода на берегъ Яффы.

однообразныхъ, на всемъ протяженіи берега. Пустыня. Мертвая, песчаная.

Я проѣхалъ Яффу, этотъ городъ, похожій, какъ и всѣ восточные города, на груды сѣрыхъ развалинъ. Я проѣхалъ ея дремлющіе отъ зноя ароматнымъ сномъ сады, и вотъ предо мною сверкаетъ и блещетъ она, страна обѣтованная, прекрасная, цвѣтущая.

Я смотрю на нее восхищенными, влюбленными глазами. На эту чудную страну, — подъ этимъ голубымъ безоблачнымъ небомъ, при блескѣ этихъ золотыхъ лучей, среди этихъ изумрудныхъ долинъ родилась лучшая, чистѣйшая, прекраснѣйшая религія міра.

Въ моихъ скитаньяхъ я никогда до сихъ поръ еще не видалъ, дѣйствительно, изумруднаго блеска полей. По нимъ скользятъ косые лучи заходящаго солнца, и эта изумрудная зелень сверкаетъ такъ, что больно смотрѣть. Яркокрасные цвѣты полевого мака горятъ на лугахъ словно огоньки криваваго цвѣта. И куда ни оглянешься кругомъ, по склонамъ невысокихъ пологихъ холмовъ стелется этотъ яркій, зеленый, сверкающій коверъ, и горятъ на немъ красные огни.

На холмѣ, впереди, остановился караванъ. Силуэты дремлющихъ, неподвижныхъ верблюдовъ рѣзко очерчены на голубомъ фонѣ неба, кажутся изваяніями, вырѣзанными изъ чернаго дерева.

А вдали поднимаются толпой горы Іудеи. Темносинія, почти черныя, горящія фіолетовымъ отливомъ, лиловыя, голубыя, бѣловатыя, похожія на облака, онѣ уходятъ вдаль, сливаются съ небомъ.

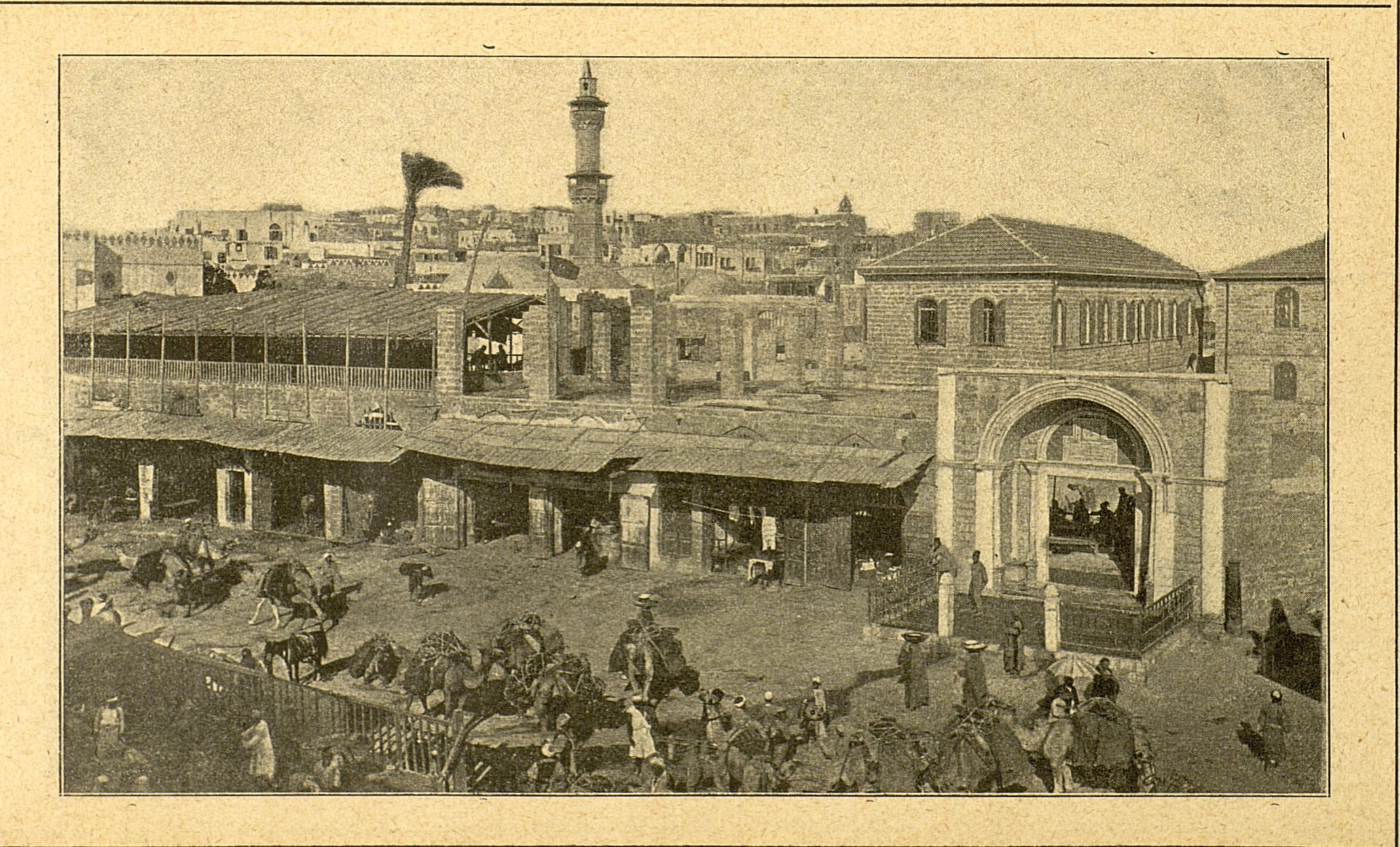
Все темнѣе и темнѣе скаты переднихъ горъ, все воздушнѣе и призрачнѣе становятся вершины. Длинныя, длинныя тѣни бросили отъ себя кудрявыя оливковыя деревья, черные кипарисы, холмы, пригорки.

Западъ весь въ пламени, горитъ, сіяетъ, блещетъ. Розовый сумракъ заката скользитъ по апельсиновымъ и лимоннымъ садамъ, раскрываетъ цвѣты.

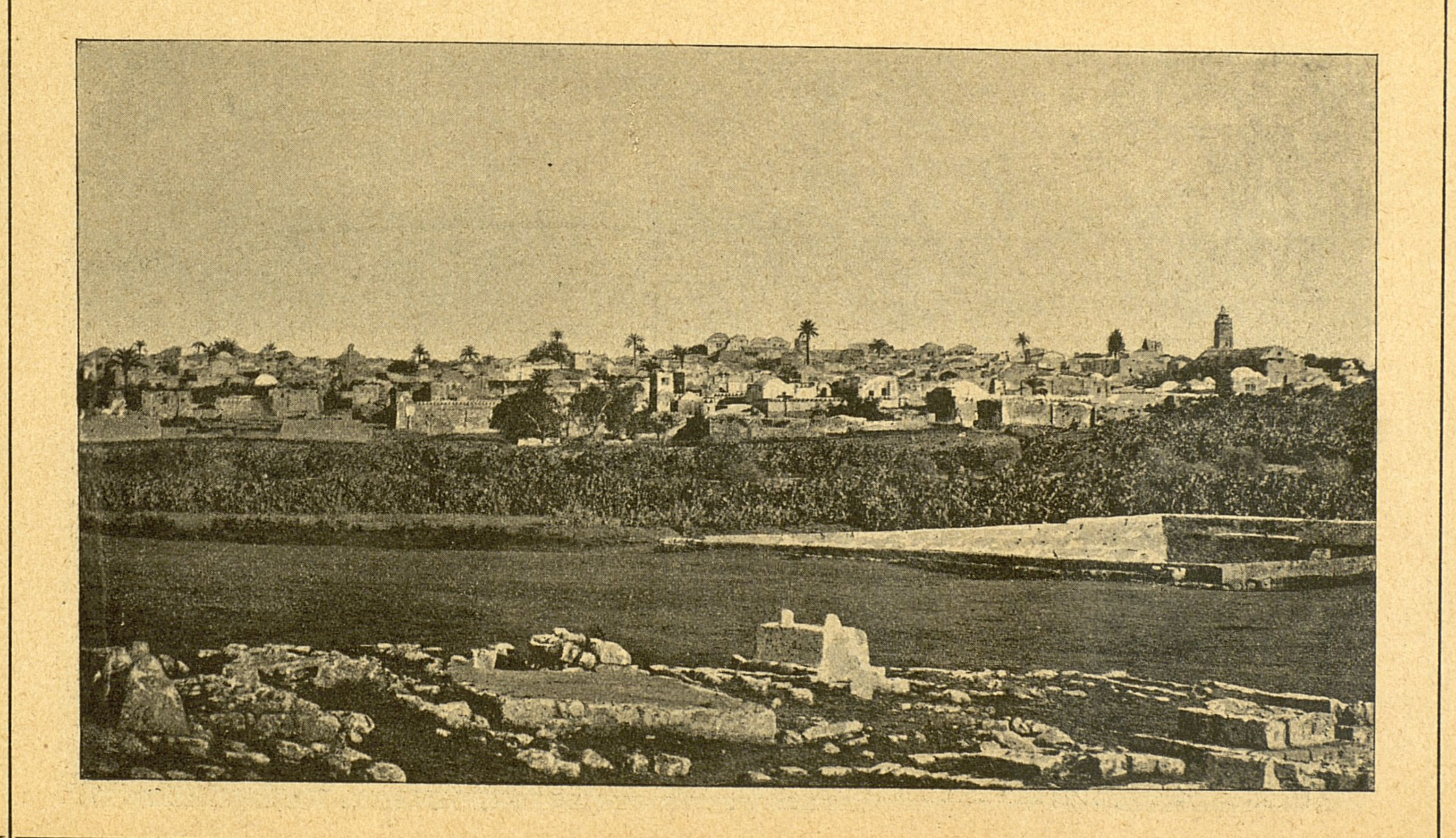
Каждая кочка, каждый кустъ бросили отъ себя темно-фіолетовую тѣнь, и мракъ ползетъ по землѣ, наполняетъ

Видъ на Яффу съ морского берега.

Базаръ въ Яффѣ.



Базаръ въ Яффѣ.



Деревня Рамле.

ложбинки, взбирается по склонамъ горъ. Гаснутъ далекія вершины. Золотисто-красныя полосы заката поблѣднѣли, побѣлѣли, исчезаютъ. На темномъ небѣ сверкнула звѣздочка. Другая. Третья.

Въ кустахъ, словно серебряные колокольчики, зазвенѣли цикады. И запѣла ночь, сверкая звѣздами, дыша ароматомъ.

Теплая, звѣздная, благоуханная ночь.

Молодыя лошади пугливо фыркаютъ, проходя между двумя рядами кактусовъ, растущихъ вдоль дороги. Начались ограды. Мы въѣзжаемъ въ Рамле.

Эти кактусы, такіе неуклюжіе, такіе безобразные днемъ. Когда меркнутъ цвѣта и краски, когда на землю спускается волшебница ночь и наполняетъ все кругомъ видѣніями, грезами, снами, кошмарами, фантастическими причудливыми образами, — тогда оживаютъ эти безобразные кактусы. Вы ѣдете между двумя стѣнами воиновъ, сошедшихся на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ другъ отъ друга. Они сейчасъ сойдутся, кинутся, столкнутся грудь съ грудью. Вотъ темный силуэтъ одного: онъ припалъ на колѣно и взмахнулъ пращей, чтобы пустить камнемъ въ противниковъ. Вотъ другой ужъ кинулся впередъ и взмахнулъ своей тяжелой палицей, которая повисла надъ вашей головой.

И вы ѣдете между рядами этихъ великановъ, поднявшихъ оружіе, между рядами этихъ черныхъ рыцарей волшебницы ночи.

Глава II.

Аримаѳея.

Мы подъѣхали къ монастырю францисканцевъ, построенному на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ домъ Іосифа Аримаѳейскаго. Было поздно, и монастырь, я сказалъ бы, „засыпалъ“, если бы маленькій монастырь не спалъ вѣчно, спрятавшись за высокой, очень высокой стѣной отъ всего міра.

Маленькій испанскій монастырь съ шестью братіями, изъ которыхъ четверымъ около 300 лѣтъ, вмѣстѣ взятымъ, а двое

помоложе не могутъ двинуться съ мѣста, потому что разбиты параличомъ.

Монастырь съ его небольшими капеллами, маленькими кельями, крошечными двориками, кажется ушедшимъ отъ міра, заснувшимъ, витающимъ въ области тихихъ сновъ и кроткихъ, свѣтлыхъ видѣній.

Намъ, охая и кряхтя, отворилъ ворота кавасъ, стражъ обители, согнутый вдвое, бѣлый какъ лунь.

Онъ пригласилъ меня въ маленькую диванную, а самъ, охая и кряхтя, еле передвигая ноги, понесъ настоятелю мою карточку.

Я остался одинъ въ комнатѣ, по стѣнамъ которой, по восточному обыкновенію, тянулись диваны. На стѣнѣ висѣлъ портретъ папы, съ его вѣчной добродушной улыбкой на маленькомъ, старческомъ лицѣ.

Какъ тихо было здѣсь. Я вздрогнулъ, когда упала моя палка. Стѣны, казалось, съ удивленіемъ откликнулись эхомъ на этотъ стукъ. Здѣсь давнымъ-давно не раздавалось никакого звука, кромѣ этихъ звуковъ органа, тихихъ, меланхолическихъ, которые доносились издали изъ капеллы, гдѣ старички молились на сонъ грядущій.

Звуки органа стихли, по плитамъ двора раздались старческіе, мелкіе шаги, и на порогѣ диванной появился... гномъ, настоящій маленькій гномъ, какими изображаютъ ихъ на картинахъ и въ статуэткахъ. Маленькій старичекъ, весь въ коричневомъ, съ сѣдой бородой до пояса, съ очками, сдвинутыми на лобъ, съ доброй улыбкой на лицѣ, съ живыми, веселыми глазками.

На мой почтительный поклонъ онъ отвѣчалъ издали благословеніемъ и подходилъ ко мнѣ, ласково кивая головой, протягивая обѣ руки.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мой братъ! — заговорилъ онъ по-итальянски, — я радъ видѣть русскаго. У насъ останавливалось много русскихъ. Прежде, прежде, не теперь! Теперь всѣ спѣшатъ, всѣ ѣдутъ по желѣзной дорогѣ, и домъ Іосифа Аримаѳейскаго видитъ мало людей. Вы ѣдете въ Іерусалимъ на лошадяхъ?

Мой утвердительный отвѣтъ доставилъ ему, видимо, удовольствіе.

— Отлично! Отлично! А то теперь всѣ спѣшатъ, всѣ спѣщатъ!

Онъ говорилъ это съ добродушной улыбкой старичка, который знаетъ, что въ мірѣ, собственно говоря, рѣшительно некуда спѣшить.

— Всѣ торопятся. Ни у кого нѣтъ времени посѣтить Аримаѳею. Вы первый еще въ этомъ году. Мы, старики, здѣсь доживаемъ свой вѣкъ одни, насъ забылъ весь міръ. Да и мы, кажется, ужъ позабыли весь міръ.

Онъ снова разсмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ну, что новаго тамъ? Въ мірѣ?

Самой послѣдней новостью, которую я прочелъ въ Портъ-Саидѣ, была тогда еще только готовившаяся война между Испаніей и Штатами.

Настоятель рѣшительно ничего не зналъ объ этомъ.

Извѣстіе это поразило его какъ громомъ.

— О, Пресвятая Марія! Бѣдная, бѣдная Испанія! Опять потоки крови.

И онъ говорилъ это съ такой безконечной скорбью.

— Зачѣмъ, зачѣмъ это?

Я сообщилъ ему о еще готовившемся тогда вмѣшательствѣ папы.

— Святой отецъ?!

Онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на портретъ папы, улыбавшагося доброй улыбкой.

— Святой отецъ?! Да, святой отецъ могъ бы. Но слово любви такъ трудно разслышать. Теперь такъ стрѣляютъ пушки, такъ громко звенитъ золото, что трудно разслышать слово любви. Любовь вѣдь шепчетъ, ненависть кричитъ.

Онъ пригласилъ меня въ столовую, длинную узкую комнату, и, оставивъ одного, ушелъ опечаленный, грустный.

Я кончалъ ужинать, когда старичекъ появился снова. Опять веселый, опять оживленный.

— Я сказалъ нашимъ старикамъ эту новость. Вы знаете, мы думаемъ, что войны не будетъ. О, если за дѣло взялся

самъ святой отецъ, ему поможетъ Господь! Войны не будетъ!

И онъ снова смотрѣлъ на меня яснымъ, веселымъ взглядомъ. Онъ такъ вѣрилъ въ помощь святого отца.

— А вы очень взволновали насъ всѣхъ. Старички теперь говорятъ о политикѣ. Мы,—и о политикѣ!

Онъ шутилъ, подтрунивалъ надъ собой и старичками.

И когда онъ ушелъ, пожелавъ мнѣ доброй ночи, я спрашивалъ себя, что это, сонъ: этотъ монастырь, спрятавшійся за высокую стѣну, спрятавшійся такъ, что человѣкъ „оттуда", изъ міра кажется пришельцемъ съ другой планеты. Этотъ маленькій старичекъ, бѣгающій къ другимъ старичкамъ, вѣроятно, такъ же похожимъ на гномовъ, сообщать новость, которую знаетъ весь міръ. Эта тишина.

Мнѣ не хотѣлось спать. Я вышелъ въ садъ, поднялся на плоскую крышу монастырскаго дома и, какъ очарованный, смотрѣлъ на эту ночь, вдыхалъ эту ночь.

Здѣсь, нѣкогда, быть-можетъ, въ такую же тихую ночь, медленно, задумчиво бродилъ Іосифъ по аллеямъ своего сада. Такъ же тогда сверкали звѣзды, звенѣли цикады, и цвѣты лили свой ароматъ. Такъ же сливалось все въ чудную симфонію, и казалось, что это звенятъ, какъ серебряные колокольчики, далекія звѣзды и льютъ благоухающій свѣтъ. И думалъ онъ о проповѣди Того, Кто училъ всѣхъ любить. И въ сердцѣ его пробуждался Христосъ.

Я вошелъ въ отведенную мнѣ келлію, крошечную, бѣлую комнату, съ большимъ Распятіемъ на стѣнѣ, съ крошечнымъ рѣшетчатымъ окошкомъ на верху.

Я пробовалъ заснуть, но мнѣ не суждено было заснуть въ этой тишинѣ.

Я проснулся, вѣроятно, черезъ полчаса. Какая тишина. Хоть бы звукъ. Тишина и тьма.

И все кажется такимъ далекимъ, далекимъ, что вы поневолѣ спрашиваете себя:

„Полно, да существуетъ ли міръ? Не было ли все, что я видѣлъ до сихъ поръ, только пестрымъ, мучительнымъ сномъ".

Глава III.

У гробницы Георгія Побѣдоносца.

Лидда — крошечный городокъ неподалеку отъ Рамле. Ее посѣщаютъ, чтобы поклониться гробницѣ Георгія Побѣдоносца. Лидда интересна потому, что съ нею связана одна мусульманская легенда, которую я разскажу ниже.

Прогулка отъ Рамле до Лидды самая очаровательная изъ прогулокъ, которыя я дѣлалъ въ своей жизни и во всемъ мірѣ. Эта прогулка при восходѣ солнца, когда утро вставало въ блескѣ бриллiантовъ, разсыпанныхъ по полямъ.

Стукъ копытъ лошадей раздавался звонко и весело по каменистой дорогѣ. Нашъ путь лежалъ по ложбинѣ, между высокими стѣнами кактусовъ, ограждавшихъ сады. Оттуда доносилось къ намъ щебетанье птицъ, веселое и радостное. Мы ѣхали подъ высокими деревьями, тѣнистыми, развѣсистыми, вѣтви которыхъ низко, низко наклонялись надъ нашими головами. И изъ сумрака и прохлады этихъ рощъ мы выѣзжали на поля, сверкающія, лучезарныя въ этотъ часъ восхода. Казалось, что по нимъ только-что пронесся бриллiантовый дождь. Они были взбрызнуты росой, и ея капельки искрились и дрожали при блескѣ ослѣпительныхъ лучей восходящаго солнца.

Изъ голубого неба доносилось пѣнiе птицъ, и все это вмѣстѣ было хорошо, какъ утренняя молитва ребенка, чистая, свѣтлая, радостная.

Я смотрѣлъ на эту картину восхищенный, восторженный, благословляя эту страну, эту чудную страну, гдѣ возродилось сердце человѣка. Эту прекрасную страну, гдѣ тихiя, ароматныя, полныя думъ ночи смѣняются такимъ утромъ, полнымъ радости жизни.

Нѣсколько арабскихъ мальчиковъ, шедшихъ по дорогѣ, идали замѣтивъ меня съ моимъ кавасомъ, съ громкими криками разсыпались по полю. Они нарвали букеты полевого мака. Они окружили мою лошадь, наперерывъ подавая мнѣ букеты, покрытые росой. Они кричали своими звонкими дѣтскими

голосами, и эти крики были похожи на щебетъ птицъ, такой же веселый и радостный. Эта толпа босоногихъ, красивыхъ, одѣтыхъ въ пестрыя лохмотья дѣтишекъ казалась толпою веселыхъ, разноцвѣтныхъ птицъ, слетѣвшихся съ криками, чтобы поживиться маленькой добычей.

Я всегда думалъ, что природа отражается въ душѣ человѣка больше, чѣмъ мы полагаемъ. Человѣкъ смотритъ изо дня въ день на эти чудныя картины, мягкія и ласковыя, которыя разстилаются передъ его глазами, и его душа становится такой же мягкой, кроткой и ласковой. И отъ этихъ картинъ, которыя отражаются въ его взорѣ, глаза его дѣлаются такими же прекрасными. Встрѣчавшіеся со мной арабы привѣтствовали путника поклонами и улыбками и смотрѣли глазами такими добрыми, такими ласковыми, какъ глаза ребенка, котораго приласкали.

— Лидда! — сказалъ мой кавасъ, протягивая руку по направленію къ красивой, кудрявой рощѣ.

Ея маленькіе бѣленькіе домики казались стадомъ овецъ, испуганныхъ грозой, сбѣжавшихъ съ холмовъ и спрятавшихся подъ разросшимися деревьями. Изъ-подъ этихъ деревьевъ они выглядывали теперь испуганными и робкими.

Крошечный городокъ, когда-то большая грозная крѣпость, „ключъ къ Іудеѣ“. Это было... Въ этой странѣ вы вѣчно слышите слово:

— Было.

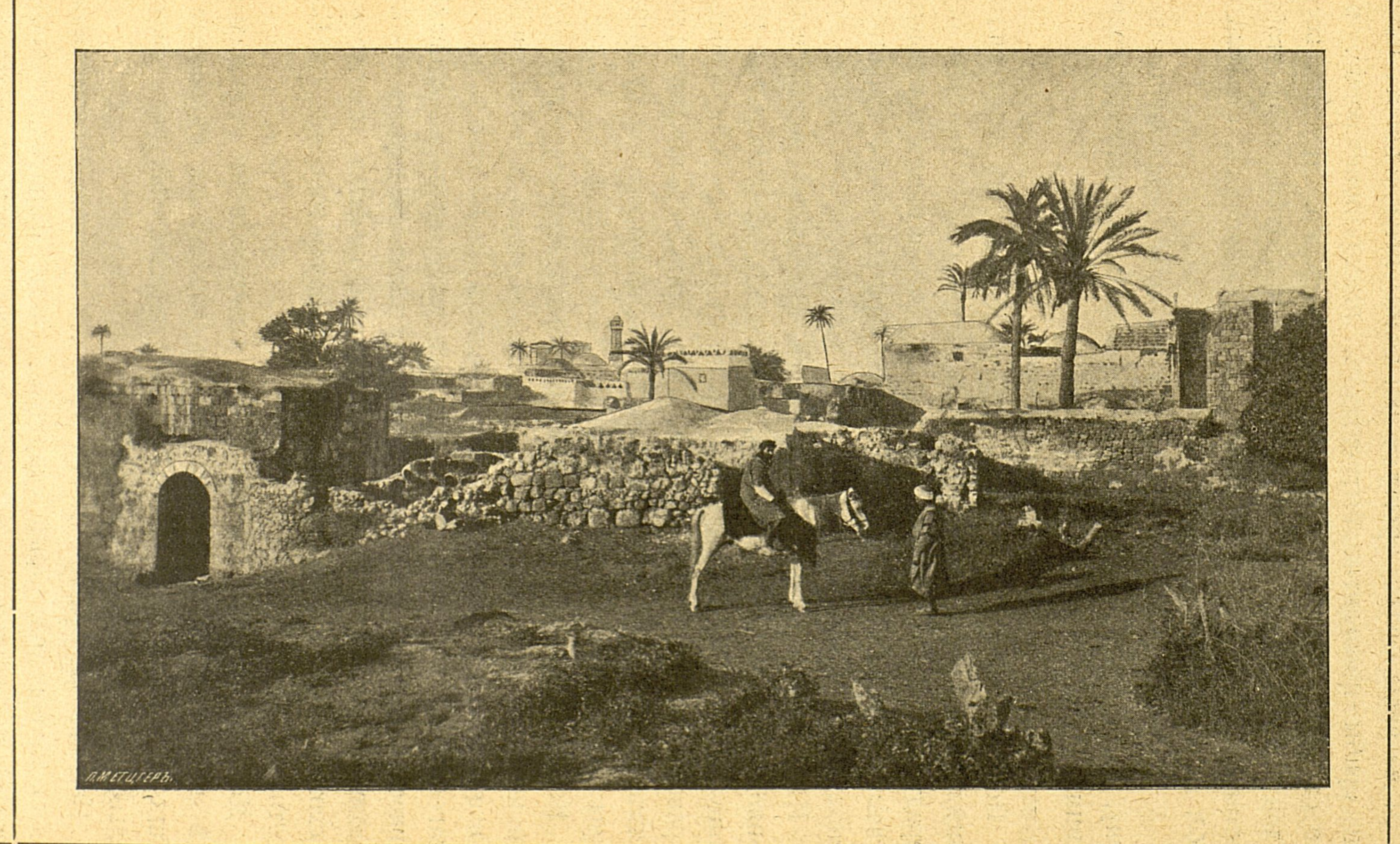
Это тихое, грустное слово раздается здѣсь вездѣ, какъ еле слышный, печальный отзвукъ похороннаго колокола, звучащаго гдѣ-то вдали. И это „было... было... было...“ наполняетъ ваше сердце печалью, придаетъ этой странѣ особую, грустную, меланхолическую прелесть.

Мы подъѣзжаемъ къ отворенной церкви, изъ которой слышатся греческіе напѣвы.

Небольшая церковь, и, показывая намъ ее, монахъ-грекъ говоритъ:

— Здѣсь былъ очень большой храмъ. И колонны, которыя теперь рядомъ въ мечети, были колоннами этого храма.

Несмотря на ранній часъ, въ храмѣ масса молящихся арабовъ.



Общій видъ Лидды.

Я не знаю болѣе трогательной толпы поклонниковъ, чѣмъ эти арабы-прозелиты, быть-можетъ, плохо понимающіе, во что они вѣрятъ, но вѣрящіе глубоко, искренно, страстно, всей силой своей дѣтской души. Нищіе они приходятъ сюда, чтобы поставить святому свѣчу, которую они покупаютъ, отказывая себѣ въ послѣднемъ.

У входа въ храмъ меня встрѣтилъ нищій, протягивавшій руку, смотрѣвшій на меня такими жалобными, такими умоляющими глазами и твердившій съ такою мольбой:

— Бакшишъ... Бакшишъ...

Получивъ мелкую монету, онъ послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй и пошелъ въ храмъ. Обходя церковь, я увидѣлъ его передъ образомъ Георгія Побѣдоносца. Онъ ставилъ маленькую свѣчку. И на лицѣ его было столько радости. Онъ, вѣроятно, исполнялъ обѣщаніе, данное передъ святымъ.

Ихъ женщины, рано старѣющіяся, печальныя, молчаливыя, приводятъ сюда своихъ дѣтей, грязныхъ, одѣтыхъ въ рубище и все-таки красивыхъ, становятъ на колѣни передъ образомъ святого и учатъ молитвамъ. Этимъ страннымъ арабскимъ молитвамъ, искаженнымъ, неузнаваемымъ, но полнымъ вѣры во святость каждаго слова.

Какъ они молятся, съ какимъ благоговѣніемъ они слушаютъ эти непонятныя имъ слова греческихъ молитвъ и пѣснопѣній. Можеть-быть, то, что эти слова непонятны, и вызываетъ особое благоговѣніе къ нимъ. Они кажутся таинственными словами Божества, недоступными простымъ смертнымъ. Не даромъ арабъ, знающій немного по-гречески, пользуется особымъ почтеніемъ у своихъ: онъ знаетъ языкъ, на которомъ говорятъ съ Божествомъ!

Монахъ зажигаетъ свѣчу, и мы спускаемся въ подземелье, гдѣ въ небольшой пещерѣ стоитъ отдѣланная сѣроватымъ мраморомъ гробница Георгія Побѣдоносца. На ея доскѣ рельефное изображеніе святого.

Церковь разрушали много разъ. Но гробница всегда оставалась нетронутой. Самые свирѣпые, самые фанатичные побѣдители, неистовствовавшіе тамъ, наверху, спускаясь сюда, во мракъ этого подземелья, падали ницъ передъ гробницей,

освѣщенной трепетнымъ свѣтомъ факеловъ. Передъ гробницей всадника, побѣдившаго дракона. Этой гробницы касались только устами — люди, съ обагренными по локоть кровью руками.

Имя Георгія Побѣдоносца окружено такимъ же ореоломъ въ глазахъ мусульманъ, какъ и въ глазахъ христіанъ.

Изъ церкви, наполненной въ этотъ ранній часъ женщинами и дѣтьми, мы идемъ осматривать древнія полуразрушенныя колонны, среди которыхъ молятся мѣстные мусульмане. Это они называютъ своей мечетью, посвященной также памяти Георгія Побѣдоносца.

И здѣсь, несмотря на ранній часъ, среди развалинъ много арабовъ - мусульманъ. Накрывшись своими полосатыми бурнусами, они сидятъ, поджавъ ноги и раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, бормочутъ молитвы въ то время, когда мулла завываетъ передъ нишью, сдѣланной въ старой стѣнѣ.

Нельзя представить себѣ религіи болѣе пестрой, болѣе мозаичной, чѣмъ та, которую исповѣдуютъ мусульмане въ Палестинѣ.

Всѣ культы здѣсь сплелись вмѣстѣ.

Они поклоняются святымъ христіанскимъ, магометанскимъ и еврейскимъ наравнѣ и одинаково. Христосъ, Моисей и Магометъ для нихъ священны почти въ одной и той же степени.

Магометанскія женщины ходятъ молиться Божіей Матери и поклониться могилѣ Рахили.

Георгій Побѣдоносецъ и Давидъ, побѣдившій Голіаѳа, для нихъ одинаковые святые, почти одно и то же лицо.

Преданія христіанства, еврейскія сказанія и легенды Корана сплелись для нихъ въ одно цѣлое. И маленькая Лидда окружена мусульманской легендой, въ которой, несомнѣнно, сказанье о Христѣ смѣшано со сказаніемъ о Георгіѣ Побѣдоносцѣ, всадникѣ-побѣдителѣ.

У воротъ Лидды, по мусульманскому преданію Христосъ побѣдитъ Антихриста, какъ Георгій Побѣдоносецъ поразилъ дракона.

Я разскажу вамъ эту легенду такъ, какъ мнѣ перевели со словъ муллы, говорившаго съ восторгомъ, увлеченіемъ, почти

съ вдохновенiемъ, съ твердой вѣрой, что это будетъ именно такъ, какъ онъ говоритъ.

„Это будетъ въ послѣднiй день мiра. Утромъ того дня, въ вечеръ котораго пронесется по горамъ и долинамъ медленный, печальный и страшный звукъ трубы архангела.

„Весь мiръ будетъ тогда лежать у ногъ Антихриста, покрытый позоромъ, безчестiемъ, развратомъ, грѣхами и преступленiями. Царь гордости, упоенный славой, Антихристъ пойдетъ въ Iерусалимъ, чтобы возсѣсть на Сiонѣ и вѣнчать себя короной всего мiра.

„Въ это страшное утро онъ подойдетъ къ Лиддѣ, „ключу Iудеи“, чтобы взять всю страну и безпрепятственно пойти отсюда въ Iерусалимъ.

„Онъ появится здѣсь, наводя страхъ и ужасъ на самую природу. Листья будутъ сохнуть, трава желтѣть и камни дрожать при приближенiи этого страшнаго чернаго воина.

„Черный конь, дышащiй огнемъ. Черный чепракъ. Черные латы и шлемъ, съ развѣвающимися на немъ черными перьями. На его латахъ, словно кровь и слезы, будутъ сверкать рубины и брилліанты. И весь, убранный рубинами и брилліантами, черный всадникъ будетъ весь казаться обрызганнымъ кровью и слезами.

„На его челѣ будетъ всѣми цвѣтами радуги, словно звѣзда, сорванная съ полунощнаго неба, сiять и нестерпимымъ блескомъ сверкать украшенiе, закрывающее печать его чела, печать проклятiя, позорную и ужасную. На его блѣдныхъ губахъ будетъ змѣиться улыбка, презрительная и жестокая. А темные какъ ночь, надо всѣмъ издѣвающiеся глаза будутъ смотрѣть смѣло и гордо.

„Въ рукахъ его будетъ щитъ съ камнями неслыханной величины, неслыханной цѣнности. Щитъ, наводящiй ужасъ на враговъ, потому что эти невиданные камни будутъ горѣть, какъ разъяренные глаза дракона.

„Слѣдомъ за чернымъ полководцемъ появится несмѣтное войско, изо всѣхъ народовъ мiра, такое же черное, такъ же осыпанное драгоцѣнными камнями. Воздухъ будетъ наполненъ ржанiемъ черныхъ коней, звономъ оружiя, криками, полными страшнѣйшихъ богохульствъ, и пѣснями, полными безстыдства.

За войсками на слонахъ, на верблюдахъ, въ богатыхъ колесницахъ, въ носилкахъ, несомыхъ невольниками, придутъ сюда красивѣйшія женщины міра. Богато одѣтыя или обнаженныя, пьяныя отъ страсти, съ глазами, дышащими грѣхомъ. Онѣ придутъ сюда, чтобы насладиться видомъ крови, ласками наградить побѣдителей и безумной оргіей отпраздновать побѣду.

„И подъѣдетъ это страшное войско къ городу Лиддѣ, чтобы взять „ключъ Іудеи".

„И вдругъ остановится все какъ вкопанное, какъ пораженное молніей.

„Навстрѣчу ему выѣдетъ изъ города статный Всадникъ на бѣломъ конѣ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, блистающихъ одеждахъ. Бѣлокурые волосы будутъ падать по Его плечамъ, и глаза Его будутъ тихо и кротко мерцать, какъ весеннія звѣзды; безъ латъ и безъ шлема; только въ рукѣ Его будетъ серебряный мечъ, какъ молнія блещущій при свѣтѣ утренняго солнца.

„И словно стаи лебедей, сверкая своими бѣлоснѣжными крыльями, спустятся съ неба въ долину архангелы, ангелы, херувимы и серафимы. Всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, всѣ съ золотистыми волосами и голубыми глазами, которые будутъ свѣтиться, какъ свѣтятся васильки въ золотистой спѣлой нивѣ. И всѣ они будутъ держать поднятые къ небу блещущіе мечи. И будутъ ихъ вереницы казаться золотымъ безконечнымъ потокомъ, льющимся съ неба.

„Вздрогнетъ черное войско. Злобой исказятся черты Антихриста. Вонзитъ онъ шпоры въ бока своего адскаго коня, и изъ раненыхъ боковъ брызнутъ кровь и огонь.

„Бѣшено ринется конь, и въ ту же минуту подниметъ своего бѣлаго коня лучезарный Небесный Всадникъ.

„И столкнутся ихъ кони съ такою силой, что вздрогнетъ подъ ними земля. И цѣлый день будетъ длиться этотъ страшный бой, отъ котораго будетъ дрожать долина.

„Бой двухъ всадниковъ, на который молча будутъ смотрѣть два войска: черное и бѣлое.

„Когда же день будетъ склоняться къ вечеру,—тогда, словно молнія, кровавымъ блескомъ отъ пурпурныхъ лучей заката блеснетъ въ воздухѣ мечъ Бѣлаго Всадника.

„И разрубитъ пополамъ страшный щитъ и насквозь пронзитъ рыцаря ада.

„— Ты побѣдилъ!—въ ужасѣ воскликнетъ Антихристъ такъ громко, что его вопль будетъ слышенъ во всемъ мірѣ, и упадетъ на землю бездыханный.

„И потечетъ его черная кровь, темно-краснымъ блескомъ отливая въ лучахъ солнца.

„И ужасъ, и безуміе охватятъ тогда черное войско. Обезумѣвшіе отъ страха, они кинутся другъ на друга, поражая другъ друга мечами и копьями. И будутъ расти потоки ихъ крови, подниматься выше колѣна, и въ этой крови будутъ тонуть раненые.

„И заходящее солнце будетъ видѣть эту кровь, послѣднюю кровь, пролившуюся въ мірѣ,—оно, которое такъ много видѣло крови, восходя и заходя.

„А легіоны ангеловъ будутъ стоять съ высоко поднятыми мечами надъ этимъ страшнымъ, надъ этимъ послѣднимъ побоищемъ и пѣть „Осанну“ Всаднику-Побѣдителю“.

Такова мусульманская легенда.

И все это будетъ происходить здѣсь, въ этой милой, изумрудной долинѣ, по которой мы теперь скачемъ, торопясь до наступленія жары вернуться въ Рамле.

У воротъ Лидды.

У этого крошки-города чуть-чуть много самомнѣнія.

Глава IV.

Въ монастырѣ св. Никодима.

— А отецъ настоятель ужъ нѣсколько разъ о васъ справлялся!—встрѣтилъ меня старый привратникъ, когда я возвратился въ Рамле, въ монастырь св. Іосифа.

На плоской крышѣ монастырскаго зданія стоялъ мой маленькій старичекъ-настоятель и махалъ мнѣ рукой:

— Скорѣе! Скорѣе! Отцы ужъ заждались васъ!

И вотъ я снова въ узкой, длинной монастырской столовой, въ обществѣ четырехъ старичковъ-монаховъ, пришедшихъ

сюда изъ своихъ келлій, чтобы поговорить о войнѣ ихъ далекой родной страны съ Америкой.

Съ ихъ любопытствомъ горящими глазами, эти маленькіе старички похожи на мышей, выбѣжавшихъ изъ своихъ норъ, чтобы понюхать свѣжаго воздуха.

Какой наивностью вѣетъ отъ вопросовъ этихъ старыхъ дѣтей:

— А гдѣ находится Куба?

— А кто тамъ живетъ? Добрые католики или схизматики?

— А не хотятъ ли Штаты превратить жителей въ схизматиковъ?

И въ этихъ старыхъ гномахъ, ушедшихъ отъ міра такъ далеко, сказываются южане. Какъ они волнуются. Какъ жестикулируютъ. Какъ говорятъ всѣ разомъ, на перебой.

Словно въ маленькое стоячее болотце кто-то бросилъ камень. Вздрогнула и потемнѣла неподвижная зеркальная гладь воды. Заплескались маленькія струйки. Зашевелились большія бѣлыя, серебряныя, водяныя лиліи. Заколебались ихъ большіе темно-зеленые плавающіе листья. Но прошло нѣсколько минутъ, и снова заснуло болотце. Снова зеркаломъ блеститъ спокойная вода, отражая въ себѣ голубое небо. Не шелохнутся, лежатъ на водѣ большіе темные листья. И бѣлыя лиліи, словно широко раскрытые отъ удивленія глаза, неподвижно смотрятъ на небо.

Но не всегда этотъ маленькій монастырь напоминалъ тихое, заснувшее болотце!

Въ 1799 году, когда словно сѣрыя со стальнымъ отблескомъ волны залили эти цвѣтущія, изумрудныя долины, и изъ-за холмовъ поползли вереницы солдатъ, запыленныхъ, загорѣлыхъ, — вереницы, напоминавшія потоки лавы, поползли, сверкая на солнцѣ стальною щетиной штыковъ, — къ маленькому монастырю въ Рамле подъѣхала блестящая кавалькада.

Въ монастырь впереди всѣхъ вошелъ маленькій человѣкъ въ сѣромъ походномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, съ желтымъ, вѣчно недовольнымъ лицомъ, съ постоянно нахмуренными бровями, съ хриплымъ голосомъ, звучавшимъ повелительно, отрывисто, властно, съ быстрой походкой и рѣзкими

движеніями. Съ какимъ, вѣроятно, удивленіемъ повторяло эхо старыхъ стѣнъ стукъ его шаговъ по каменнымъ плитамъ, шаговъ твердыхъ, рѣшительныхъ,—эхо старыхъ стѣнъ, привыкшее къ мягкому шуршанью сандалій монаха.

Этотъ человѣкъ былъ первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ, явившійся заливать теплой человѣческой кровью эту землю, которую заливали потоками крови всѣ великіе побѣдители міра.

Въ этомъ маленькомъ монастырѣ Наполеонъ устроилъ свою штабъ-квартиру.

Это, въ своемъ родѣ, единственная достопримѣчательность: „келья Наполеона".

Здѣсь составлялся планъ той грандіозной битвы, которая разыгралась на горѣ Ѳаворъ.

Ѳаворъ и кровопролитное сраженіе, Наполеонъ и келья,— какъ это странно звучитъ!

Небольшая комната, обитая дешевой розовой матеріей, съ жесткими диванами, идущими вдоль стѣнъ, содержится въ томъ же видѣ, въ какомъ она была при Наполеонѣ. Только розовая матерія пожелтѣла отъ времени, свѣтится золотистымъ отблескомъ. Словно лучъ славы далекой, угасающей, дрожитъ на этихъ стѣнахъ.

Въ этой исторической комнатѣ живетъ теперь монахъ, ученый, занятый исторіей Палестины. Когда мы вошли, онъ сидѣлъ на передвижномъ креслѣ, у стола, заваленнаго письмами.

— О, у брата Бартоломео огромная переписка!—сообщилъ мнѣ по дорогѣ къ нему словоохотливый настоятель,—изъ насъ это одинъ, который не порвалъ еще съ міромъ. У него масса друзей въ Римѣ, въ Парижѣ, въ высшемъ обществѣ, и онъ получаетъ много, очень много писемъ! Онъ пользуется тамъ большимъ уваженіемъ.

И онъ произносилъ это „тамъ" съ такимъ жестомъ, словно рѣчь шла о другомъ мірѣ, о другой планетѣ.

Красивый, среднихъ лѣтъ монахъ. Умные, сѣрые глаза съ печальнымъ взглядомъ. Молодое еще, блѣдное, съ тонкими и изящными чертами лицо и серебряныя нити въ волосахъ и бородѣ. Онъ встрѣтилъ насъ улыбкой, немножко грустной, какъ взглядъ его прекрасныхъ, добрыхъ глазъ, и привѣтливымъ

жестомъ. Онъ разбитъ параличомъ, у него отнялись обѣ ноги, и онъ не двигается съ кресла.

Пока онъ говорилъ по-итальянски, я рѣшилъ:

„Это, навѣрное, итальянецъ“.

Когда онъ заговорилъ на французскомъ языкѣ, чистомъ, правильномъ, удивительно изящномъ и красивомъ, я рѣшилъ:

„Это французъ“.

Разспрашивая о впечатлѣніи, которое производитъ на меня Востокъ, онъ сказалъ:

— Мы, арабы...

Передо мной былъ представитель этого племени, такого геніальнаго, такого несчастнаго. Когда-то владыки, теперь раба. Этого удивительнаго племени, создавшаго науку, невѣжественнаго и безграмотнаго. Арабъ, въ Яффѣ кидавшійся передо мной на колѣни и старавшійся поцѣловать мнѣ руку, чтобы получить лишній піастръ бакшиша, и этотъ ученый монахъ — родные братья!

— Вы жили въ Парижѣ?

— Да, и въ Парижѣ. Я былъ тамъ священникомъ. У меня осталось тамъ много друзей... Теперь все это такъ далеко, такъ далеко... Знаете, словно стоишь на берегу моря, о который тихо плещется прибой. Гдѣ-то тамъ, вдали, бури, ураганы, люди въ ужасѣ молятъ Бога о спасеніи, на колѣняхъ, со слезами, молитвенно сложивши руки, — стоны, вопли, гибнутъ корабли. А сюда все это доносится въ видѣ тихой, едва замѣтной зыби, которая чуть-чуть качаетъ морскую гладь и еле плещется о берегъ. И въ этомъ тихомъ плескѣ волнъ у вашихъ ногъ вы слышите сердцемъ вой и грохотъ разъяренныхъ далекихъ волнъ.

Онъ говорилъ все это тихимъ меланхолическимъ голосомъ, такъ шедшимъ къ его красивому, печальному лицу, ко всей его фигурѣ, въ которой было столько страданія.

— Это все, что соединяетъ меня съ ними... съ тѣмъ далекимъ міромъ, въ который я попалъ, изъ котораго я ушелъ.

Онъ указалъ на письма.

— Мои друзья не оставляютъ меня своими письмами. Просятъ совѣта... совѣта отъ бѣднаго монаха, доживающаго свой вѣкъ въ Аримаѳеѣ! Я отвѣчаю имъ какъ могу... Они, впрочемъ,

можетъ-быть, правы. Издали многое кажется яснѣе. Многое, что кажется намъ такимъ большимъ, такимъ грандіознымъ, — стоитъ отойти, — покажется такимъ маленькимъ, достойнымъ только улыбки.

И онъ смотрѣлъ съ грустной улыбкой на эти письма, на эти маленькіе листы почтовой бумаги, исписанные мелкимъ, нервнымъ почеркомъ, пахнущіе духами, на которыя онъ отвѣчалъ своимъ красивымъ, крупнымъ, яснымъ почеркомъ.

И я смотрѣлъ на эти письма, быть-можетъ, исповѣди, полныя грѣха, скорби и муки. Какой контрастъ съ тѣми большими листами, на которыхъ онъ писалъ свои отвѣты, этотъ далекій оракулъ свѣтскаго Парижа. Эти салоны, героини Бурже и Прево, разбитые нервы, тѣло, жаждущее грѣха, и измученная его грѣхами душа. Это общество, такое больное, съ такой сложной психологіей, и эти письма изъ Аримаѳеи, эти мысли отшельника, такія простыя, кроткія и ясныя...

— Да, да, трудно жить тамъ. И люди часто въ отчаяніи обращаются къ стоящимъ вдали: „Да что же, что дѣлается у насъ? Скажите, — вамъ со стороны виднѣе“.

И онъ продолжалъ смотрѣть на эти письма растроганный, съ глазами, подернутыми слезами, — этотъ арабъ изъ Дамаска, мальчикъ, подобранный на улицѣ католическими миссіонерами, человѣкъ, котораго судьба забросила въ Парижъ, духовникъ большого свѣта, бѣжавшій сюда, въ Аримаѳею изъ города, наполнявшаго его сердце ужасомъ...

Снова стукъ колесъ по каменистой дорогѣ, гортанные крики кучера - араба, толпа мальчишекъ, бѣгущихъ за экипажемъ съ букетами полевыхъ цвѣтовъ, изумрудныя поля направо и налѣво и синія горы Іудеи впереди.

Я уѣзжалъ изъ Рамле, и все, что я пережилъ, видѣлъ, перечувствовалъ здѣсь, казалось мнѣ сномъ. И маленькій монастырь, населенный старичками, и эти старыя дѣти, живущія словно въ другомъ мірѣ, и тишина садовъ родины Іосифа, и этотъ монахъ, со скорбною улыбкой перечитывающій письма изъ далекаго, далекаго міра. Все это снова казалось сномъ, который приснился мнѣ въ весеннюю, звѣздами блещущую ночь, среди изумрудныхъ долинъ Іудеи.

Глава V.

Долины Іудеи.

Прежде чѣмъ отправиться въ горы Іудеи, мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть эти прекрасныя долины, цвѣтущія, плодородныя, быть-можетъ, потому, что ихъ земля полита и пропитана человѣческой кровью.

Мнѣ хотѣлось увидѣть еще разъ эту изумрудную зелень, выросшую на багровой, теплой отъ крови, землѣ.

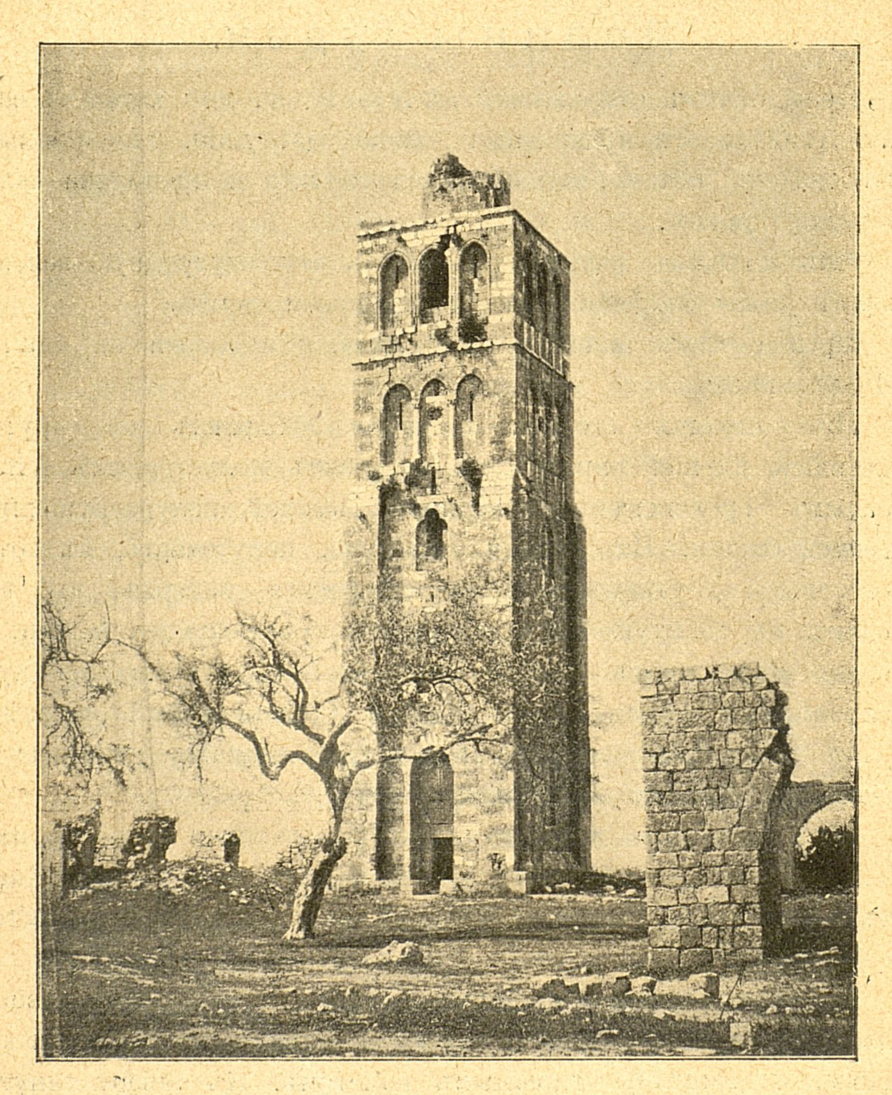
Прежде чѣмъ выѣхать изъ Рамле, я поднялся на башню 40 мучениковъ.

При помощи сторожа-араба я взбираюсь по крутой лѣстницѣ, идущей винтомъ, по ступенямъ, полустертымъ, изъѣденнымъ временемъ, на вершину высокой, полуразрушенной древней башни. Изъ каменнаго мѣшка, полутемнаго, въ которомъ мы съ такимъ трудомъ взбираемся наверхъ, мы выходимъ на залитую солнцемъ верхнюю площадку башни. И передо мною, предъ очарованнымъ взоромъ открывается чудная панорама. Открывается вдругъ. Словно сѣрый занавѣсъ сразу взвивается вверхъ, и передъ глазами открывается декорація какой-то волшебной феерія.

Вотъ она, эта маленькая страна, носящая великое имя. Теперь, утромъ, въ золотыхъ лучахъ солнца, еще не просохшая отъ росы, она сверкаетъ и блещетъ, отъ нея вѣетъ свѣжестью и ароматомъ весны.

Къ югу кудрявые оливковые лѣса, словно посѣдѣвшіе, словно покрытые легкимъ слоемъ пепла, съ ихъ темной зеленью, подернутой бѣловатымъ налетомъ. Къ сѣверу тянутся безконечныя долины, цѣлое изумрудное море, тянутся вплоть до горизонта, гдѣ свѣтло-зеленые тона полей незамѣтно переходятъ въ блѣдно-голубой цвѣтъ неба. На западѣ вдали, золотой полосой, нестерпимымъ блескомъ сіяетъ и горитъ Средиземное море. На востокѣ горы Іудеи, теперь свѣтло-синія, похожія на тучи, съ ихъ золотистыми вершинами, облитыми лучами утренняго, горящаго, сверкающаго солнца.

У нашихъ ногъ старое мусульманское кладбище. Среди кустовъ, между темными, черными кипарисами, словно призраки, поднимаются бѣлые надгробные памятники. И Рамле, этотъ



Башня сорока мучениковъ въ Рамле.

маленькій городокъ, скорѣе деревня, чѣмъ городъ, съ его домиками спрятавшимися среди зелени, молчаливый, безмолвный городокъ, кажется тоже кладбищемъ, съ бѣлыми мавзолеями среди темной зелени деревьевъ, выросшихъ на почвѣ, тучной отъ человѣческихъ тѣлъ.

Вотъ она эта страна, отъ которой, словно ѳиміамъ къ небу, вознеслась святѣйшая изъ религій міра, религія любви.

И я оставляю этотъ хорошенькій уголокъ міра, эту родину Іосифа Аримаѳейскаго, очарованный, чувствуя, какъ грусть сжимаетъ мнѣ сердце. Изъ этого тихаго уголка, гдѣ все миръ, все красота, все гармонія, я долженъ снова итти въ этотъ міръ, полный такой печали, такихъ страданій, такихъ мукъ и суеты.

Глава VI.

Въ горахъ Іудеи.

Пустынныя горы Іудеи послѣ ея цвѣтущихъ долинъ. Это тихое облачко грусти, которое налетаетъ на васъ послѣ минутъ радости и веселья.

Все кругомъ подернуто сѣрымъ флеромъ печали. Траурныя горы какъ-будто тонутъ въ сѣроватой мглѣ.

Сѣро-пепельныя скалы, которыя уступами поднимаются къ вершинамъ горъ. Дикія оливковыя деревья, съ ихъ зеленью, покрытою пепельнымъ налетомъ, недвижныя, мертвыя.

Отъ этихъ горъ, отъ этихъ растрескавшихся отъ зноя камней, отъ этой сѣрой пустыни вѣетъ смертью, печалью.

Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше поднимаются эти пепельныя горы, словно покрытыя грудами развалинъ. Тѣмъ ўже и глубже становятся ущелья, въ которыхъ сверкаетъ зелень по русламъ горныхъ потоковъ. И тѣмъ сильнѣе контрастъ между сѣрыми горами и этими клочками зелени.

Вся страна кажется вамъ огромной сѣрой плитой, старой, растрескавшейся, въ трещинахъ которой робко пробивается зелень, печальная какъ зелень могилъ, съ маленькими цвѣтами, грустно смотрящими на міръ, словно заплаканные глаза.

И эти огромные камни, уступами взбирающіеся на вершины горъ, кажутся вамъ толпами сѣрыхъ призраковъ, только что покинувшихъ чистилище, медленно тянущихся по этимъ горамъ къ Іосафатовой долинѣ, мѣсту послѣдняго суда. Чѣмъ ближе къ Іерусалиму, тѣмъ больше и больше растутъ толпы сѣрыхъ призраковъ, безмолвныхъ, печальныхъ. И все кругомъ — одна

сплошная, мертвая пустыня, наполненная толпой сѣрыхъ призраковъ, толпой, отъ которой вѣетъ отчаяніемъ и скорбью.

Дорога змѣйкой вьется по узкимъ горнымъ проходамъ, по склонамъ горъ, мимо большихъ сторожевыхъ башенъ, теперь покинутыхъ, еще такъ недавно занятыхъ гарнизонами. Эти разрушающіяся башни, словно заснувшіе часовые, стоятъ около дороги, гдѣ еще десять лѣтъ тому назадъ рыскали разбойники. По дорогѣ, гдѣ мирно ѣду я теперь, съ револьверомъ, запертымъ гдѣ - то, я самъ не помню гдѣ, въ чемоданѣ, — еще десятокъ лѣтъ тому назадъ ѣздили, испуганно озираясь кругомъ, пристально вглядываясь въ каждое дерево при дорогѣ, ожидая пули изъ-за каждаго камня, вынимая оружіе при приближеніи къ каждой пещерѣ, темной, глубокой, таинственной, которыхъ много здѣсь, въ этихъ скалахъ.

Мы ѣдемъ по классической странѣ разбоевъ, печальная слава которой восходитъ ко временамъ Евангелія и Библіи. Сколько крови пролито здѣсь, въ извилинахъ этой дороги. Сколько безплодныхъ моленій, стоновъ, предсмертнаго хрипа умерло среди сѣрыхъ камней. Здѣсь все благопріятствуетъ разбою. И камни, нависшіе надъ дорогой, и темныя пещеры, словно нарочно устроенныя для засадъ.

— Латрунъ! — указываетъ арабъ на груду развалинъ на вершинѣ горы, у подножія которой мы проѣзжаемъ.

По преданію, это родина Дисмаса, разбойника, раскаявшагося на крестѣ.

Настоящее орлиное гнѣздо, прилѣпившееся на вершинѣ среди скалъ. Здѣсь могли селиться люди, скрывавшіеся отъ остальнаго міра, отсюда легче было бѣжать, здѣсь легче было защищаться. Здѣсь, среди этихъ скалъ, на безплодной землѣ, жили эти люди, голодные, жестокіе. Съ вышины была ясно видна дорога, вившаяся на днѣ долинъ, по ту и по сю стороны ихъ горы. По тропинкѣ, змѣйкой пробирающейся съ горы, они крались внизъ, прячась между камнями, и здѣсь, гдѣ мы ѣдемъ теперь, подстерегали добычу. Эта суровая природа давала имъ камень вмѣсто хлѣба. Ничего для жизни и все для разбоя. Вмѣсто земли, она давала имъ большія, нависшія надъ дорогою скалы и толкала ихъ впередъ на преступленіе, говоря:

— Прячься въ засаду и убивай.

Изъ пещеры показался человѣкъ. Испуганныя лошади рванулись въ сторону. Появившись изъ мрака пещеры при ослѣпительномъ свѣтѣ солнца, онъ словно выросъ изъ-подъ земли.

Стройный бедуинъ. Живописный и жалкій. Съ коричневыми руками и ногами, жилистыми, мускулистыми, словно отлитыми изъ темной бронзы. Въ живописномъ желтоватомъ плащѣ съ коричневыми полосами. Съ чернымъ отъ загара, потрескавшимся лицомъ. Со впалыми щеками. Съ глазами, въ которыхъ свѣтился голодъ. Онъ протягивалъ руку и голосомъ человѣка, который боится получить вмѣсто милостыни ударъ, робко и жалобно молилъ:

— Бакшишъ!

Одинъ изъ тѣхъ, которые еще такъ недавно останавливали здѣсь экипажи властной рукой, съ обнаженнымъ кинжаломъ, съ требованіемъ:

— Выкупъ!

Одинъ изъ тѣхъ, передъ кѣмъ падали на колѣни съ мольбой о пощадѣ. Онъ стоялъ теперь передъ нами, робкій и несчастный, прикладывая руку къ головѣ и къ сердцу и умоляя о подаяніи. Они бродятъ еще здѣсь, остатки этихъ разбойничьихъ ордъ, — и пустыня, слышавшая столько воплей, — оглашается теперь только жалобнымъ стономъ:

— Бакшишъ!

Я обратился къ нему черезъ переводчика: гдѣ онъ живетъ? Онъ указалъ на пещеру.

— Есть ли у него семья?

Онъ замахалъ утвердительно головой и, показывая на пещеру, бормоталъ:

— Гаремъ!

Присмотрѣвшись къ темнотѣ, теперь можно было разглядѣть, что тамъ копошатся какія-то фигуры. Ихъ можно было принять за выводокъ дикихъ звѣрей, прячущихся здѣсь отъ дневного свѣта.

Этихъ одичавшихъ людей, живущихъ въ пещерѣ, спящихъ на сухихъ листьяхъ, питающихся ягодами, которыя они собираютъ по горнымъ обрывамъ.

Бедуинъ вытащилъ изъ пещеры двоихъ мальчишекъ, полуголыхъ, еле прикрытыхъ лохмотьями, — настоящихъ маленькихъ волчатъ, смотрѣвшихъ встревоженными, испуганными глазами.

Онъ держалъ своихъ волчатъ, рвавшихся обратно въ пещеру, и еще жалобнѣе тянулъ:

— Бакшишъ!

На днѣ глубокаго и узкаго ущелья, куда мы спускались теперь, зеленѣлъ настоящій маленькій оазисъ. Нѣсколько деревьевъ около древняго колодца, огромной цистерны, быть-можетъ, сохранившейся еще съ библейскихъ временъ. Среди зелени деревьевъ виднѣлся двухъэтажный домъ.

— Гостиница Захарія! — указалъ проводникъ, — мы остановимся тамъ поить лошадей.

Я сидѣлъ подъ старымъ, большимъ фиговымъ деревомъ, темнымъ, почти чернымъ, развѣсистымъ, кудрявымъ, не пропускавшимъ ни одного знойнаго, палящаго луча солнца. Было тихо, только жукъ пѣлъ гдѣ-то въ раскаленномъ воздухѣ, какъ басовая струна, — да журчалъ ручеекъ межъ камней.

Перепрыгивая съ камня на камень съ граціей горной козочки, ко мнѣ приближалась стройная дѣвушка. Похожая на видѣніе, на миражъ, родившійся въ раскаленномъ воздухѣ пустыни, среди пепельныхъ скалъ. Ея маленькія, стройныя ножки въ черныхъ чулкахъ и крошечныхъ туфелькахъ такъ прыгали съ камня на камень, словно за плечами у нея росли пестрыя крылья бабочки. Короткое синее платье. Корсажъ, обтягивавшій изящный дѣвичій станъ. По ея плечамъ падали кудри распущенныхъ золотистыхъ волосъ. Ее можно было принять за фею этихъ горъ, фею съ золотыми волосами и голубыми, какъ васильки, глазами, въ которыхъ дрожали смѣхъ и веселье.

Она улыбнулась мнѣ улыбкой, веселой, какъ весеннее утро, — и спросила по-англійски: — что мнѣ угодно.

Я отвѣчалъ, что мнѣ угодно позавтракать.

— Здѣсь?

— Да, если это возможно.

— Конечно. Всѣ путешественники всегда завтракаютъ здѣсь, подъ этимъ старымъ деревомъ. Но вы должны извинить

насъ, сэръ. Вамъ придется ѣсть только холодное. Горячаго мы ничего не можемъ вамъ приготовить, — потому что у насъ теперь праздники, и мы не разводимъ огня.

Моя маленькая англичанка была еврейкой. Чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ ея отецъ.

— Я услышалъ, что у насъ есть путешественникъ изъ Россіи, и пришелъ привѣтствовать васъ.

— Вы сами тоже изъ Россіи?

— Я?..

Онъ улыбнулся улыбкой своего племени, — немножко печальной.

— Я пришелъ сюда изо всего міра. Я родился въ Румыніи, жилъ въ Австріи, Франціи, — искалъ счастья въ Америкѣ и пришелъ сюда. Пусть я умру, а дѣти выростутъ въ странѣ отцовъ.

— Мнѣ тоже приходилось странствовать не мало. Я видѣлъ евреевъ повсюду въ гостяхъ. Вы первый еврей, который принимаетъ меня у себя дома.

Онъ снова улыбнулся своей печальной улыбкой:

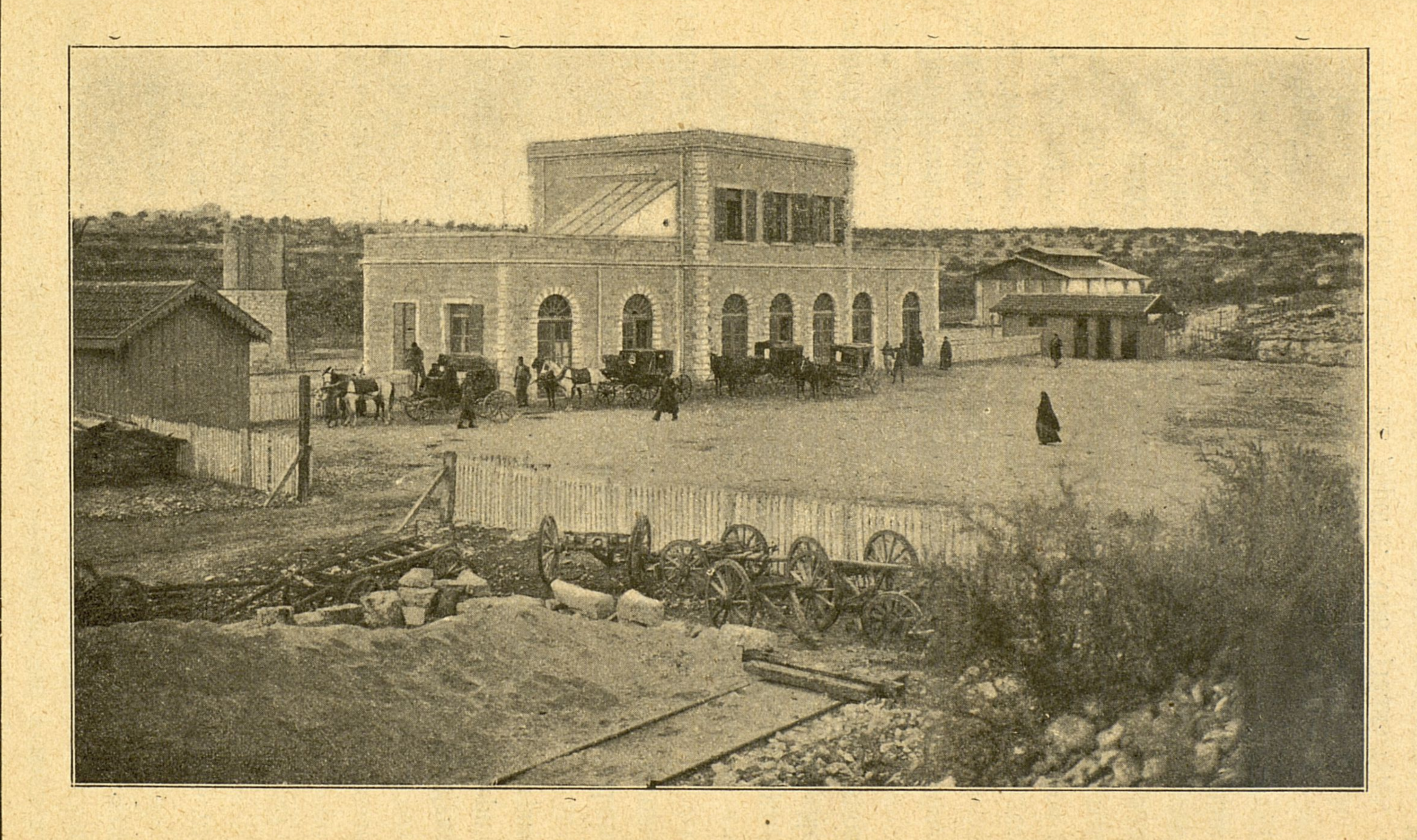
— Дома? Мы только что еще устраиваемся. Мы вернулись изъ такого долгаго-долгаго пути!.. Впрочемъ, я дома. Мои младшія дѣти родились здѣсь и не знаютъ ничего, кромѣ этихъ картинъ.

Онъ указалъ на сѣрыя скалы, на древній колодецъ библейскихъ временъ, на старыя деревья.

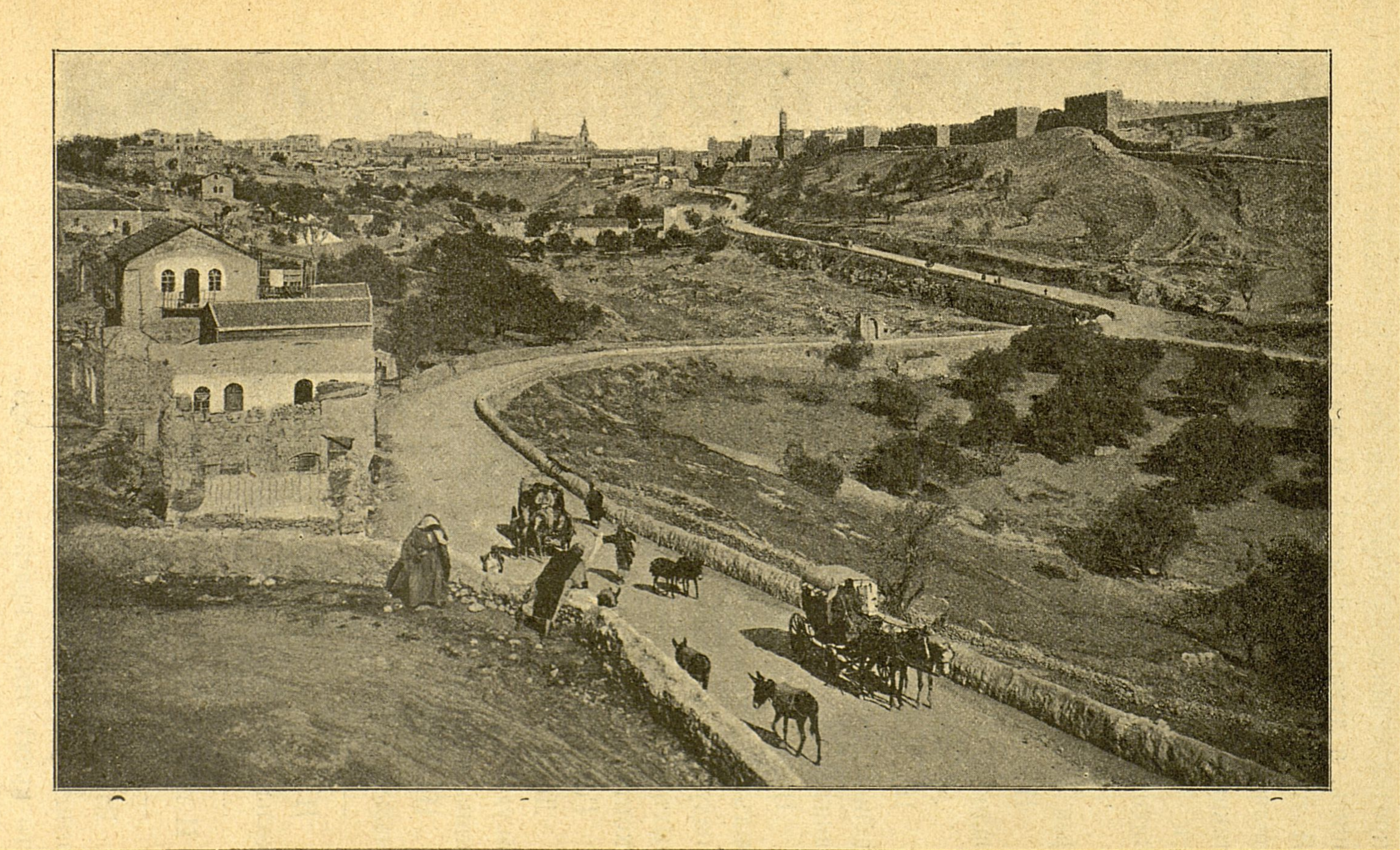
— Это для нихъ родныя картины. И только двое старшихъ смутно помнятъ Америку, — какъ сонъ, приснившійся въ дѣтствѣ. Когда мать разсказываетъ младшимъ сказки и говоритъ о волшебныхъ дворцахъ, — старшіе объясняютъ младшимъ: „Мы знаемъ эти большіе дворцы. Высокіе-высокіе, какъ эти горы. Они всѣ изъ желѣза и стекла, — и горятъ на солнцѣ такъ, что больно смотрѣть. Они находятся тамъ, — по ту сторону бурь“.

— Васъ не безпокоятъ бедуины?

— Нѣтъ, теперь стихло на дорогѣ. Они ушли туда, за Іорданъ. Немногіе остались здѣсь и просятъ милостыню. Мы живемъ здѣсь тихо, — около этого колодца, къ которому наши



Желѣзнодорожная станція въ Іерусалимѣ.



Дорога отъ станціи въ Іерусалимъ.

предки сгоняли съ горъ свои стада. И каждое утро, проснувшись, я думаю: „я дома!“ И эта фраза кажется мнѣ странной. Я слушаю ее какъ музыку. „Я дома!“ Неправда ли, вамъ должно показаться это страннымъ: кажется, такая простая, такая обыкновенная фраза: „я дома“. Но вы ее произносите съ дѣтства, — а я ее сталъ произносить только съ сорока пяти лѣтъ.

— Ваши лошади готовы, сэръ! — объявляетъ маленькая фея съ золотистыми волосами.

И я оставляю этотъ зеленѣющій оазисъ, гдѣ единственная радость жизни — вся въ двухъ словахъ:

„Я дома“.

Подъ палящими, знойными лучами, мы то спускаемся въ долины, зеленѣющія печальною, тусклою зеленью оливковыхъ рощъ, то взбираемся на сѣрыя, печальныя горы.

Воздухъ становится все прозрачнѣе и чище. Въ вышинѣ надъ ущельемъ паритъ орелъ, — и въ этомъ кристальномъ воздухѣ можно разсмотрѣть каждое перышко его распластанныхъ перьевъ. Его клювъ, загнутый внизъ. Его, словно два яхонта, горящіе глаза.

Горы становятся все выше и выше.

Лошади съ трудомъ взбираются по крутой дорогѣ на высокую гору, съ трудомъ дѣлаютъ послѣдній поворотъ, — и экипажъ останавливается.

Проводникъ соскакиваетъ съ козелъ, снимаетъ шапку и указываетъ впередъ:

— Іерусалимъ.

Я выскакиваю изъ экипажа, снимаю шляпу, дѣлаю нѣсколько шаговъ и останавливаюсь какъ вкопаный:

— Іерусалимъ?!

И я нѣсколько минутъ стою на мѣстѣ, растерянно повторяя:

— Это Іерусалимъ?

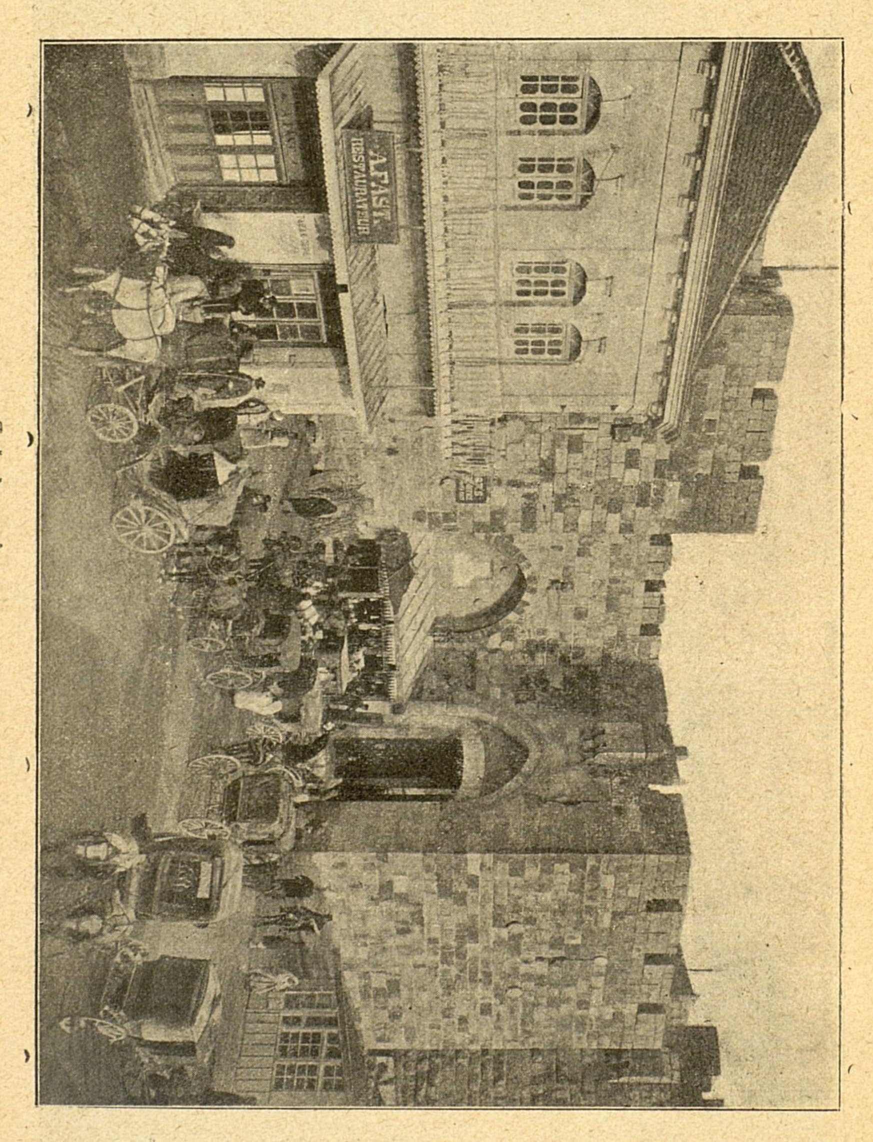
Въ четверти версты передо мной рядъ покатыхъ красныхъ крышъ одноэтажныхъ зданій. Словно кирпичные заводы. Ничего кромѣ этихъ красныхъ крышъ.

И я напрасно ищу въ этомъ видѣ, который открывается передо мной, чего-нибудь такого, что производило бы

Улица, ведущая къ Яффскимъ воротамъ.

потрясающее впечатлѣніе, что заставляло бы упасть на колѣни, поклониться до земли.

Образъ величественный и грандіозный, который я создавалъ себѣ, таетъ и исчезаетъ среди этихъ прозаическихъ красныхъ крышъ нѣмецкихъ школъ, богадѣленъ и пріютовъ.



Яффскія ворота.

Минута, которой я такъ ждалъ, — и которая такъ печальна. Разочарованный, я въѣзжаю въ предмѣстье города, ѣду среди европейскихъ домовъ, читаю англійскія вывѣски отелей и агентства Кука.

И одна мысль не даетъ мнѣ покоя:

— Такъ ли я воображалъ себѣ эти минуты?

Но изъ-за этихъ зданій съ красными крышами поднимаются золотыя главы, черные и синіе куполы церквей и мечетей. Колокольни и минареты. Отъ Яффскихъ воротъ несется шумъ пестрой восточной толпы.

И въ тотъ же день я возвращаюсь домой, удовлетворенный, съ сердцемъ, полнымъ восторга. Я видѣлъ Іерусалимъ.

Если вы хотите видѣть Іерусалимъ, суровый, строгій, величественный, — Іерусалимъ, производящій потрясающее впечатлѣніе, — посмотрите на него съ Элеонской горы.

Это тотъ Іерусалимъ, который заставлялъ поклонниковъ падать на землю и съ рыданьями биться о камни.

Онъ встанетъ предъ вами на вершинахъ Сіона и Моріа, съ его колокольнями и минаретами, поднимающимися кверху, какъ руки, обращенныя къ небу съ мольбою за грѣхи всего міра.

Глава VII.

Іерусалимъ.

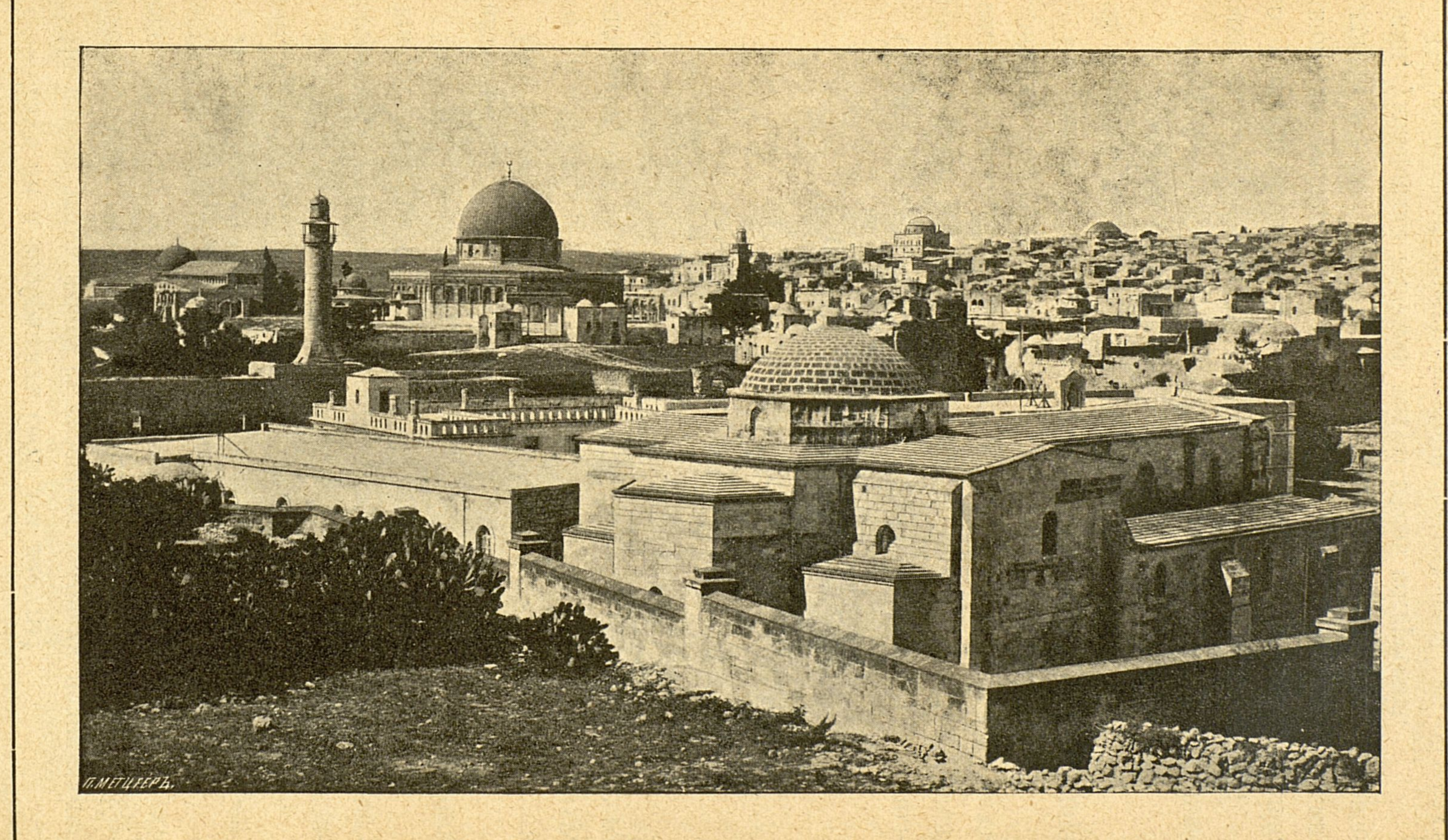
Среди шума, гама, криковъ, гортаннаго говора переполняющей улицы пестрой, оборванной, живописной восточной толпы, — раздается тихое пѣніе дрожащихъ старческихъ женскихъ голосовъ.

По узенькимъ улицамъ Іерусалима вереницей, одна за другой, бродятъ паломницы и поютъ:

— Христосъ воскресе...

Растроганныя, умиленныя, онѣ идутъ съ глазами, обращенными къ небу, часто съ зажженными свѣчами въ рукахъ, — по узенькимъ улицамъ, полнымъ священныхъ воспоминаній. Движутся медленно, какъ лунатики, съ открытыми глазами, видящіе золотые сны. И поютъ своими старческими, дрожащими, умиленными голосами тихую пѣснь воскресенія.

По каменистой дорогѣ, знойной, раскаленной, въ облакахъ бѣлой известковой пыли несется толпа. Гремятъ барабаны.



Церковь св. Анны и общій видъ Іерусалима.

Несутся истерическіе вопли, — это поютъ. Словно дымъ несется отъ изступленной толпы, и въ этомъ бѣломъ дыму мелькаютъ зеленыя знамена, — старыя тряпки, превратившіяся въ лохмотья, — конскіе хвосты, развѣвающіеся на высокихъ палкахъ, увѣнчанныхъ потускнѣвшимъ, изогнутымъ, изломаннымъ серпомъ луны.

Это облако пыли несется по дорогѣ къ Дамасскимъ воротамъ словно самумъ. Все, что встрѣчается на пути, испуганно сторонится съ дороги, чтобъ пропустить страшное, изступленное шествіе.

Это караванъ мусульманскихъ поклонниковъ, возвращающихся изъ-за Іордана, куда они ходили на поклоненіе могилѣ Моисея.

Впереди каравана несется арабъ. Бѣжитъ, судорожно сжавъ кулаки, огромными прыжками, еле касаясь земли. Его чалма развязалась и длинныя бѣлыя полосы несутся за нимъ по воздуху, трепещутъ какъ длинныя бѣлыя крылья. Блѣдное, какъ полотно, лицо. Безумные, налитые кровью глаза, готовые выскочить изъ орбитъ. Бѣлая пѣна клубится изо рта. Онъ кричитъ что-то дикимъ страшнымъ голосомъ. Падаетъ въ конвульсіяхъ, бьется, какъ въ припадкѣ падучей болѣзни, съ пѣной у рта, по раскаленнымъ бѣлымъ камнямъ. И настигающая толпа бѣжитъ по немъ, топчетъ его ногами съ дикимъ воемъ голодныхъ шакаловъ.

Они бѣгутъ по дорогѣ, ничего не видя передъ собой, потерявъ сознаніе, изступленные, обезумѣвшіе отъ фанатизма. Бѣгутъ, какъ бѣжитъ испуганное стадо овецъ, — прижавшись другъ къ другу. По ихъ плечамъ, среди развѣвающихся зеленыхъ лохмотьевъ и конскихъ хвостовъ, пляшетъ арабъ, пляшетъ изступленную пляску, бросая, ловя налету сверкающія сабли, кружась, вертясь, издавая какіе-то страшные, нечеловѣческіе вопли.

Ея топотъ, ея вопли, — эта изступленная толпа, проносится по дорогѣ какъ ураганъ, врывается въ городъ, разбѣгается по улицамъ, оглашая воздухъ криками, воплями, стонами эпилептиковъ.

Изъ закоулковъ еврейскаго квартала, сумрачныхъ, темныхъ, доносится плачъ, причитанья, словно тамъ происходятъ огромные похороны.

Это плачутъ евреи у стѣны Соломонова храма, старой желтой стѣны, сложенной изъ огромныхъ, гигантскихъ камней, — словно саркофаги, поставленные другъ на друга. Плачъ, скорбныя причитанья, которыя разносятся изъ этого мѣста печали и скорби, — словно древняго патріарха оплакиваютъ его безчисленные дѣти, внуки и правнуки.

Здѣсь плачутъ вѣками.

Таковъ Іерусалимъ, центръ христіанскаго міра, безконечно дорогой прахъ для евреевъ, второй послѣ Мекки священный городъ мусульманъ.

Іерусалимъ, застроенный самыми священными для міра храмами, мечетями, синагогами.

Іерусалимъ, —это груды несмѣтныхъ богатствъ среди горъ, лохмотьевъ, развалинъ и грязи.

Это — великолѣпные, пышные, роскошные чертоги храмовъ, облѣпленные со всѣхъ сторонъ лачугами, жалкими, несчастными, зловонными, грязными, ужасающими, похожими скорѣе на логовища звѣрей, притонами невѣроятной нищеты!

Іерусалимъ — это семья арабовъ, живущая въ углубленіи подъ старой стѣной, окружающей великолѣпную мечеть Омара, построенную когда-то ихъ предками.

Населеніе Іерусалима. Это нищіе, несчастные, жалкіе, которые собрались въ праздничный день на паперти великолѣпнаго храма.

Это 40.000 нищихъ, живущихъ милостыней во имя Христа, Іеговы и Аллаха.

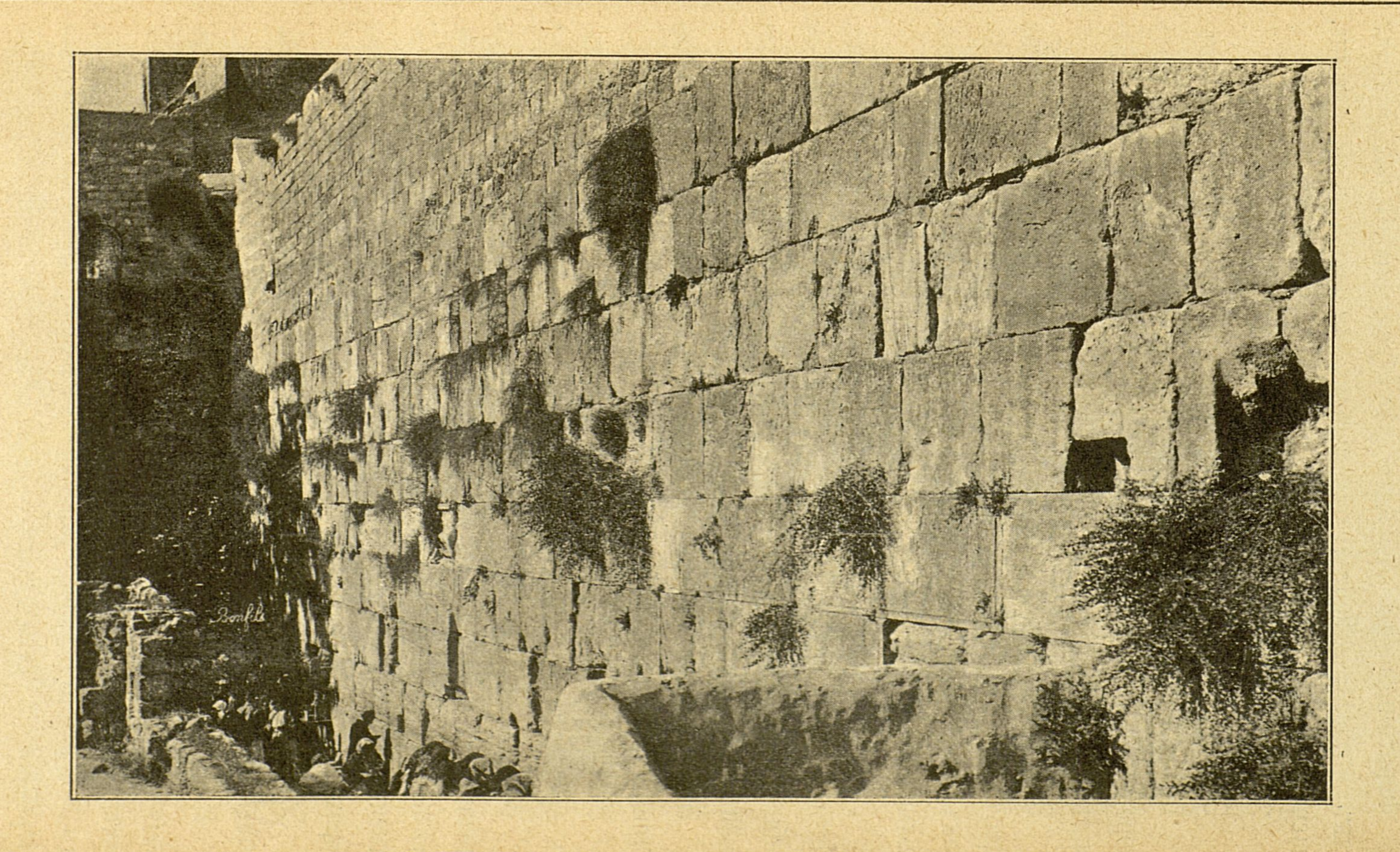
Іерусалимъ, это мѣсто печальныхъ воспоминаній и радостныхъ надеждъ. Когда въ это мѣсто, въ эти старыя, почернѣвшія отъ времени стѣны, приходитъ христіанинъ, магометанинъ, еврей, къ нему протягиваются тысячи рукъ.

— Дай! Дай! Дай!

— Дай во имя распятаго Бога!

— Дай во имя Того, Чье имя не дерзаетъ произнести языкъ!

— Дай во имя Аллаха, святого и вѣчнаго!



Стѣна плача.

Они всѣ здѣсь живутъ милостыней, тѣмъ, что имъ приноситъ и оставляетъ вѣрующій міръ.

Фанатичные отъ близости этихъ святынь, въ которыя они такъ страстно вѣрятъ, они живутъ насчетъ этихъ святынь, насчетъ великаго прошлаго.

Эти жалкіе, обнищавшіе потомки аристократовъ.

Эти несчастные, выродившіеся потомки великихъ народовъ.

Іерусалимъ, это—призракъ вырожденія, который встаетъ передъ вами во всемъ своемъ ужасѣ, во всемъ блескѣ и великолѣпіи прошлаго величія, во всемъ ужасѣ настоящаго.

Это призракъ, у котораго на плечахъ золотая, вышитая драгоцѣнными камнями мантія, — такая роскошная на плечахъ, волочащаяся по землѣ въ видѣ жалкихъ, грязныхъ лохмотьевъ.

„Эти люди, довольствующіеся грязными, ужасными лачугами, логовищами, трущобами, — вы съ изумленіемъ спрашиваете себя,—неужели это дѣти тѣхъ самыхъ отцовъ, которые создавали для своихъ молитвъ такіе чертоги?“

Это потомки, которые живутъ нищими тамъ, гдѣ жили царями ихъ отцы.

Все, что есть европейскаго, промышленнаго,—все это тамъ, въ предмѣстьяхъ, за стѣнами Іерусалима.

Запершись здѣсь въ этихъ стѣнахъ, почернѣвшихъ отъ времени, эти 40.000 нищихъ, эти 40.000 населенія, темнаго, невѣжественнаго, живутъ здѣсь, эксплоатируя грубо, кощунственно тѣ же самыя святыни, въ которыя они такъ страстно вѣрятъ.

Это городъ нищій, ведущій свое призрачное, день за днемъ, существованіе насчетъ милостыни всего міра.

Ни отпускной торговли, ни промышленности, ни ремеслъ въ Іерусалимѣ почти не существуетъ. Проѣзжая по этимъ узенькимъ улицамъ, по этому городу - базару, васъ поражаетъ то, что вся эта торговля существуетъ только для удовлетворенія потребностей сегодняшняго дня. Эти безчисленныя, залитыя кровью, издающія гнилостный запахъ мясныя, эти грязныя хлѣбныя, эти на каждомъ шагу закусочныя лавки, грязныя кухни для бездомовнаго города. Лавки ситцевъ, лавки обуви,

Улица и древнiй общественный фонтанъ въ Iерусалимѣ.

въ которыхъ и товара-то заготовлено столько, чтобъ хватило на одинъ день. Ремесленныхъ мастерскихъ, расположенныхъ тутъ же на улицѣ, въ открытыхъ лавочкахъ, нишахъ—ровно столько, чтобъ удовлетворить потребности въ починкахъ, подѣлкахъ, поправкахъ на одинъ день.

Словно всѣ эти лавочки открыты для становища людей, которые завтра уйдутъ дальше, которымъ не нужно дѣлать никакихъ запасовъ, нечего заготовлять впрокъ.

Весь складъ ихъ жизни производитъ это впечатлѣніе. Они здѣсь же, гдѣ живутъ, кидаютъ всѣ отбросы, наполняютъ все кругомъ себя грязью, словно, дѣйствительно, завтра покидаютъ это мѣсто и имъ нечего объ немъ заботиться.

Это нищета, безпечная, не думающая о завтрашнемъ днѣ. Нищета, которая вѣрить, надѣется, проситъ и ничего не дѣлаетъ.

Каждый день кажется, что здѣсь сегодня праздникъ. Каждый день улицы Іерусалима имѣютъ праздничный видъ, съ утра до ночи запружены толпой ничего недѣлающаго народа. И, несмотря на это—Іерусалимъ, есть ли городъ въ мірѣ болѣе печальный?

Не городъ, а скорѣе одно зданіе, огромный лабиринтъ, съ запутанной сѣтью узенькихъ, извилистыхъ коридоровъ. Его улицы, по которымъ трудно разойтись четверымъ, дѣлаютъ безпрестанные зигзаги, спускаются, поднимаются крутыми лѣстницами, со ступенями, усѣянными нищими.

Это лабиринтъ, полный неожиданностей. Идя по извилистому закоулку, вы никогда не знаете, гдѣ сейчасъ очутитесь: на площадкѣ передъ огромнымъ, величественнымъ храмомъ или въ крытыхъ коридорахъ базара, темныхъ, сумрачныхъ, настоящихъ катакомбахъ, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ и сыростью подземелья, плѣсенью, запахомъ разложенія, — или посреди маленькаго кладбища, гдѣ темно-сѣрые отъ времени покрившіеся памятники разрушаются среди города.

Эти дома, съ крошечными конурами-лавочками, занимающими нижній этажъ, съ маленьками окнами второго этажа, окнами, забитыми лучинами, гнилыми досками, или завѣшанными грязными тряпками.

Дома—развалины. Полуразрушившіеся, со стѣнами, покрытыми плѣсенью, треснувшими. Эти дома разрушаются, разваливаются, ихъ никто не поправляетъ, не поддерживаетъ. Люди устраиваются среди развалинъ такъ же, какъ они жили въ полутемныхъ грязныхъ мансардахъ-трущобахъ.

Эти дома, эти лачуги ужаснѣе притоновъ нищеты всего міра. Крошечные грязные дворики съ цистерной для дождевой воды посрединѣ. Жилища, въ которыя поднимаешься по узенькой лѣстницѣ, гдѣ не могутъ разойтись двое, по узенькой лѣстницѣ со стертыми ступенями, со стѣнами, покрытыми чернымъ жирнымъ слоемъ грязи. Эти галлерейки, которыя тянутся вдоль стѣнъ. Эти комнатки, къ которымъ онѣ ведутъ. Эти норы, логовища, эти грязныя, полутемныя тюрьмы, въ которыхъ живутъ люди, валяясь на грязномъ полу, положивъ кучу какого-то смраднаго тряпья подъ голову.

Какой пустотой, ужасомъ какого бездомовья вѣетъ отъ этихъ жилищъ.

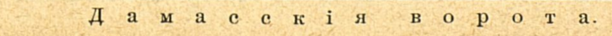
Въ этихъ логовищахъ только ночуютъ. Изъ нихъ бѣгутъ съ разсвѣтомъ, съ первымъ наступленіемъ утра, съ первымъ теплымъ лучомъ солнца. И только ночь, темная, холодная, вновь загоняетъ людей въ эти норы, въ эти смрадныя логовища.

Цѣлый день населеніе Іерусалима проводитъ на улицахъ.

На этихъ ужасныхъ улицахъ, отъ которыхъ вѣетъ такими великими воспоминаніями.

Городъ, одинаково священный для христіанъ, мусульманъ и евреевъ! То, что считается величайшей святыней на одной улицѣ, признается величайшимъ заблужденіемъ въ другой. Экзальтированные отъ близости величайшихъ святынь, фанатичные, они съ непріязнью сторонятся другъ отъ друга, и весь Іерусалимъ раздѣленъ на кварталы по религіямъ.

Черезъ Дамасскія ворота мы входимъ въ сѣверо-восточный кварталъ города. Здѣсь царство Ислама. Если вы видѣли кварталъ нищихъ Уайтчапеля, если вы видѣли толпы эмигрантовъ, спящихъ вповалку на землѣ на пристаняхъ Нью-Йорка, притоны Хитрова рынка въ Москвѣ, или бывшую Вяземскую лавру въ Петербургѣ, вы все-таки не видали такой нищеты.



Дамасскія ворота.

Отъ этой толпы, апатичной, лѣнивой и вялой, медленно бродящей по узенькимъ улицамъ среди развалившихся домовъ, вѣетъ лѣнью и покоемъ востока, жалкимъ довольствомъ тѣмъ, что имѣешь, печальною покорностью судьбѣ.

— Все предначертано въ книгахъ пророка!

И они бродятъ здѣсь равнодушные ко всему, что не касается сегодняшняго дня. Бродятъ безъ цѣли, безъ интереса, цѣлыми часами молчатъ или цѣлыми часами стоятъ передъ лавкой мясника и обсуждаютъ достоинства и недостатки вывѣшенной туши барана, съ огромнымъ, широкимъ, сальнымъ курдюкомъ.

Съ бараньей туши стекаетъ кровь и ее лижутъ собаки, шныряющія въ ногахъ у правовѣрныхъ, собаки тощія, поджарыя, какіе-то скелеты, обросшіе шерстью.

Мясникъ отдираетъ негодные куски и кидаетъ ихъ тутъ же на улицѣ. И эти отбросы гніютъ на яркомъ, жгучемъ солнцѣ, пока ихъ не подберетъ умирающая съ голоду собака.

Словно какая-то эпидемія гнетущей, давящей тоски царитъ надъ этимъ кварталомъ, и медленно, печально бродитъ отравленная этой болѣзнью пестрая, живописная въ своихъ лохмотьяхъ, оборванная, залитая яркимъ солнцемъ толпа.

Но вотъ мы въѣхали въ кварталъ черныхъ мусульманъ. Полуголые, въ пестрыхъ чалмахъ, съ черными лицами, потрескавшимися большими губами, эти африканцы кидаютъ взгляды, полные злобы и ненависти. Они напоминаютъ звѣрей, съ рычаньемъ переходящихъ съ мѣста на мѣсто, когда въ клѣтку входитъ укротитель.

Сюда не рекомендуется ѣздить одному.

Только присутствіе каваса, хорошо вооруженнаго, спасаетъ васъ отъ какой-нибудь злобной выходки со стороны этого народа, самаго дикаго, самаго фанатичнаго среди мусульманъ Іерусалима.

Только счастливые изъ нихъ живутъ въ жалкихъ лачугахъ. Остальные гнѣздятся въ ямахъ подъ стѣнами, въ нишахъ старыхъ стѣнъ, среди развалинъ. Они плодятся здѣсь, какъ плодятся константинопольскія собаки въ рытвинахъ и выбоинахъ мостовыхъ. Здѣсь они дрогнутъ отъ холода,

мучатся отъ голода, подрастаютъ и разбредаются по своему кварталу.

Эте могребины, „собаки пророка“, какъ ихъ зовутъ мусульмане.

Здѣсь, вблизи священнѣйшей мечети міра, они, дѣйствительно, напоминаютъ большихъ, черныхъ, злыхъ собакъ, лежащихъ на стражѣ, злобно рычащихъ на всякаго чужого человѣка, словно боящихся, чтобы не тронули ихъ святыни.

Перерѣзавъ къ западу мусульманскій кварталъ, мы попадемъ въ царство нищихъ.

Самыхъ ужасныхъ, самыхъ жалкихъ, самыхъ отвратительныхъ, самыхъ несчастныхъ нищихъ міра. Съ глазами, закрытыми бѣльмами, со сведенными руками и ногами, съ открытыми гноящимися ранами, они лежатъ вдоль стѣнъ улицъ-коридоровъ, покрываютъ ступени лѣстницъ-улицъ. Только черезъ эту толпу, смрадную, ужасную, вы добираетесь до величайшихъ святынь христіанскаго міра. Эта толпа подползаетъ къ вамъ, хватаетъ вашу одежду, валяется у вашихъ ногъ, раскрывая свои ужасныя язвы.

— Я злѣпу (я слѣпой!)! я злѣпу! я злѣпу!—безъ устали, тоненькимъ, визгливымъ голосомъ, кричитъ человѣкъ, съ бѣльмами, закрывающими глаза.

— Лепроза! — хрипитъ прокаженный.

— Пàра! пàра! пàра (паралитикъ),—стонетъ разслабленный, лежа у стѣны, на самомъ припекѣ солнца.

Слѣпые, прокаженные, разслабленные нищіе вызываютъ къ себѣ особое сочувствіе паломниковъ. И „парички“, мелкія монеты, чаще всего сыплются въ руки слѣпыхъ, прокаженныхъ и разслабленныхъ, — больныхъ болѣзнями, о которыхъ часто упоминается въ Евангеліи.

Это отлично знаютъ іерусалимскіе нищіе и кричатъ „я злѣпу“ такъ, словно боятся, чтобы вы не пропустили случая сдѣлать доброе дѣло.

Пройдя по этимъ ужаснымъ улицамъ, по этимъ галлереямъ, гдѣ выставляются человѣческое несчастіе и страданіе, къ юго-востоку, мы попадаемъ въ настоящій кварталъ дѣтей.

Сотни дѣтишекъ наполняютъ улицы, шмыгаютъ подъ ногами у взрослыхъ. Ужъ по обилію дѣтей вы догадываетесь, что попали въ еврейскій кварталъ.

Это кварталъ дѣтей и стариковъ. Одѣтые въ длинные, черные костюмы, они сидятъ на порогахъ домовъ и дремлютъ на солнцѣ подъ тепломъ солнца родной земли. Это старики, пріѣхавшіе умирать въ Іерусалимъ. Есть старое народное преданіе, что кости каждаго еврея, гдѣ бы онъ ни умеръ, въ концѣ-концовъ, будутъ въ Палестинѣ. Они должны будутъ какъ кроты рыться подъ землею, пока не достигнуть земли обѣтованной. Эти старики пріѣзжаютъ сюда умирать, въ землю отцовъ, чтобы избавить отъ долгаго, труднаго путешествія свои старыя, наболѣвшія кости. Онѣ ютятся здѣсь, оплакивая прошлое величіе у старой, желтой, печальной стѣны, дремлютъ на солнцѣ родимой земли и терпѣливо ждутъ медленно приближающейся смерти, спокойной и тихой.

Эти „morituri“, эти старики, ждущіе смерти. Черные тюрбаны сефардиновъ и черныя широкополыя шляпы ашкиназимовъ, черные длинные камзолы мужчинъ и темныя одежды женщинъ, — все это придаетъ такой траурный видъ этому уголку города. И онъ казался бы полнымъ одной печали и скорби, если бы не тысячи дѣтскихъ голосовъ, звонкихъ, веселыхъ и чистыхъ, которые одни оживляютъ еврейскій кварталъ древней столицы.

И вотъ тишина, тишина могилы кругомъ. Мы въѣзжаемъ въ армянскій кварталъ. Высокія сѣрыя стѣны, среди которыхъ идутъ безлюдные коридоры, сѣрыя стѣны кладбищъ и монастырей.

Ни звука. Это городъ мертвыхъ.

Эта тишина, тишина могилы, царящая здѣсь,—это послѣдній тихій аккордъ, которымъ заканчивается эта симфонія, Іерусалимъ, такая великая, такая печальная.

Глава VIII.

Домъ Тайной Вечери.

Наступилъ вечеръ четверга Страстной недѣли.

Золотымъ отблескомъ заката горѣли горы Іудеи. Іерусалимскія стѣны, суровыя и мрачныя, бросали длинныя тѣни. Подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, такъ быстро здѣсь, на вершинѣ Сіона, смѣняющій знойный день холодною ночью. Издали, отъ русскихъ построекъ доносился печальный перезвонъ колоколовъ, призывавшій къ чтенію двѣнадцати евангелій, простой, трогательной, скорбной повѣсти о послѣднихъ дняхъ земной жизни Христа. Весь православный міръ вспоминалъ въ эти минуты о той „горницѣ", въ которой происходила Тайная Вечеря.

Я со своимъ кавасомъ подходилъ къ этому мѣсту.

Это не было гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ, глухихъ кварталахъ города. Здѣсь находились дома Анны и Каіафы. Въ то самое время, когда въ домѣ Каіафы обсуждали планъ, какъ захватить Учителя, въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія, Христосъ раздѣлялъ послѣднюю трапезу съ учениками. Въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ лилась восторженная рѣчь, полная безконечной любви, происходило совѣщаніе объ убійствѣ. Добро и зло такъ близко живутъ другъ къ другу.

Когда-то въ этомъ уголкѣ Іерусалима жили первосвященники, кипѣла жизнь. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ наиболѣе оживленныхъ центровъ города, богатыхъ и красивыхъ.

Любитель старины всегда немножко фантазеръ, немножко поэтъ. Кусокъ стараго камня, осколокъ красивой капители, метръ, полметра мозаичнаго пола, и онъ видитъ уже стройныя колоннады, портики съ поломъ, покрытымъ пестрой мозаикой, пышные своды. Типичное лицо, словно сошедшее съ старинной картины, и его воображеніе рисуетъ десятки, сотни лицъ. Улицы, площади оживаютъ, наполняются пестрой толпой, въ разноцвѣтныхъ, широкихъ, красивыхъ одеждахъ...

Отъ дома Каіафы уцѣлѣлъ кусокъ мозаичнаго пола. Что за пестрый, что за красивый, что за причудливый узоръ!

Воображеніе рисуетъ вамъ пышные чертоги, въ которыхъ жили первосвященники. Такіе роскошные внутри дворцы не могли не быть великолѣпными снаружи. Это былъ одинъ изъ оживленнѣйшихъ уголковъ Іерусалима. Цѣлые дни его улицы были наполнены народомъ. Все, что было яро патріотическаго, наиболѣе ортодоксальнаго, тяготѣло сюда. У народа, у котораго изъ всего великаго прошлаго уцѣлѣла, осталась только религія, важнѣйшіе религіозные вопросы разрѣшались здѣсь. Сюда, къ первосвященникамъ, приходили старѣйшины, члены синедріона, почетнѣйшіе люди города, окруженные своими клевретами, толпами слугъ, стражниками. Здѣсь бился политическій и религіозный пульсъ великаго города. Здѣсь обсуждались важнѣйшія дѣла общественной жизни, здѣсь зрѣли патріотическіе планы, постановлялись приговоры. Здѣсь глухо клокотало недовольство владычествомъ римлянъ, здѣсь собирались для совѣщаній старѣйшины, напуганные успѣхомъ новаго ученія, волновавшаго и увлекавшаго страну отъ далекаго Капернаума до Іерусалима. Здѣсь жизнь била ключемъ. Это не могло не привлекать сюда массы. На улицахъ толпились люди, пришедшіе къ первосвященнику на судъ, съ тяжбами, за помощью, совѣтомъ.

Сквозь толпу, сопровождаемые почетной стражей, проходили, среди глубокихъ почтительныхъ поклоновъ, старѣйшины народа. Фарисействующіе богачи здѣсь публично подавали милостыню, приказывая слугамъ раздавать народу мелкія монеты. Вокругъ нихъ раздавались льстивыя похвалы, восторги, благословенія. И вся эта пестрая толпа, живописныя лохмотья бѣдняковъ и раззолоченныя одежды богачей, при свѣтѣ южнаго солнца, на которомъ всѣ цвѣта и краски такъ ярко блестятъ и сверкаютъ, среди пышныхъ, красивыхъ домовъ.

Теперь здѣсь вѣетъ тишиной.

Всюду тянутся высокія стѣны христіанскихъ кладбищъ, окружающихъ домъ Тайной Вечери. И весь этотъ уголокъ Іерусалима, своей тишиной, своимъ безлюдьемъ, производитъ впечатлѣніе могилы, могилы прошлаго, изъ которой встаютъ блѣдные призраки — преданья. Въ узенькихъ переулкахъ-коридорахъ, между этими стѣнами, — ни души.

Какое великолѣпное прошлое, какое печальное настоящее! Эти сѣрыя стѣны кладбищъ,— словно выцвѣли и потускнѣли яркія краски прошлаго, и картина покрылась однимъ сплошнымъ безотраднымъ, сѣрымъ цвѣтомъ.

Я смотрѣлъ на эту выцвѣтшую, мертвую картину, пока мой кавасъ ожесточенно спорилъ съ муллой въ зеленой чалмѣ и десяткомъ дервишей.

Домъ Тайной Вечери принадлежитъ теперь мечети. Здѣсь общежитіе дервишей, наиболѣе фанатичныхъ, ревниво оберегающихъ на этомъ мѣстѣ одну изъ величайшихъ святынь мусульманскаго міра. Преданіе говоритъ, что подъ домомъ Тайной Вечери находятся могилы Давида и Соломона. Въ склепъ, гдѣ, по преданію, находятся могилы двухъ царей, не допускается ни одинъ невѣрный. Только правовѣрные могутъ входить въ таинственный сумракъ этого подземелья, а остальнымъ предоставляется осматривать наверху памятники царей поздней работы, ничѣмъ не интересные въ историческомъ отношеніи.

Споръ каваса-черногорца съ муллой и дервишами все разгорался и разгорался. Они, видимо, наотрѣзъ отказывались пустить гяура въ неурочное время въ священное мѣсто. Судя по тону каваса, онъ упрашивалъ, убѣждалъ,— грозилъ, и тогда среди потока турецкихъ словъ то и дѣло слышалось слово:

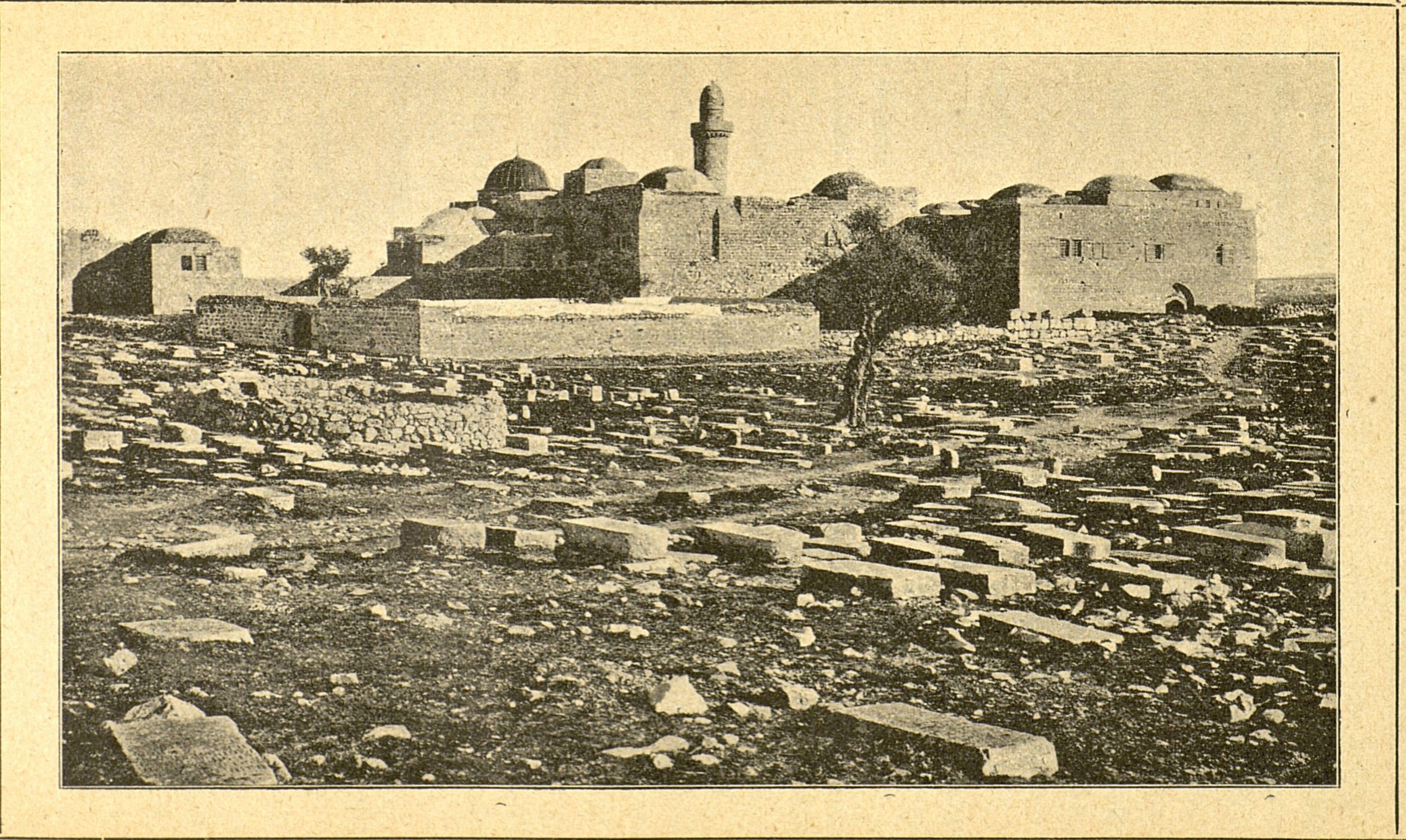
— Консулъ!

Мулла и дервиши стояли на своемъ. Они такъ жестикулировали, ихъ глаза такъ сверкали, они такъ яростно кричали, что это можно было бы принять за вспышку фанатизма. Но охрипшій отъ спора кавасъ безнадежно махнулъ рукой и обратился ко мнѣ:

— Требуютъ большой бакшишъ!

О, этотъ бакшишъ, который для восточнаго человѣка замѣнилъ все, всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ душевныя движенія.

Право, здѣсь, на Востокѣ, начинаешь думать, что умъ, сердце, душа — все это замѣнилось у восточнаго человѣка одной жаждой бакшиша.



Гробницы Давида и Соломона.

Останавливаетъ ли васъ съ грознымъ видомъ мулла передъ святыней мечети, кидается ли къ вашему экипажу, словно изступленная, толпа арабовъ,—это не вспышки фанатизма, племенной ненависти, это все только желаніе получить бакшишъ.

Нѣсколько піастровъ, и ярый, такъ красиво сверкавшій глазами фанатикъ низко кланяется, дотрогиваясь рукой до своей зеленой чалмы, чалмы человѣка, побывавшаго въ Меккѣ. Казалось, такая разъяренная толпа сгибается въ три погибели, прижимая руку къ сердцу, къ губамъ, къ головѣ.

— Да дайте имъ, сколько они хотятъ.

Всѣ кинулись разомъ, едва кавасъ открылъ кошелекъ. Каждый на перебой вопилъ:

— Бакшишъ!

И всѣ эти „фанатики", стоящіе на стражѣ священныхъ гробницъ, предупредительно поддерживая подъ локоть, съ низкими поклонами, повели меня наверхъ.

И вотъ это мѣсто.

Три маленькихъ рѣшетчатыхъ окна, высоко прорубленныхъ въ стѣнѣ, пропускаютъ сумрачный, погасающій свѣтъ. Большая горница, съ двумя колоннами, подпирающими сводчатый потолокъ, тонетъ въ полумракѣ.

— Антикъ!.. Антикъ эглизъ! *) — показываютъ мнѣ дервиши на одну изъ колоннъ.

— Скажите имъ, чтобъ они оставили меня въ покоѣ! — приказываю я кавасу.

Дервиши отходятъ въ сторону, и въ священной залѣ воцаряется тишина.

Это было здѣсь. Я въ этотъ часъ, на этомъ мѣстѣ, о которомъ думаютъ теперь милліоны людей, благоговѣйно читаютъ въ церквахъ. И память шепчетъ мнѣ воспоминанія, — эти тихія молитвы души. Здѣсь происходило священное таинство, совершенное Самимъ Христомъ.

Эти стѣны молчаливыя и такъ много говорящія...

Здѣсь въ „горницѣ, приготовленной, устланной", возсѣдалъ Онъ съ учениками и скорбнымъ взглядомъ смотрѣлъ на предателя, говоря:

*) Старинная церковь.

— Тотъ, кто обмакнетъ со Мной въ одну солонку кусокъ хлѣба, тотъ предастъ Меня.

Отсюда, боязливо, осторожно ступая по коврамъ, устилавшимъ полъ, крадучись, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ предатель. И еще восторженнѣе полилась рѣчь Учителя любви, когда Онъ остался среди вѣрныхъ.

— Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга...

И, слушая заповѣдь любви, сердца учениковъ наполнялись восторгомъ и вѣрой, и восклицали они:

— Вѣруемъ, что Ты отъ Бога исшелъ!

И, припавъ къ груди Учителя, слушалъ Его любимый ученикъ, передавшій намъ величайшія изъ словъ, божественнѣйшія изъ мыслей.

Я захотѣлъ взглянуть на городъ съ балкончика, примыкающаго къ горницѣ Тайной Вечери.

— Гаремъ! — всталъ на моей дорогѣ дервишъ.

— Бакшишъ! — сказалъ другой.

И нѣсколько піастровъ превратили ихъ снова въ предупредительныхъ, услужливыхъ, любезныхъ.

Такъ оскорбляло здѣсь все это, этотъ гаремъ съ рѣшетчатыми окнами, рядомъ съ мѣстомъ Тайной Вечери.

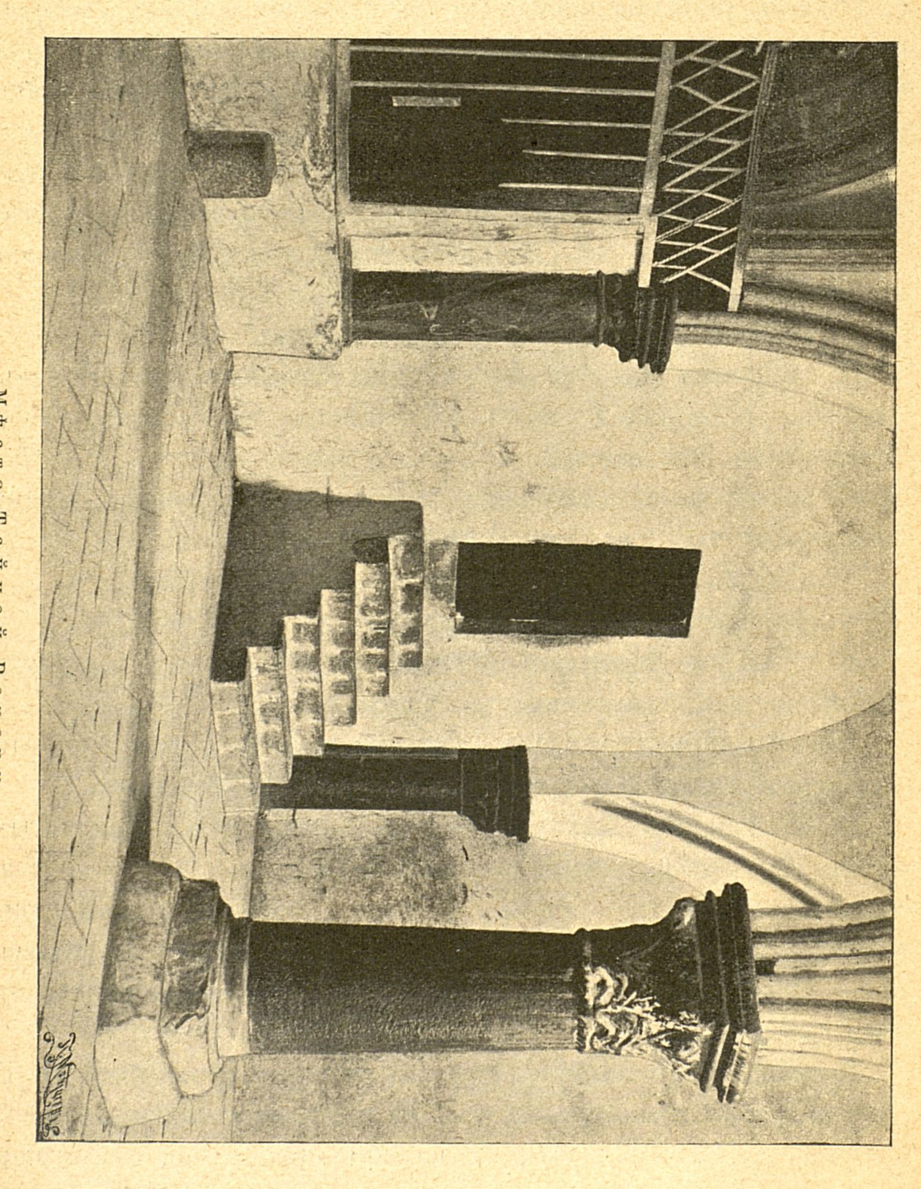
Съ балкончика былъ виденъ тотъ же рядъ извилистыхъ улицъ-коридоровъ, сѣрыя стѣны кладбищъ, та же мертвая, выцвѣтшая картина. Вдали шумѣлъ городъ. Здѣсь царила мертвая тишина. Откуда-то донесся ударъ колокола. Прозвучалъ здѣсь, какъ похоронный звонъ, и замеръ въ тишинѣ кладбищъ.

Я прошелъ къ выходу черезъ горницу Тайной Вечери. Теперь требовать было не за что. Позы, голоса, тонъ дервишей измѣнились. Голоса зазвучали жалобно, несчастно, какъ голоса нищихъ; они кланялись, касаясь руками земли, забѣгали впередъ и тономъ несчастнѣйшихъ попрошаекъ, желающихъ во что бы то ни стало разжалобить, тянули:

— Бакшишъ... Бакшишъ!..

Поясняя жестами, что показали мнѣ такое священное мѣсто.

— Бакшишъ! — этотъ жалобный стонъ оглашалъ теперь стѣны горницы, гдѣ происходила Тайная Вечеря.



Мѣсто Тайной Вечери.

Эти контрасты между настроеніемъ и жалкой дѣйствительностью такъ больно отзываются въ душѣ въ Іерусалимѣ, вызываютъ такое грустное, такое тяжелое, такое скорбное чувство.

Глава IX.

Садъ Геѳсиманскій.

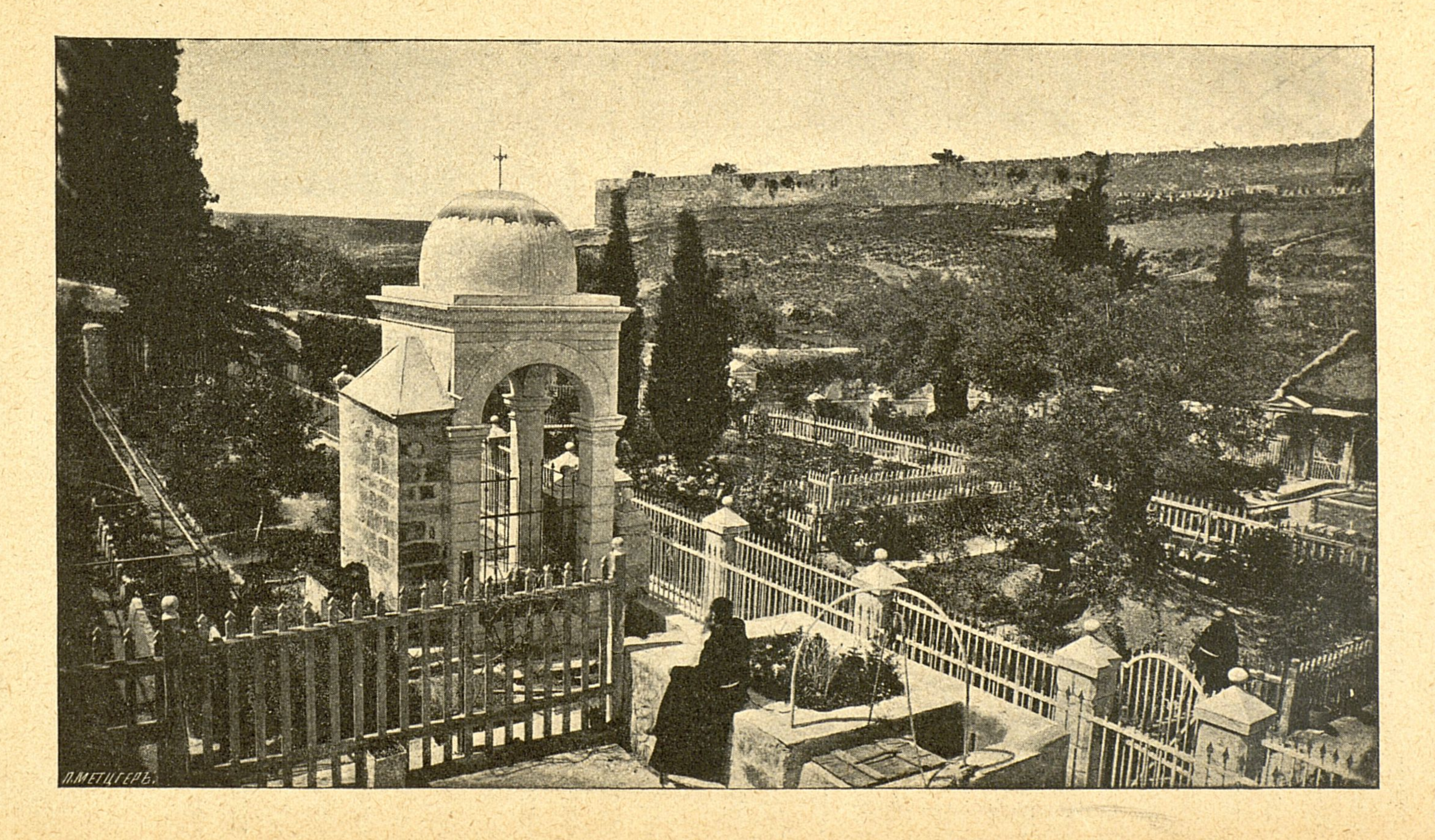
Вечеръ, какъ всегда на югѣ, наступалъ быстро.

Сгущались сумерки. Тѣнь Сіона и Іерусалима покрыла собой Іоасафатову долину, поднималась на противоположной сторонѣ по Элеонской горѣ все выше и выше. Мрачная долина Іосафата, долина смерти, гдѣ, по преданію, будетъ происходить Страшный судъ, была наполнена мракомъ. Словно призракъ, бѣлѣлъ въ глубинѣ, у Кедронскаго потока, памятникъ Авессалома. Лишь на вершинѣ Элеонской горы сверкалъ еще послѣдній золотой лучъ заката.

Здѣсь темной ночью, послѣ Тайной Вечери, проходилъ Христосъ. Узенькая тропинка вьется змѣйкой по крутымъ склонамъ горъ, идетъ по краямъ обрывовъ. Наверху чернѣли стѣны Іерусалима, молчаливаго, заснувшаго. Спало все. Не спали только въ ту ночь ненависть и любовь.

Христосъ шелъ по этой узенькой тропинкѣ, направляясь въ Геѳсиманскій садъ. Спаситель любилъ Элеонскую гору, съ масличными садами, покрывавшими ея склоны. Онъ часто удалялся сюда отъ шума суетнаго города. Онъ удалился сюда, въ тишину этихъ садовъ, плакать и молиться и въ ту ночь, предшествовавшую Его страданіямъ. Его взяли на томъ мѣстѣ, которое Онъ такъ любилъ.

Остатки Геѳсиманскаго сада принадлежатъ теперь католикамъ. Здѣсь сохранилось восемь деревьевъ, про которыя преданіе говоритъ, что они уцѣлѣли съ того времени. Восемь старыхъ масличныхъ деревьевъ, съ дряхлыми, растрескавшимися стволами. Они слышали вздохи смятенной души, доносившіеся съ того мѣста, гдѣ молился Христосъ. Зелень масличныхъ деревьевъ всегда покрыта бѣлымъ налетомъ. И ветераны-деревья кажутся сѣдыми отъ старости. Садъ окруженъ высокой каменной стѣной. Этихъ безмолвныхъ свидѣтелей великой ночи приходится защищать стѣнами, рѣшетками, металлическими сѣтками отъ вандализма поклонниковъ и туристовъ, желающихъ унести вѣточку на память.



Геѳсиманскій садъ.

Вы входите за ограду сада и останавливаетесь, непріятно пораженный. Зачѣмъ все это? Развѣ нуждалось такое мѣсто въ украшеніяхъ? Почему ему не дали уцѣлѣть въ его первобытномъ видѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ оно было, когда здѣсь молился Христосъ? Въ тысячу разъ было бы красивѣе, трогательнѣе, прекраснѣе, если бы простой зеленый коверъ покрывалъ пространство между деревьями. Этотъ уцѣлѣвшій уголокъ Геѳсиманскаго сада превратили въ цвѣтникъ. Онъ производитъ впечатлѣніе музея. Около каждаго дерева разбита клумба цвѣтовъ, и каждая клумба окружена каменной оградой. Словно витрины. Дорожки, мощеныя камнемъ. Все это производитъ впечатлѣніе банальной, шаблоннѣйшей рамы, въ которую зачѣмъ-то вставили картину дивной, рѣдкой, божественной красоты.

Недалеко отъ этого уцѣлѣвшаго уголка Геѳсиманскаго сада находится принадлежащій католикамъ же гротъ, который преданіе называетъ мѣстомъ моленія о чашѣ. Около входа въ садъ, въ глубинѣ узенькаго коридорчика, въ стѣнѣ видна сломанная колонна пожелтѣвшаго отъ времени мрамора. Здѣсь, по словамъ преданія, Іуда подошелъ ко Христу, со словами:

— Радуйся, равви!

По дорогѣ между гротомъ и остаткомъ этой колонны, изъ земли выступаютъ два огромныхъ пласта каменной скалы. Здѣсь, по словамъ преданія, оставались апостолы, пока Спаситель молился невдалекѣ.

Сюда подходилъ Христосъ и, видя учениковъ спящими, говорилъ имъ:

— Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе; духъ бодръ, плоть же немощна.

Еще недавно это мѣсто, такое священное по преданію, было свидѣтелемъ печальныхъ событій.

Духъ любви далеко, о, далеко не всегда живетъ здѣсь, около этихъ священныхъ мѣстъ.

Представители различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій всѣми силами стараются захватить себѣ мѣста, освященныя преданіями. Года три тому назадъ, католическіе монахи хотѣли обратить эти камни въ свою собственность и обнесли ихъ

стѣной. Греки сочли это незаконнымъ захватомъ и явились разрушать стѣну. Произошла свалка, во время которой были пущены въ ходъ даже револьверы.

Въ концѣ-концовъ, въ дѣло вмѣшались турецкія власти. Стѣну снесли, камень апостоловъ и колонна, гдѣ былъ преданъ Христосъ, были объявлены мѣстами, принадлежащими одинаково всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, и только такимъ образомъ удалось водворить спокойствіе и тишину въ мѣстѣ, гдѣ даже шумъ шаговъ кажется профанаціей священной тишины, полной такихъ воспоминаній.

Католическое духовенство очень любезно разрѣшило мнѣ провести нѣсколько часовъ вечеромъ въ этомъ священномъ уголкѣ. Испанецъ, францисканскій монахъ, съ глубокимъ поклономъ пожелалъ мнѣ покоя и мира и удалился въ свою келлію, увитую плющемъ, закрытую пышно разросшеюся сиренью. Я остался одинъ съ глазу на глазъ съ великимъ прошедшимъ.

На вершинѣ Элеонской горы погасъ послѣдній лучъ заката. Въ небѣ вспыхнули блѣдныя звѣзды, онѣ разгорались все ярче и ярче, и ночь засверкала своими бриллiантами.

Наступила тьма. Въ ней исчезла вся эта шаблонная рамка чудной картины: клумбы, изгороди, рѣшетки, дорожки. Во мракѣ вставали только темные силуэты старыхъ оливковыхъ деревьевъ, словно призраки прошлаго. Садъ дышалъ нѣжнымъ, еле уловимымъ ароматомъ цвѣтовъ. Въ эту холодную ночь цвѣты лили нѣжный, еле слышный ароматъ со своихъ чашечекъ. Было холодно, какъ въ ту ночь, когда слуги первосвященника должны были раскладывать костры, чтобы грѣться. Было тихо, и когда пробѣгалъ легкій ночной вѣтеръ, листья старыхъ деревьевъ тихо, тихо шелестѣли, словно вспоминали и шептали другъ другу о томъ, что они слышали, чему были свидѣтелями въ ту ночь.

Этотъ шелестъ листьевъ надъ головой, словно шопотъ неба, доносился съ вышины, словно шопотъ сверкающихъ звѣздъ. И когда стихалъ этотъ шопотъ, снова воцарялась тишина, въ которой погребены слова, раздававшіяся здѣсь когда-то.

Геѳсиманскій садъ. Древнія масличныя деревья временъ Спасителя.

Эти восемь свидѣтелей того, что было. Они видѣли нѣсколько темныхъ силуэтовъ людей, пришедшихъ съ той стороны долины, отъ Іерусалима. Они видѣли какъ отдѣлился Одинъ, удалился и палъ на колѣни съ мольбой. До нихъ доносился шопотъ молитвы о чашѣ. Смущенные они молчали, внимая шопоту, вздохамъ и стонамъ, и своей тишиной навѣвали сонъ на утомленныхъ апостоловъ. Въ благоговѣйной тишинѣ они внимали скорбной молитвѣ Спасителя міра.

Послышался стукъ шаговъ по каменистой тропинкѣ и голоса. Священная тишина была прервана. Подъ этими деревьями замелькали факелы.

Когда ихъ дрожащій свѣтъ мелькнулъ по листьямъ, казалось, деревья вздрогнули отъ страха и предчувствія бѣды.

При этомъ свѣтѣ факеловъ они видѣли все, что произошло дальше. И пораженныя мужествомъ Плѣнника лица воиновъ и слугъ, и насмѣшливой улыбкой искаженное лицо предателя, говорившаго:

— Радуйся, равви!

И смущенныя лица апостоловъ, и благородное негодованіе на лицѣ Петра, извлекшаго мечъ на защиту Учителя. И среди этихъ лицъ спокойный ликъ Спасителя, кроткій и добрый.

— Кого ищете?

— Іисуса Назорея.

— Это Я.

Здѣсь прозвучалъ звукъ поцѣлуя предателя, того поцѣлуя, который отравилъ сомнѣніемъ всѣ поцѣлуи міра.

Эти безмолвные свидѣтели слышали полный скорби вопросъ:

— Лобзаніемъ ли ты предаешь Сына человѣческаго?

Своей тѣнью они покрывали убѣгавшихъ и видѣли Христа, оставленнаго одного среди враговъ.

По нимъ въ послѣдній разъ скользнулъ красноватый отблескъ факеловъ, и все снова погрузилось во тьму.

Яркими точками сверкали удалявшіеся факелы.

Замиралъ стукъ шаговъ и голоса, доносившіеся издали, и подъ этими деревьями воцарилась тишина, въ которой было похоронено видѣнное и слышанное.

Лишь когда ночной вѣтерокъ пробѣгалъ по листвѣ, деревья тихо, смущенно шептали. Словно вздохъ срывался у нихъ.

И я стоялъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, дрожащій отъ воспоминаній, окружавшихъ меня. И въ сердцѣ просыпался страхъ, тотъ невольный страхъ, который испытываете вы, касаясь стопой священнаго мѣста. Страхъ, который испытывалъ Моисей, подходившій къ кусту, который горѣлъ и не сгоралъ.

Это было здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ.

Я глядѣлъ на звѣзды, свѣтъ которыхъ доносился такъ ярко сквозь прозрачный горный воздухъ. Тогда была такая же тихая, холодная, звѣздная весенняя ночь Палестины.

И нѣжный ароматъ цвѣтовъ поднимался къ небу, какъ тихая молитва Геѳсиманскаго сада.

Глава X.

Домъ первосвященника Анны.

Домъ бывшаго первосвященника Анны, тестя Каіафы, находился въ двухъ шагахъ отъ дома Тайной Вечери. Христа вели изъ Геѳсиманіи той же дорогой, по которой Онъ шелъ на Элеонскую гору, долиной Страшнаго суда. Быть-можетъ, здѣсь, на обрывахъ Сіона, стояли слуги первосвященника и тревожно всматривались въ красныя точки факеловъ, мелькавшія въ глубинѣ темной Іосафатовой долины:

— Удалось ли взять ненавистнаго первосвященникамъ Назарея?

На мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Анны, теперь храмъ женскаго армянскаго монастыря, примыкающаго къ зданіямъ армянскаго патріархата. Обширные дворы патріархата теперь заполнены армянами, пришедшими въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи со всѣхъ уголковъ своей родины.

Едва вы входите сюда, какъ васъ поражаютъ крикъ, шумъ, гамъ всей этой толпы. Народъ волнуется. Глаза горятъ. Страстные споры. Энергичные жесты. Какъ будто здѣсь кипитъ ссора и вотъ-вотъ дойдетъ до кровавой схватки.

Какая разница съ той картиной, которую вы видите на дворѣ русскихъ построекъ. Толпа паломниковъ и глубокая тишина. Вся эта толпа кажется подавленной тѣми впечатлѣніями, которыя она переживаетъ. Громкій разговоръ здѣсь заставилъ бы съ изумленіемъ оглянуться на говорящихъ. Если и бесѣдуютъ, то тихо, вполголоса, какъ бесѣдуютъ въ храмѣ, когда богослуженіе еще не началось. Но и такія бесѣды рѣдки. Въ толпѣ чаще всего слышится только вздохъ, тамъ и сямъ паломники читаютъ Евангеліе, Дѣянія св. апостоловъ, Псалтырь.

Какая разница между сосредоточенными, углубленными въ себя сѣверянами и этими восточными людьми, пылкими, экспансивными, шумно дѣлящимися тѣми впечатлѣніями, которыя ихъ поразили въ теченіе дня.

— О чемъ такіе споры?—спросилъ я у своего каваса, понимающаго по-армянски.

— Все по поводу священнаго огня, пойдетъ или не пойдетъ въ этомъ году ихъ патріархъ съ крестнымъ ходомъ вмѣстѣ съ греческимъ патріархомъ. Каждый годъ, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, идетъ этотъ споръ между армянами и греками, три года тому назадъ изъ-за этого цѣлую свалку въ храмѣ устроили.

И вся эта толпа фанатичная, экзальтированная, готова итти драться, добиваться силой, чтобъ ихъ патріархъ былъ допущенъ къ крестному ходу.

Съ патріаршаго двора, изъ этой шумной толпы, вы спускаетесь на нѣсколько ступенекъ и вступаете въ тихую женскую обитель. Узенькіе проходы - коридоры между зданіями. Крашеныя рѣшетчатыя, завѣшенныя занавѣсками окна келлій. И гробовая тишина.

Насъ встрѣтила помощница настоятельницы, бодрая, подвижная, маленькая старушка, съ живыми глазами, въ которыхъ свѣтится столько простой, трогательной вѣры, когда она указываетъ мѣста, освященныя преданіемъ. Для нея нѣтъ сомнѣній: преданіе и истина одно и то же.

Отъ дома Анны не осталось ничего, кромѣ одного священнаго мѣста, на которое указываетъ преданіе.

Въ лѣвомъ углу большого храма, теперь пустого и молчаливаго, небольшой, красиво выложенный изразцами придѣлъ. Престолъ, въ видѣ мраморной плиты, вдѣланной въ нишу. Мѣсто подъ этимъ престоломъ осѣнено лампадами.

— Здѣсь,—говоритъ старая монахиня, опускаясь на колѣни и показывая рукою на мѣсто подъ престоломъ,—здѣсь стоялъ Спаситель предъ судомъ Анны.

На этомъ мѣстѣ, говоритъ преданіе, стоялъ Христосъ, спокойно отвѣчая на яростные вопросы Анны. Здѣсь Его, въ рабьемъ усердіи, ударилъ одинъ изъ слугъ по ланитѣ, говоря:

— Такъ ли Ты отвѣчаешь первосвященнику?

Къ этому мѣсту на колѣняхъ подвигалась теперь толпа армянскихъ женщинъ. Шепча молитвы, со слезами на глазахъ.

Дойдя до священнаго мѣста, онѣ падали ницъ, лежали на полу, и по вздрагивавшимъ плечамъ можно было видѣть, что онѣ рыдаютъ. Такъ лежали онѣ по нѣсколько минутъ и затѣмъ припадали съ поцѣлуемъ къ тому мѣсту, котораго касалась стопа Спасителя въ скорбный часъ.

Передвигаясь при помощи рукъ, ползла по полу къ этому священному мѣсту молодая женщина, разбитая параличомъ.

Ея ноги безсильно тащились по плитамъ пола за ея туловищемъ, приподнятымъ на вытянутыхъ рукахъ.

Она теряла силы, руки сгибались, она падала на полъ и лежала такъ, рыдая, вздрагивая плечами.

До священнаго мѣста оставалось еще нѣсколько шаговъ Цѣлая вѣчность для несчастной параличной.

— Отчего не помогутъ ей?

— Нѣтъ, нѣтъ... Пускай она сама.

Да и несчастная женщина, услышавъ, что разговоръ идетъ о ней, взглянула съ такимъ испугомъ.

— Я сама... сама...

Она отдыхала и снова ползла. На ея измученномъ, покрытомъ слезами лицѣ было написано такое страданіе. Въ глазахъ, полныхъ слезъ, горѣла такая надежда и вѣра. Она ждала, быть-можетъ, чуда...

Глава XI.

Домъ Каіафы.

Домъ первосвященника Каіафы, куда отправилъ Анна Христа, находился въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія. И это мѣсто принадлежитъ въ настоящее время армянамъ-грегоріанцамъ.

Здѣсь въ ночь съ 3 на 4 апрѣля 33 года въ пышныхъ чертогахъ первосвященника собрался синедріонъ.

Люди мертвой буквы собрались судить живое слово ученія любви. Этимъ фанатикамъ-судьямъ все казалось доказательствомъ. И всѣ нужныя для нихъ доказательства были собраны.

Онъ говорилъ: „Разрушьте этотъ храмъ, и Я въ три дня воздвигну его".

Эти слова приводили ихъ въ ярость. Какихъ еще доказательствъ нужно было Его виновности?

И въ этихъ роскошныхъ чертогахъ, передъ этимъ разъяреннымъ, обезумѣвшимъ отъ фанатизма синедріономъ, предсталъ Христосъ со спокойнымъ, кроткимъ, скорбнымъ ликомъ.

Отъ дома Каіафы уцѣлѣло немногое. Подъ каменнымъ навѣсомъ хранится кусокъ мозаичнаго пола, пестрый, узорный, похожій на роскошный, расшитый разноцвѣтными шелками персидскій коверъ, и нѣсколько обломковъ колоннъ, нѣсколько обломковъ капителей съ причудливыми завитушками. Вотъ все, по чему можно судить о красотѣ и богатствѣ дома первосвященника.

Въ тѣ времена неоплатныхъ поборовъ мѣста первосвященника домогались очень богатые люди. Каіафа былъ одинъ изъ богатѣйшихъ. У него была обширная дача около Іерусалима на горѣ, которую съ тѣхъ поръ стали звать горой Злаго Совѣщанія. Тамъ былъ выработанъ планъ, какъ захватить Христа при помощи измѣны. Городской домъ, судя по остаткамъ, богатый, роскошный, служилъ Каіафѣ для пріема по дѣламъ. Сюда же привели на судъ и Спасителя. Здѣсь Онъ въ восторженной и вдохновенной рѣчи говорилъ о Своемъ царствѣ.

Его восторженное слово еще больше разжигало ярость фанатиковъ.

Здѣсь первосвященникъ, въ порывѣ безумнаго гнѣва, разодралъ на себѣ одежды и обратился къ синедріону со словами:

— Какого свидѣтельства намъ нужно еще?

И синедріонъ отвѣтилъ изступленнымъ крикомъ:

— Смерть.

Я не безъ удивленія оглянулся въ этомъ уголкѣ на пышный памятникъ бѣлаго мрамора, изъ медальона котораго глядѣло изображеніе человѣка въ фескѣ.

— Чей это памятникъ?

— Одного богатаго армянина, который пожелалъ быть похороненнымъ здѣсь.

Памятникъ богатый, но безвкусный, съ двумя шаблонными плачущими дѣтьми, прислонившимися къ пьедесталу, сооруженъ сыномъ покойнаго, „comme gage éternel de son amour filial“, какъ гласитъ надпись.

Какой вандализмъ превращать такія священныя историческія мѣста въ современныя кладбища. Этотъ памятникъ, суетный и пышный, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ Христу, гдѣ Онъ связанный былъ отданъ на поруганіе первосвященнической черни...

Клевреты, прислужники, стражи кинулись на Осужденнаго. Въ то время, когда одни были ослѣплены фанатизмомъ, другіе пользовались случаемъ, чтобъ выказать свою преданность первосвященнику и синедріону.

Это было второе поруганіе, которому подвергся Христосъ, и съ этой минуты Его скорбный путь превратился въ цѣпь безпрерывныхъ страданій.

— Здѣсь темница, въ которую былъ заключенъ Христосъ.

Я вошелъ въ небольшую церковь, очень красивую, изящную, стѣны которой всѣ выложены фаянсомъ.

— Направо.

Отверстіе, вышиной менѣе человѣческаго роста, вело въ эту темницу-нишу, въ которой съ трудомъ могутъ помѣститься стоя два человѣка. Здѣсь, по преданію, провелъ Христосъ нѣсколько часовъ.

Когда Христосъ стоялъ предъ Каіафой, приближался разсвѣтъ, дважды пропѣлъ пѣтухъ и напомнилъ отрекшемуся ап. Петру про слова Учителя. Къ Пилату Христа повели рано утромъ. Этотъ-то промежутокъ времени, предразсвѣтные часы и провелъ Христосъ, по преданію, въ этой темницѣ.

Нагнувшись такъ, что касался рукою пола, я вошелъ въ темницу и вдрогнулъ, очутившись здѣсь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ. Сначала я принялъ его за изваяніе.

Блѣдное, безъ кровинки, красивое, молодое лицо. Лицо аскета. Исхудалое, безжизненное. Только въ глазахъ свѣтится суровый огонь. Длинное черное одѣяніе.

Онъ молча полилъ мнѣ на руку нѣсколько капель освященной розовой воды.

Это армянскій монахъ. Онъ цѣлые дни, съ ранняго утра и до поздняго вечера, проводитъ здѣсь, въ этой темницѣ, выложенной фаянсовыми изразцами, съ маленькимъ престоломъ, украшеннымъ цвѣтами, проводитъ стоя, не произнося ни слова, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ страдалъ Спаситель міра. Таковъ его суровый обѣтъ.

Отъ этого молчальника, ушедшаго въ себя, въ свои думы на этомъ страшномъ мѣстѣ, вѣетъ чѣмъ-то такимъ далекимъ: словно призракъ средне-вѣковаго отшельника-монаха всталъ передъ вами.

Изъ палатъ Каіафы въ эту темницу влекли Христа черезъ дворъ первосвященническаго дома. Здѣсь-то, на этомъ дворѣ, вѣроятно, и разыгрывались сцены поруганія.

Это мѣсто и теперь занято дворомъ, вымощеннымъ гладкими плитами. Подъ красивымъ портикомъ вдоль стѣны покоятся умершіе армянскіе патріархи, подъ пышными монументами изъ бѣлаго мрамора.

На этомъ дворѣ стража и слуги ждали окончанія суда синедріона. Въ ту холодную ночь здѣсь былъ разложенъ костеръ. Около него среди другихъ грѣлся и ап. Петръ.

Изъ дома первосвященника доносились разъяренные крики и вопли ненависти, и здѣсь все было настроено подозрительно и мрачно. Пытливо вглядывались въ незнакомыя лица:

— Не изъ учениковъ ли онъ Того, Кого осуждаютъ теперь первосвященникъ и старѣйшины?

Здѣсь Петръ трижды отрекся, и армяне указываютъ подъ портикомъ, около стѣны, низенькую бѣлую колонну...

— Здѣсь мѣсто отреченія.

Въ третій разъ отрекся Петръ, и раздалось второе пѣніе пѣтуха. И вспомнилъ Петръ скорбныя слова Христа, сказанныя въ тотъ вечеръ:

— Прежде, чѣмъ пѣтухъ пропоетъ два раза, ты трижды отречешься отъ Меня.

И, выйдя изъ двора, горько заплакалъ.

Выйдя изъ армянскаго монастыря и повернувъ за уголъ, вы увидите въ нѣсколькихъ шагахъ у стѣны небольшую колонну изъ желтаго камня.

Здѣсь, по преданію, и плакалъ апостолъ Петръ, выйдя со двора Каіафы. А оттуда неслись ожесточенные крики и яростные вопли: осужденнаго Христа влекли изъ синедріона въ темницу.

Гасли звѣзды. Облака надъ Элеонской горой загорались блѣднымъ свѣтомъ. Вѣяло предразсвѣтнымъ холодомъ. Наступало утро страшнаго, скорбнаго дня.

Глава XII.

Крестный путь.

12 Нисана 3793 года здѣсь, среди яростныхъ криковъ и воплей изступленной толпы, окруженной римскими легіонерами, изнемогая подъ тяжестью креста, шелъ Христосъ, одинокій, покинутый. За нимъ шли съ торжествующимъ видомъ старѣйшины народа, ликовавшіе двойную побѣду: побѣду надъ ненавистнымъ римскимъ правителемъ, котораго они только что заставили утвердить ихъ приговоръ и побѣду надъ опаснымъ Учителемъ, Котораго еще нѣсколько дней тому назадъ народъ встрѣчалъ восторженно, какъ царя, криками: „Осанна“, съ пальмовыми вѣтвями, устилая Его путь своими одеждами.

Теперь старѣйшины могли сказать этому народу:

— Смотрите, вотъ Тотъ, предъ Которымъ вы преклонялись. Вы видите, достаточно было нашего слова, чтобы Онъ пошелъ на казнь.

Тѣ, кто вѣрили въ Него, какъ въ Мессію, быть-можетъ, ждали чуда. Ждали, что небеса развернутся, и легіоны ангеловъ, блистая огненными мечами, поразятъ Его враговъ, освободятъ Его и, вмѣсто Голгоѳы, поведутъ въ храмъ, какъ Мессію и Царя.

Но чуда не совершалось, восторженная вѣра замѣнялась ненавистью, озлобленіемъ за несбывшіяся надежды.

Тѣ, кто вѣрили глубже въ Его ученіе, колебались и сомнѣвались, видя, что Онъ осужденъ всѣми и идетъ за Свое ученіе на позорную казнь.

И только женщины, видя передъ собой одни страданія, рыдали и плакали, не боясь злобы разъяренной толпы. Только къ женщинамъ и обратился Спаситель на Своемъ послѣднемъ, скорбномъ пути.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка.

По этимъ священнымъ мѣстамъ прошли милліоны людей, побѣдителей, побѣжденныхъ, вѣрующихъ, невѣрныхъ.

Здѣсь раздавались молитвы, крики побѣды и вопли пораженія, стоны умирающихъ, пѣніе гимновъ и дикій вой азіатскихъ ордъ.

Здѣсь благоговѣйно разыскивали священныя мѣста, на которыя указывали исторія и преданіе, и строили великолѣпные храмы. Затѣмъ храмы разрушались, разыскивались снова и снова сравнивались съ землей. При каждомъ завоеваніи надъ Іерусалимомъ сбывалось пророчество о томъ, что камень не останется на камнѣ.

Здѣсь, въ 70 году отъ Р. Х., прошли желѣзные легіоны Тита, подавляя возстаніе, мстя, все разрушая на своемъ пути.

Черезъ 60 лѣтъ легіоны Адріана здѣсь все сравняли съ землей, превращая городъ Сіона въ Элію Капитолину, стирая съ лица земли даже самое имя Іерусалима.

Здѣсь св. равноапостольный императоръ Константинъ строилъ храмы, величіемъ и блескомъ затмевавшіе все, что знали Римъ и Византія.

Здѣсь въ 614 году, словно ураганъ, прилетѣвшій изъ степей средней Азіи, пронеслись орды огнепоклонниковъ персидскаго царя Хозроя, превративъ все въ груды мусора и осколковъ.

Здѣсь въ теченіе двухъ вѣковъ грабили и разрушали возобновленные храмы арабскіе калифы, наслѣдники великаго калифа Омара.

Здѣсь въ 1009 году безумный египетскій султанъ Хакемъ, вообразивъ себя богомъ, приказалъ до основанія разрушить всѣ храмы, гдѣ поклонялись не ему.

Здѣсь въ 1099 году, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, надѣтыхъ на кольчуги и латы, убивая и съ пѣніемъ гимновъ, по колѣно въ крови, съ пальмовыми вѣтвями и мечемъ, прошли крестоносцы.

И каждое изъ этихъ нашествій оставляло новый слой мусора, щебня, обломковъ. Земля, покрытая поцѣлуями вѣрующихъ, покрывалась пылью вѣковъ, пропитанной кровью и слезами.

За 18 вѣковъ эта кора прошлаго наросла въ нѣсколько метровъ, и чтобы изъ свѣта, зноя и шума теперешнихъ улицъ погрузиться въ тишину, тьму и холодъ прошлаго, вы должны глубоко спуститься подъ землю. Широкія улицы тогдашняго Іерусалима лежали гораздо ниже теперешняго лабиринта извилистыхъ, узкихъ улицъ-коридоровъ.

Гдѣ начинался Крестный путь?

Этотъ вопросъ разрѣшенъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ.

Нами былъ купленъ у коптскаго священника участокъ земли на той улицѣ, которую католическое преданіе называетъ Крестнымъ путемъ.

Сначала здѣсь хотѣли строить консульство, но уже поверхностныя раскопки этого мѣста показали, что мы находимся на могилѣ великаго прошлаго. Первыя же поверхностныя раскопки дали находки, очень интересныя и важныя въ археологическомъ отношеніи. Тогда, по иниціативѣ Его Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, при его матеріальной помощи, подъ руководствомъ тогдашняго главы нашей іерусалимской

миссіи, покойнаго архимандрита Антонина, были произведены глубокія и тщательныя раскопки.

Изъ-подъ грудъ мусора, изъ-подъ толстаго слоя исторической пыли и праха поднялось прошлое, — колонны храма Константина. Этотъ храмъ обширнѣйшій и великолѣпнѣйшій заключалъ въ себѣ весь скорбный путь отъ Лиѳостратона до Голгоѳы. Онъ покрывалъ своей сѣнью всѣ мѣста страданія и побѣды. Онъ простирался надъ преторіей Пилата, надъ Голгоѳой, надъ Гробомъ Господнимъ. Страданіе, смерть и воскресеніе,—всѣ эти воспоминанія жили въ храмѣ императора Константина.

Эта колоннада высилась надъ мѣстомъ особо священнымъ по воспоминаніямъ. Среди колоннъ лежала большая плита дикаго камня. По ней, очевидно, проходили тысячи и тысячи людей. Она вся истерта ступавшими по ней ногами. На ней сохранились углубленія, служившія при запорѣ воротъ.

Это былъ порогъ Судныхъ дверей, „воротъ Ефремовыхъ“, черезъ которыя вела дорога на Голгоѳу.

На это мѣсто указывали и исторія, и преданіе, и топографія мѣстности. Только черезъ эти ворота, ворота второй Нееміевой стѣны, и можно было выйти изъ города на Голгоѳу.

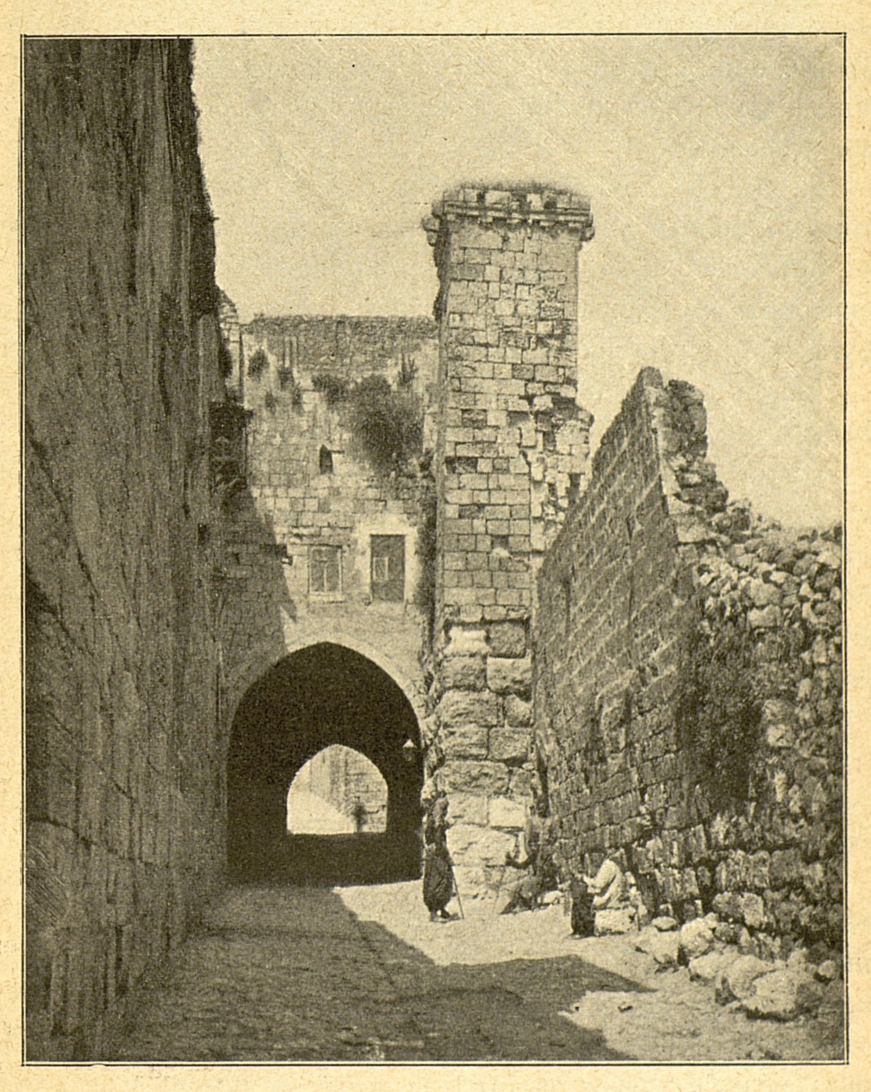
Этого порога касалась стопа Божественнаго Страдальца, когда Онъ, изнемогая подъ бременемъ креста, вышелъ изъ города, чтобы совершить свой путь, теперь уже краткій, на Голгоѳу.

При выходѣ изъ этихъ воротъ, вѣроятно, стояли и плакали іерусалимскія женщины, къ которымъ Онъ обратился со скорбнымъ пророческимъ словомъ о гибели города, который покидалъ. Отсюда дорога поднималась круто на возвышенность Голгоѳы. Здѣсь, на краю рва, окружавшаго іерусалимскія стѣны, рва, существованіе котораго открыто теперь при раскопкахъ, Христосъ упалъ подъ тяжестью креста, и возвращавшійся съ поля въ городъ Симонъ Киринеянинъ взялъ крестъ, чтобы внести его въ гору, на Голгоѳу, теперь уже близкую.

Среди колоннъ Константинова храма поднялось и возвышенное мѣсто Лиѳостратонъ, съ котораго былъ объявленъ смертный приговоръ.

Здѣсь была преторія Пилата.

Стѣна Нееміи дѣлала здѣсь зигзагъ, чтобы окружить четвероугольникъ, укрѣпленное мѣсто, нѣчто въ родѣ цитадели. Здѣсь, словно сторонясь отъ города, который онъ презиралъ,



Судилище Пилата.

жилъ Пилатъ. Это было тревожное, смутное время, полное мрачныхъ предчувствій. Одно указаніе на то, что Нѣкто называетъ Себя царемъ іудейскимъ, кидало въ дрожь римскаго правителя. Не слѣдуетъ забывать, что это было время, предшествовавшее возстанію.

Пилатъ жилъ здѣсь, забившись въ этотъ уголокъ Неемiевой стѣны, гдѣ онъ со своимъ отрядомъ чувствовалъ себя въ безопасности на случай возмущенiя, гдѣ онъ, какъ въ цитадели, могъ защищаться, гдѣ до него не могли добраться мятежники. Сюда приходили къ нему за утвержденiемъ смертныхъ приговоровъ, и онъ, поглумившись надъ народомъ, который ненавидѣлъ и котораго боялся, съ возвышеннаго помоста объявлялъ свое рѣшенiе.

На этомъ Лиѳостратонѣ Пилатъ умылъ себѣ руки,—на этомъ пестромъ тогда помостѣ, на который требовавшiе смерти не рѣшались войти предъ праздникомъ Пасхи, чтобъ не оскверниться. Сколько презрѣнiя и отвращенiя кипѣло тогда другъ къ другу съ обѣихъ сторонъ!

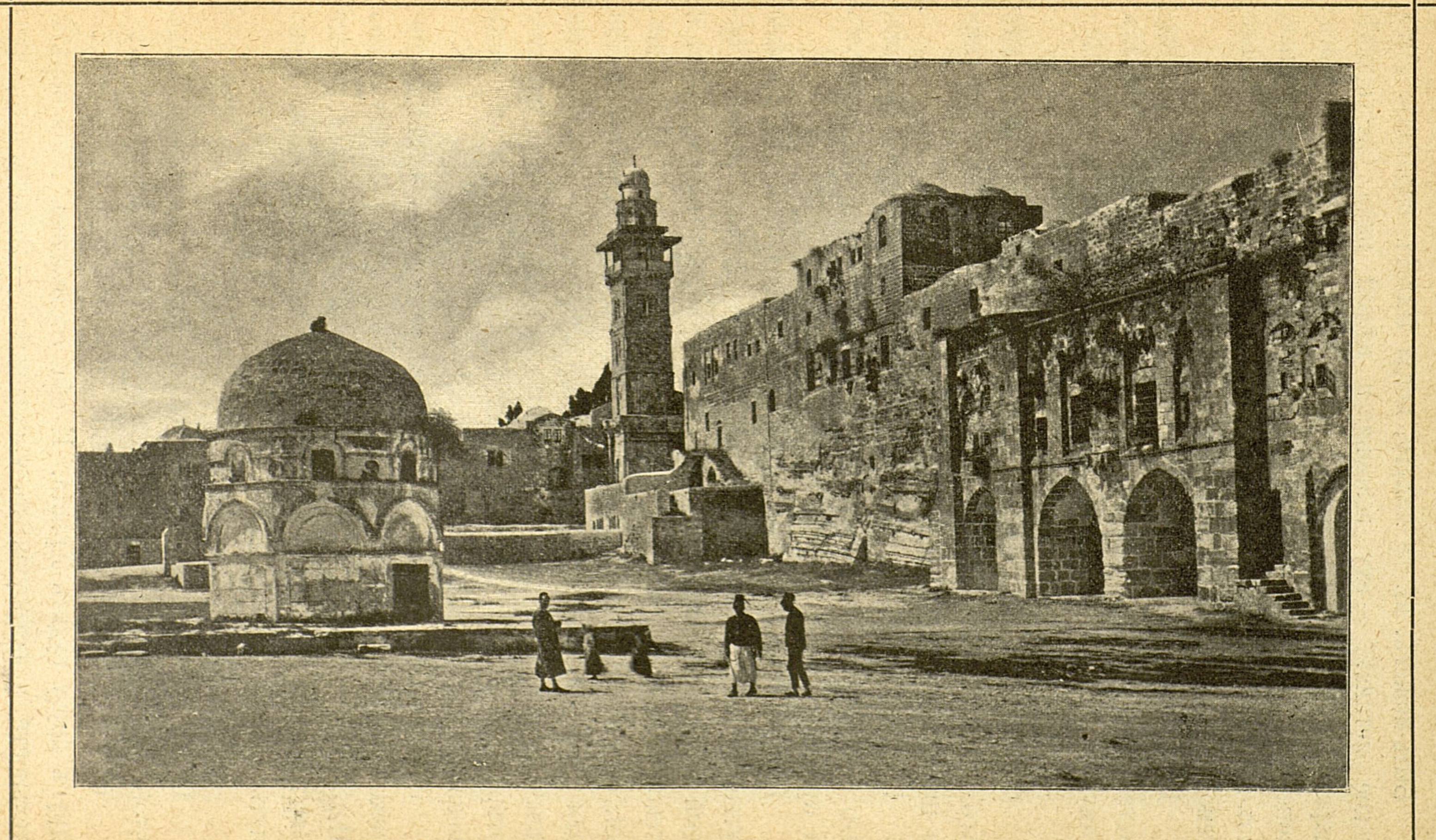
Пилатъ весь сказался въ этомъ умовенiи рукъ. И не только Пилатъ, но и весь его вѣкъ.

Это былъ человѣкъ, предпочитавшiй умывать руки и брезгливо отходить въ сторону во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Эпикуреецъ и циникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь понимается слово „цинизмъ", онъ не интересовался ничѣмъ, презиралъ все, что ни касалось лично его, его благополучiя, и только пожималъ плечами, когда говорили объ истинѣ.

— Что такое истина?

И онъ даже не дождался отвѣта, такъ мало это его интересовало.

Онъ былъ истиннымъ сыномъ своего времени. Это было время языческаго „конца вѣка". Вѣра въ боговъ была потеряна, и то, что прежде было священными сказанiями, превратилось только въ отличные сюжеты для поэтическихъ сказокъ, которыя такъ красиво писалъ Овидiй Назонъ. Это былъ вѣкъ, когда религiя перестала быть религiей и превратилась только въ поэзiю. Въ боговъ не вѣрилъ никто, — это было наканунѣ того, какъ потерявшiе вѣру въ боговъ императоры сами объявляли себя богами. Истина, справедливость,— это были отличными темами для красивыхъ парадоксовъ, и какъ предметы, не имѣвшiе никакого отношенiя къ наслажденiю краткой, бо- смертныи сивой жизнью, —не интересовали никого.



Цитадель Антонія.

Быть-можетъ, въ ту минуту, когда Пилатъ спросилъ: „Что такое истина?!“ — ему вспомнился цѣлый рядъ блестящихъ парадоксовъ философовъ языческаго конца вѣка, — и онъ, конечно, не могъ понять, какъ можно жертвовать жизнью изъ-за истины, — изъ-за того, что можетъ служить только темой для остроумнаго, изящнаго, легкаго спора.

И онъ умылъ себѣ руки, потому что вопросъ шелъ о предметахъ, нисколько не интересныхъ для него — и онъ сказалъ самую циничную фразу, которая когда-либо звучала въ мірѣ:

— Неповиненъ я въ крови этого Праведника.

Онъ считалъ Осужденнаго правымъ и все-таки посылалъ Его на казнь, — потому что отъ этого страдала только истина и ничего болѣе. А что такое истина?

Все, чѣмъ заинтересовался Пилатъ въ судѣ надъ Христомъ, это возможностью лишній разъ поглумиться надъ ненавистнымъ и презираемымъ народомъ.

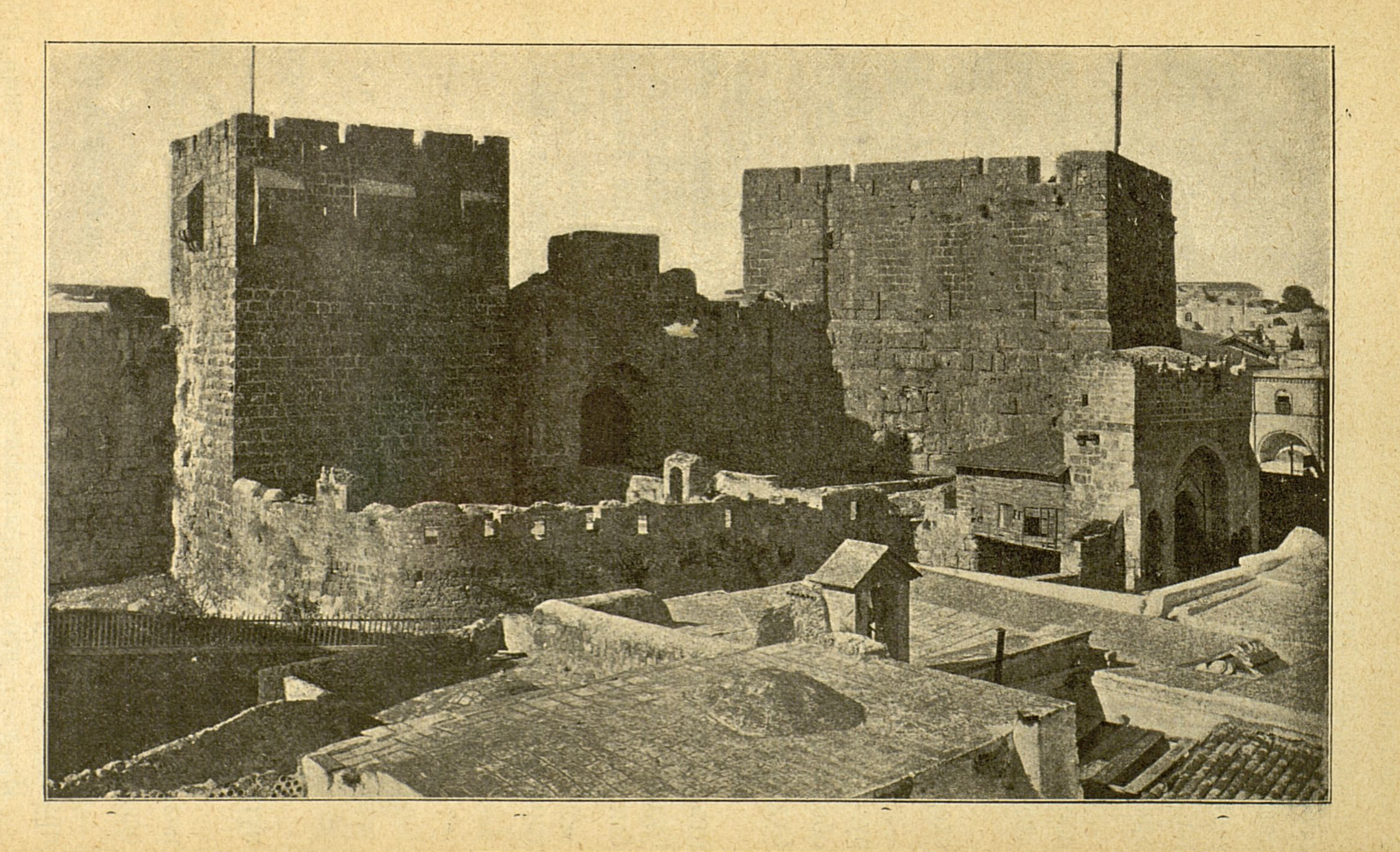
Въ то время смертные приговоры синедріона, требовавшіе утвержденія римскаго правителя, постановлялись рѣдко. Гордый синедріонъ старался избѣгать встрѣчъ съ ненавистнымъ и оскорблявшимъ правителемъ. И вотъ они явились. Священники, старѣйшины, народъ. Они стояли около помоста, считая для себя оскверненіемъ даже приблизиться къ порогу дома язычника; Пилатъ читалъ въ ихъ глазахъ затаенное, скрытое отвращеніе и вражду, — и, сознавая свою силу, глумился надъ ненавидѣвшей его, безсильной толпой.

Здѣсь воины Пилата, во внутреннемъ дворѣ преторіи, бичевали Іисуса, и надѣвали на него багряницу, и возлагали на Него терновый вѣнецъ,—для того, чтобъ Пилатъ могъ, выведя окровавленнаго, замученнаго Страдальца, съ насмѣшкой крикнуть толпѣ:

— Вотъ Царь вашъ!

Отсюда измученнаго Христа отправляли къ правителю Ироду, чтобъ Онъ вернулся сюда и выслушалъ смертный приговоръ.

Оба правителя обмѣнивались любезностями, предоставляя другъ другу судить Христа. И оба состязались въ изобрѣтательности и остроуміи въ насмѣшкахъ, — Пилатъ, отправляя Христа въ терновомъ вѣнцѣ, а Иродъ, одѣвая Его, поруганнаго



Башня Давида.

и избитаго, въ свѣтлыя одежды. Все это происходило здѣсь, въ предѣлахъ теперешнихъ русскихъ раскопокъ, подъ этимъ огромнымъ, величественнымъ зданіемъ-шатромъ, гдѣ свѣтъ, падающій изъ нѣсколькихъ ярусовъ оконъ, ярко освѣщаетъ и помостъ, и камень, служившій порогомъ воротъ, и указывающіе на это великое историческое мѣсто колонны Константинова храма.

Католическое преданіе, существующее со временъ крестоносцевъ, указываетъ иное мѣсто преторіи Пилата, гораздо далѣе отъ Голгоѳы, на мѣстѣ такъ называемой цитадели Антонія.

Но у этого камня, служившаго порогомъ Судныхъ воротъ, сходятся всѣ преданія.

Католическая Via dolorosa ведетъ черезъ это мѣсто. Уголъ русскихъ построекъ заставляетъ ее немного уклониться, чтобы обогнуть этотъ уголъ. Эта Via dolorosa ведетъ прямо къ камню Судныхъ воротъ.

Не отказываясь, въ силу исторической давности и привычки, отъ традиціоннаго мѣста преторіи, католики признаютъ порогъ Судныхъ воротъ и считаютъ его „святыней, которая должна быть сохранена неприкосновенной“ (статья аббата Монике).

Всѣ преданія сходятся у этого историческаго камня, котораго касалась стопа Спасителя, когда Онъ шелъ на Голгоѳу.

Глава XIII.

Via dolorosa.

„Via dolorosa“ такое поэтичное названіе носитъ крестный путь, указываемый старымъ католическимъ преданіемъ.

„Via dolorosa“ начинается съ того мѣста, гдѣ была такъназываемая цитадель Антонія. Мѣсто, безспорно, историческое, освященное страданіями Спасителя.

Здѣсь жилъ Иродъ, правитель Галилеи, пріѣхавшій передъ праздникомъ Пасхи въ Іерусалимъ.

Иродъ — это ничтожнѣйшее изъ дѣйствующихъ лицъ той страшной и великой міровой драмы, которая происходила въ тѣ дни въ Іерусалимѣ. Христосъ, разговаривавшій даже съ

Пилатомъ, ни слова не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ Ирода. Правитель Галилеи, Иродъ, много слышалъ о Христѣ, Его ученіи, чудесахъ, и даже обрадовался, когда къ нему привели Іисуса. Это его очень заинтересовало, онъ надѣялся, что Христосъ покажетъ ему какое-нибудь чудо. Онъ забросалъ Христа вопросами, но Плѣнникъ молчалъ и ни одного изъ праздныхъ вопросовъ не удостоилъ отвѣтомъ. Тогда разозленный правитель надругался самъ надъ Беззащитнымъ, приказалъ надругаться своимъ воинамъ,—чтобы не отставать въ остроуміи отъ Пилата, приказалъ одѣть Христа въ свѣтлыя одежды и отправилъ Его къ правителю Іудеи.

Это былъ обмѣнъ любезностей между Пилатомъ и Иродомъ, бывшими въ ссорѣ и желавшими примириться. Пилатъ отправилъ Христа на судъ правителя Галилеи, какъ галилеянина. А Иродъ спѣшилъ отвѣтить на любезность любезностью и признавалъ право суда надъ Плѣнникомъ за Пилатомъ. И послѣ этого между ними воцарились миръ и дружба.

Такъ два правителя обмѣнивались любезностями и состязались въ остроуміи надъ Беззащитнымъ, въ то самое время, когда исторія міра дѣлилась на двѣ половины.

Старое католическое преданіе указываетъ на цитадель Антонія, какъ на мѣсто преторіи Пилата.

Здѣсь находится арка, вѣроятно, остатокъ тріумфальной римской арки, которую преданіе называетъ „Ecce Homo".

Въ тѣ времена улицы Іерусалима были вдвое шире теперешнихъ. Тріумфальная арка, перекинутая черезъ тогдашнюю улицу, теперешнюю улицу покрываетъ одной своей половиной. Другая половина арки уходитъ въ монастырь дервишей.

Въ этой-то аркѣ, по словамъ католическаго преданія, Пилатъ показалъ народу истерзаннаго, измученнаго Христа, со словами: „Се человѣкъ!"

Мѣсто, гдѣ Христа подвергали пыткѣ, по католическому преданію, находится въ десяткѣ саженей отъ этой арки, противъ теперешнихъ турецкихъ казармъ. Тамъ были казармы легіонеровъ, и тамъ скучавшіе въ Іудеѣ грубые римскіе солдаты варварски издѣвались надъ Плѣнникомъ, представителемъ побѣжденнаго и ненавистнаго народа.

На мѣстѣ указываемой преданіемъ преторіи находится женскій монастырь Notre-Dame de Sion.

Мы осматривали этотъ монастырь вмѣстѣ съ небольшой группой католическихъ поклонниковъ.

Арка «Ecce Homo».

Въ то время, какъ русское паломничество въ Святую Землю, благодаря Православному Палестинскому обществу, все растетъ и растетъ, паломничество изъ католическихъ странъ, сравнительно, не велико. На тысячи русскихъ паломниковъ,

прибывающихъ въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи, едва можно насчитать сотни паломниковъ-католиковъ. Въ то время, какъ караваны православныхъ паломниковъ, отправляющихся въ Назаретъ, въ 1.000—1.500 человѣкъ, явленіе самое обычное, католическіе караваны рѣдко превышаютъ 100—200 человѣкъ. Католическій караванъ въ 300 паломниковъ — это въ Палестинѣ уже событіе.

Мы вошли въ монастырь Notre-Dame de Sion съ маленькой группой поклонниковъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Надо отдать полную справедливость католикамъ: они относятся къ своимъ святынямъ съ величайшимъ вниманіемъ, содержатъ ихъ въ идеальномъ порядкѣ. На всемъ, что мы видѣли здѣсь, въ этомъ монастырѣ, лежалъ отпечатокъ нѣжной женской руки, заботливо относящейся къ святынѣ.

Насъ встрѣтила молодая, еще красивая сестра съ печальнымъ лицомъ. Ея блѣдность еще больше выдѣлялась на бѣломъ фонѣ этихъ огромныхъ лопастей, которыя украшаютъ головной уборъ католическихъ монахинь. И печальное блѣдное лицо, и тихая скорбь, которая свѣтилась въ ея глазахъ, и ея голосъ, въ которомъ звучала грусть, — все это удивительно гармонировало съ тѣми преданіями, которыя связаны съ этими печальными мѣстами.

Она ввела насъ въ большую церковь, простой архитектуры, алтарь которой составляла хорошо сохранившаяся древняя арка.

Отъ этихъ линій, простыхъ, строгихъ и суровыхъ, отъ гладкихъ колоннъ, безъ всякихъ украшеній, поддерживавшихъ сводъ, отъ свода арки, словно вычерченнаго циркулемъ, вѣяло Римомъ. Какая разница между линіями этого стиля и воздушными, изящными, красивыми, слегка выпуклыми, словно живыми линіями древне-греческой архитектуры. Суровымъ римскимъ владычествомъ дышитъ эта уцѣлѣвшая арка.

Мы взяли зажженыя свѣчи и вошли подъ своды темныхъ боковыхъ коридоровъ монастыря.

Стукъ шаговъ по каменному помосту глухо отдавался подъ сводами.

— Это лиѳостратонъ! — послышался торжественный и печальный голосъ нашей проводницы.

Толпа остановилась, замерла, словно боясь извлекать звуки изъ этихъ камней, молчащихъ о томъ, что они видѣли.

Многіе опускались на колѣни и цѣловали эти холодные, вылощенные человѣческими ногами камни. Становилось какъ-то жутко касаться ногой этихъ камней, которыхъ касались устами столько сотъ тысячъ человѣкъ, столько поколѣній.

Когда толпа двинулась дальше, стукъ шаговъ сталъ уже значительно тише. Всѣ шли на цыпочкахъ, стараясь какъ можно осторожнѣе касаться этихъ камней. Теперь шумъ шаговъ раздавался какъ шепотъ подъ темными сводами.

Я остановился, чтобы при свѣтѣ свѣчи разсмотрѣть одну плиту, всю изрѣзанную какими-то линіями, полустершимися отъ времени. Эта плита служила для игры въ кости римскимъ солдатамъ, смертельно скучавшимъ въ покоренной варварской странѣ.

Толпа поклонниковъ отдалилась, и теперь, въ глубинѣ катакомбы, при дрожащемъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей, они казались толпою тѣней съ мелькающими между ними призрачными огоньками.

Шелестъ шаговъ стихъ. Изъ конца коридора послышался голосъ сестры:

— Здѣсь Господь нашъ принялъ на себя крестъ, чтобы итти на Голгоѳу.

Поклонники упали на колѣни.

И изъ-за этой колѣнопреклоненной толпы, шептавшей молитвы, на меня взглянуло измученное, мертвенно-блѣдное лицо съ каплями крови, катившимися по щекамъ.

Въ глубинѣ пещеры стояла статуя, склонившаяся подъ тяжестью креста и готовая упасть на колѣни, какъ пала теперь толпа поклонниковъ.

Въ полутьмѣ, при мерцающемъ свѣтѣ лампады, освѣщенная дрожащимъ свѣтомъ свѣчей, статуя, казалось, шевелилась. Эффектъ нѣсколько театральный, но производящій потрясающее впечатлѣніе на поклонниковъ.

Въ колѣнопреклоненной толпѣ послышались всхлыпыванія, сдержанныя рыданія; какая-то женщина, не въ силахъ сдержать подступавшія къ горлу слезы, рыдала все громче и громче.

Поклонники, шепча молитвы, на колѣняхъ подползали къ статуѣ и цѣловали край одежды изображенія, смотрѣвшаго среди этого полумрака съ такимъ безконечнымъ страданіемъ и скорбью.

Отъ монастыря Сіонской Богоматери Via dolorosa спускается по узенькой улицѣ, чтобы круто повернуть влѣво.

На углу лежитъ поверженная колонна. Здѣсь, по католическому преданію, на поворотѣ улицы, Христосъ изнемогъ и въ первый разъ упалъ подъ тяжестью креста. Здѣсь же стояла, по одному древнему преданію, Богоматерь, и здѣсь Она увидала Своего Сына, идущаго на казнь, изнемогавшаго отъ мукъ.

Это мѣсто, священное для католиковъ, находится во владѣніи армянскаго католическаго монастыря. Всѣ, вообще, священныя мѣста Via dolorosa находятся въ рукахъ католиковъ. Это щедрый подарокъ, сдѣланный султаномъ католической церкви послѣ крымской кампаніи. Франція всегда была покровительницей католичества на Востокѣ, и султанъ, желая отблагодарить Наполеона III, подарилъ католикамъ всѣ тѣ мѣста на Via dolorosa, на которыя указывали ихъ преданія.

По крутой лѣстницѣ мы спускаемся въ подземную церковь монастыря. Монахиня подводитъ насъ къ престолу, устроенному въ нишѣ, и свѣчей освѣщаетъ намъ мѣсто подъ престоломъ.

Старинная мелкая розоватая мозаика, по которой чернымъ контуромъ выложены слѣды двухъ женскихъ ногъ.

— Здѣсь стояла Святая Дѣва, когда встрѣтила Господа, идущаго на Голгоѳу.

Въ глубинѣ ниши за престоломъ скульптурная группа изображаетъ это событіе: Христа, падающаго подъ тяжестью креста, и Божію Матерь, поддерживающую Его въ эту минуту.

Этотъ кусокъ мозаики, съ изображеніемъ стопъ женской ноги, открытъ при раскопкахъ. Это, вѣроятно, остатокъ храма, построеннаго крестоносцами на томъ священномъ мѣстѣ, на которое имъ указало преданіе.

Васъ не должно смущать это точное до одного сантиметра указаніе священныхъ мѣстъ на Via dolorosa.

Пусть это ошибочно, но отнеситесь съ величайшимъ почтеніемъ къ этому шепоту стараго преданія. Это шепотъ вѣры крестоносцевъ, донесшійся къ намъ черезъ 8 вѣковъ.

Они пришли сюда, бросивъ все — семьи, дома, одушевленные горячей вѣрой въ Христа. Эти закованные въ сталь и желѣзо люди, только босою ногой рѣшавшіеся касаться святой земли. Они пришли сюда съ сердцемъ, переполненнымъ вѣрой и открытымъ для шепота легендъ и преданій. Здѣсь все казалось имъ святымъ, каждый вершокъ земли, которую они всю покрывали поцѣлуями. И когда имъ говорили: „Вотъ здѣсь происходило то-то и то-то“, они строили храмы съ теплою, чистою, наивною вѣрой во всякое слово преданія. Пусть этотъ шепотъ, указывающій черезъ 1864 года съ такой пунктуальностью даже гдѣ кто стоялъ въ тѣ времена, — и наивенъ. Но отнеситесь къ нему съ великимъ почтеніемъ въ силу той вѣры, трогательной и восторженной, которая слышится въ немъ, въ честь тѣхъ слезъ, прекрасныхъ и чистыхъ, которыя исторгалъ этотъ шепотъ у поколѣній людей, въ память той крови, которая лилась за эти священныя мѣста. Пусть точное знаніе указываетъ намъ, гдѣ въ дѣйствительности происходилъ скорбный путь; эти мѣста все же священны: они освящены милліонами чистыхъ, восторженныхъ поцѣлуевъ вѣрующихъ.

Отъ этого мѣста, на которое старое преданіе указываетъ какъ на мѣсто скорбной встрѣчи Богоматери съ Христомъ, Via dolorosa идетъ нѣкоторое время по совершенно ровной улицѣ, чтобы круто повернуть вправо, въ гору.

На этомъ поворотѣ снова поверженная колонна и снова католическая часовня, гдѣ скульптурная группа изображаетъ тотъ моментъ, когда Симонъ Киринеянинъ принимаетъ на себя крестъ изнемогшаго Спасителя. Молодой римскій воинъ, остановившись и опираясь на копье, нетерпѣливо ждетъ, когда возобновится прерванное шествіе, и словно хочетъ крикнуть: „Скорѣй“.

Старое преданіе говоритъ, что это случилось здѣсь, на углу двухъ улицъ.

Отсюда Via dolorosa поднимается не особенно круто въ гору.

Подъ палящими лучами весенняго солнца, съ лицомъ, облитымъ кровью отъ израненнаго чела, шелъ Христосъ, и здѣсь, по преданію, Его встрѣтила блаженная Вероника.

Ея домъ былъ на пути, и она, увидавъ приближающееся шествіе, не обращая вниманія на разъяренную толпу, повинуясь только прекрасному голосу женскаго сердца, полная состраданія, вышла навстрѣчу и подала Христу кусокъ полотна, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить страданія. И эта трогательная заботливость не осталась безъ награды. На полотнѣ, которымъ она вытерла слезы и кровь, остался слезами и кровью начертанный образъ Спасителя міра.

Черезъ маленькую часовенку мы со свѣчами спускаемся подъ старые своды, поддерживаемые колоннами, вѣроятно, какого-нибудь разрушеннаго храма.

Это, по католическому преданію, и есть остатки дома Вероники.

Эти своды производятъ сильное впечатлѣніе. Это настоящій храмъ состраданія, храмъ милосердія, высшихъ и лучшихъ проявленій человѣческой души.

Въ то время, какъ одни видѣли въ распятіи актъ правосудія, актъ справедливости, другіе — актъ, необходимый въ интересахъ политики, — словно бриліантъ, словно звѣзда на темномъ небѣ, сіяло и сверкало среди всѣхъ этихъ высокихъ соображеній одно соображеніе, родившееся въ душѣ, продиктованное сердцемъ, — милосердіе. Измѣнились понятія о правосудіи, и справедливость ужъ начали находить не тамъ, гдѣ находили ее раньше, и взгляды на интересы политики стали ужъ не тѣ, и только одно понятіе, понятіе о милосердіи, осталось нетронутымъ, неизмѣненнымъ, незыблемымъ, — и маленькій актъ милосердія свѣтитъ изъ глубины и мрака вѣковъ своимъ теплымъ, своимъ мягкимъ лучомъ. И свѣтлой звѣздочкой сверкаетъ на мрачномъ, грозномъ, темномъ фонѣ тѣхъ событій. И приводитъ насъ въ сумракъ этого дома, священнаго потому, что онъ носитъ имя Вероники, у которой было доброе сердце. Имя, никогда не меркнущее, какъ никогда не меркнетъ одно милосердіе.

Пройдя это мѣсто, осѣненное такими прекрасными воспоминаніями, мы чрезъ нѣсколько шаговъ доходимъ до русской постройки, гдѣ находится порогъ Судныхъ воротъ.

Отсюда скорбный путь уже становится общимъ для всѣхъ вѣроисповѣданій.

Дорога поднимается круто въ гору, скорѣе по лѣстницѣ, чѣмъ по улицѣ.

Via dolorosa вьется по закоулкамъ арабскихъ улицъ, исчезаетъ въ полутьмѣ и прохладѣ крытыхъ восточныхъ базаровъ и останавливается у маленькой калитки въ стѣнѣ.

Чрезъ эту калитку вы входите на площадку предъ храмомъ Воскресенія.

Здѣсь пестрая шумная толпа. Здѣсь слышится рѣчь на всевозможныхъ языкахъ.

Здѣсь когда-то толпилась тоже разноязычная толпа, тоже собравшаяся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи.

Здѣсь стояли они, глядя на страшное зрѣлище. Здѣсь проходящіе кивали головой и говорили:

— Разрушающій храмъ и въ три дня созидающій его, сойди со креста!

Здѣсь эта разноязычная толпа, собравшаяся изъ разныхъ уголковъ свѣта на праздникъ Пасхи, кричала: „Онъ зоветъ Илію спасти Его“, когда съ Голгоѳы прозвучалъ полный страданія голосъ:

— Элои! Элои! Ламма́ савахфани!

Глава XIV.

Голгоѳа.

По ступенямъ мраморной лѣстницы я поднимаюсь на высоту 7 аршинъ и вступаю въ тишину и полумракъ двухъ церквей, православной и католической, соединенныхъ вмѣстѣ.

Оттуда, снизу, доносится шумъ толпы, наполняющей храмъ. Слышится нестройный смѣшанный хоръ пѣснопѣній на арабскомъ, греческомъ, абиссинскомъ, латинскомъ языкахъ. Словно молитвы всего міра доносятся сюда, въ эту тишину, въ эту

полутьму, наполненную шепотомъ, вздохами, глухими рыданіями. Въ это мѣсто, гдѣ витаютъ самыя страшныя воспоминанія, въ этотъ храмъ страданій и смерти, въ это святѣйшее изъ святыхъ мѣстъ, потому что здѣсь совершилось искупленіе.

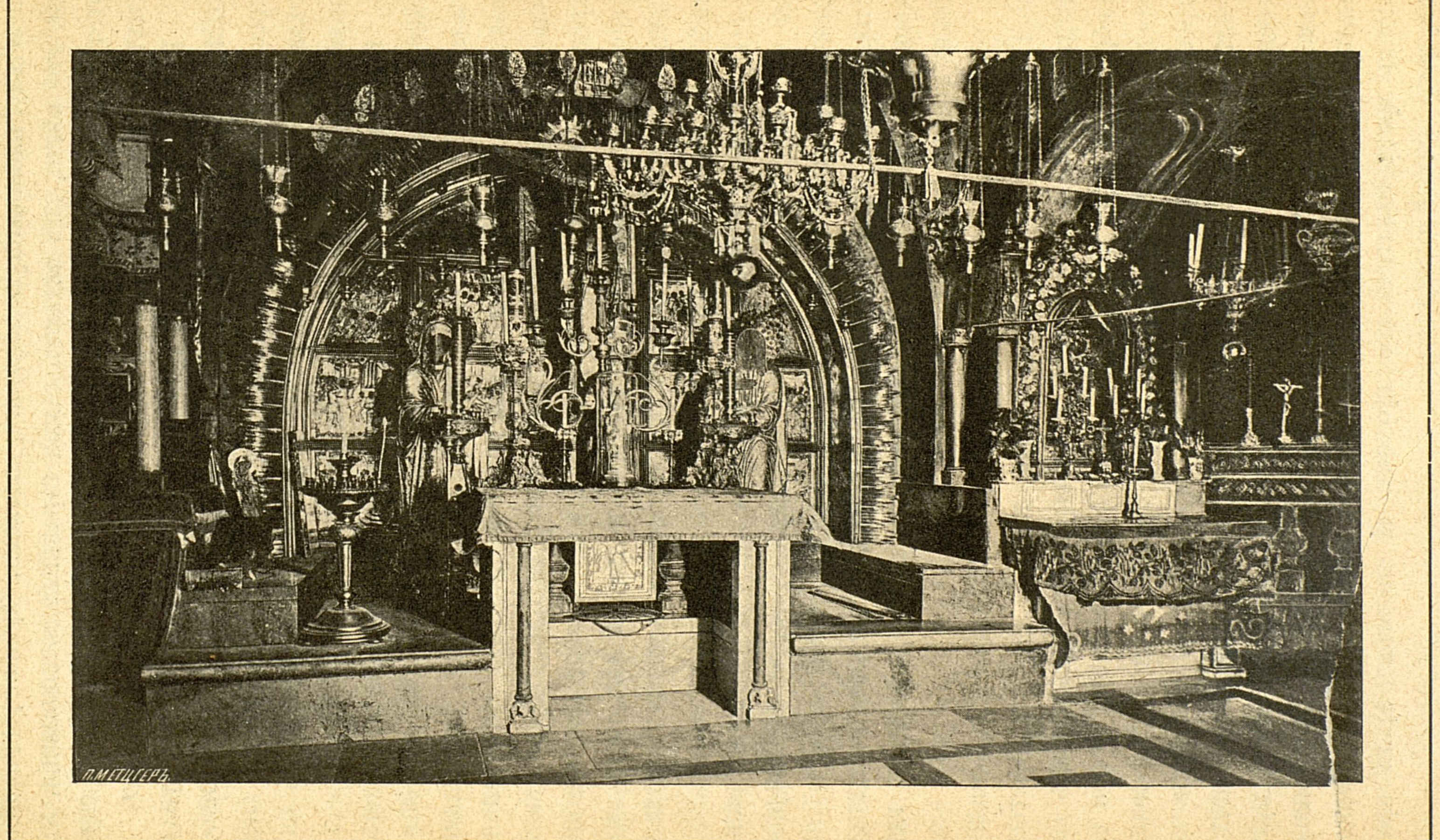
Какое жуткое чувство испытываешь здѣсь, стоя среди этихъ колѣнопреклоненныхъ людей, принесшихъ сюда, къ подножію креста, свои скорби и муки. Словно черные силуэты скорби слетѣлись сюда со всѣхъ концовъ міра и столпились здѣсь, наполняя воздухъ вздохами и тихимъ плачемъ.

Какимъ таинственнымъ полумракомъ наполнено все кругомъ. Надъ моей головой висятъ безчисленныя разноцвѣтныя лампады, закрывающія весь потолокъ. Онѣ кажутся гирляндами разноцвѣтныхъ цвѣтовъ, повисшими въ воздухѣ. Онѣ наполняютъ мракъ своими розовыми, голубоватыми, алыми, какъ кровь, зелеными, какъ блескъ изумруда, тихими, трепетными, угасающими лучами. А передо мной, покрытая мраморомъ, золотомъ, священными изображеніями, драгоцѣнными камнями, цвѣтами, въ блескѣ свѣчей сіяетъ Голгоѳа.

На бѣломъ мраморномъ помостѣ, словно почернѣвшія раны на мертвомъ тѣлѣ, зіяютъ три круглыхъ отверстія. Небольшое отверстіе, въ которомъ былъ укрѣпленъ святой крестъ, по сторонамъ и нѣсколько дальше, немного сзади его, въ двухъ аршинахъ разстоянія, два большихъ круглыхъ отверстія, гдѣ были кресты двухъ разбойниковъ.

Чтобы видѣть ее, настоящую Голгоѳу, подъ этой драгоцѣнной одеждой изъ мрамора, золота, камней, вы наклоняетесь надъ помостомъ, надъ длиннымъ отверстіемъ, отдѣланнымъ серебромъ. Монахъ опускаетъ въ это отверстіе свѣчу, и при ея трепетномъ свѣтѣ вы видите темно-сѣрый треснувшій камень, трещину въ скалѣ. Это глубокая морщина, которая легла на челѣ земли, когда совершалось преступленіе. Въ ней живетъ воспоминаніе о страшной минутѣ, отъ которой вздрогнула земля. Въ двухъ шагахъ отъ креста, — это та разсѣлина, которая образовалась, когда задрожала отъ ужаса земля, когда мракъ охватилъ все кругомъ. И въ этомъ мракѣ прозвучалъ громкій голосъ:

„Совершилось!“



Гора Голгоѳа. Греческій престолъ.

Съ ужасомъ вы наклоняетесь надъ этой трещиной, смотрите на эту темно-сѣрую, безмолвную скалу, и вамъ вспоминается старое преданіе, что эта трещина проникаетъ до центра земли. По ея краямъ текла струйка крови отъ креста и медленными каплями падала внизъ, туда, въ эту тьму.

Я стою подъ гирляндами разноцвѣтныхъ лампадъ, въ этомъ полусумракѣ, наполненномъ таинственнымъ шепотомъ, пораженный блескомъ, великолѣпіемъ пышнаго убранства Голгоѳы; и изъ-подъ этого мрамора, изъ-подъ этого золота, изъ-подъ этихъ драгоцѣнныхъ камней и цвѣтовъ передо мной встаетъ облитая солнечнымъ свѣтомъ, раскаленная темно-сѣрая скала. Одна изъ тѣхъ скалъ, которыхъ много въ горахъ Іудеи, которыя превращаютъ склоны этихъ горъ въ печальную сѣрую пустыню.

Я вижу очертанія этой скалы, такія страшныя, что ее зовутъ черепомъ — „Голгоѳой". Она похожа на голову сфинкса, созданнаго природой. Она стоитъ, какъ memento mori, близъ города, у дороги, ведущей къ городскимъ воротамъ. Стоитъ, возбуждая суевѣрный страхъ. Отъ нея вѣетъ страшной загадкой, загадкой сфинкса, загадкой смерти.

Надъ нею витаютъ легенды. Въ пещерѣ, надъ которой возвышается эта мертвая голова, полагаютъ могилу Мельхиседека, таинственнаго царя, только разъ сошедшаго съ вершины Сіона, чтобы привѣтствовать Авраама, и снова ушедшаго на вершину горы, гдѣ все было окружено великою тайной.

Преданіе шепчетъ, что здѣсь таится могила Адама. Старая еврейская легенда говоритъ, что здѣсь, на вершинахъ этихъ горъ, встрѣтились послѣ долгой разлуки и обитали праотцы Адамъ и Ева. Изгнанные изъ рая архангеломъ съ огненнымъ мечомъ, полные стыда, раскаянія, горя, сожалѣній, они разошлись, какъ говоритъ преданіе, въ разныя стороны. Они не могли видѣть другъ друга безъ того, чтобы въ ихъ сердцахъ не просыпались горе и тяжелыя воспоминанія. Они напоминали другъ другу о потерянномъ раѣ. Они олицетворяли другъ для друга ихъ совѣсть, возмущенную, страдающую. Они не могли видѣть страданій другъ друга и не могли простить другъ другу своихъ собственныхъ страданій. Они бѣжали другъ

отъ друга, какъ сообщники преступленія, для которыхъ видъ товарища преступленія напоминаетъ страшныя минуты. Въ тѣ времена жизнь и молодость длились столѣтіями. Проблуждавъ вѣка, измученные одиночествомъ, они встрѣтились здѣсь, на вершинѣ Сіона, подъ лазурнымъ небомъ Палестины, при блескѣ золотого солнца. Встрѣтились и простили другъ другу былой грѣхъ. Здѣсь жили они до глубокой старости, окруженные многочисленной семьей. Здѣсь были впервые испытаны радости человѣческаго общежитія. Здѣсь же были первыя могилы. Здѣсь Сиѳъ похоронилъ праотцевъ на вершинѣ Сіона.

Когда же разгнѣванное небо залило все потоками воды, и земля утонула въ слезахъ, которыя лило небо объ ея безчестіи, тогда эта вода, покрывавшая вершины горъ, размыла могилы праотцевъ.

Міръ былъ къ жизни возвращенъ. Обнажались высокіе утесы и долины, казавшіяся черными, глубокими пропастями. Ни шелеста ни звука. И солнце, восходя и закатываясь, освѣщало безконечную, мертвую пустыню, мокрую, какъ-будто отъ слезъ. Но вотъ, словно зеленоватымъ лучомъ освѣтились склоны горъ. Изумрудомъ засверкали долины. И земля улыбнулась небу цвѣтами. Съ вершины Арарата разбѣгались звѣри, разлетались птицы, наполняя звуками, криками, пѣснями оживавшую пустыню. Длинный караванъ лентой потянулся по горамъ будущей Іудеи. На вершину Сіона пришелъ Ной поклониться могиламъ праотцевъ. Онъ нашелъ кости Адама и похоронилъ ихъ подъ скалой-черепомъ, возвышавшейся словно надгробный мавзолей.

Такое преданіе изстари вѣковъ витало надъ Голгоѳой, пугавшей воображеніе своей странной загадочной формой. Христіанство, принявъ старое преданіе, продолжило его. По этому христіанскому преданію, капля крови Спасителя, стекшая черезъ трещину скалы, коснулась черепа Адама. И праотецъ проснулся отъ тысячелѣтняго сна, ожилъ и явился многимъ въ Іерусалимѣ, возвѣщая радостную вѣсть искупленія.

Какая странная судьба Голгоѳы, этого мѣста ужаса и радости искупленія. Тамъ, гдѣ сейчасъ стоитъ колѣнопреклоненная толпа и громко сказаннымъ словомъ не смѣетъ встревожить таинственнаго молчанія, разлитаго въ воздухѣ, тамъ

раздавались изступленные крики сатурналій въ честь богини любви и наслажденій.

Императоръ Адріанъ рѣшилъ совсѣмъ покончить съ Іерусалимомъ. Городъ былъ казненъ. Все было срыто съ лица земли. Іерусалима болѣе не существовало. Былъ городъ Элія Капитолина. Всѣ мѣста, священныя для евреевъ и, тогда уже многочисленныхъ, христіанъ, были посвящены богамъ. Пусть самого воспоминанія объ ихъ вѣрѣ не будетъ!

Тамъ, гдѣ солнце привыкло освѣщать золотую крышу Соломонова храма и золотую лозу, вѣнчавшую эту крышу, оно освѣщало теперь колонны храма Юпитера Капитолійскаго.

Мѣсто между Голгоѳой и Святымъ Гробомъ было сравнено, засыпано мусоромъ и щебнемъ. Надъ мѣстомъ Гроба Господня возвышался храмъ Юпитера-Сераписа, а надъ Голгоѳой стояло капище Венеры-Астарты.

Императоръ Адріанъ, строя эти пышныя капища на святѣйшихъ мѣстахъ міра, конечно, не думалъ, что оказываетъ величайшую услугу христіанству. Когда императоръ Константинъ принялъ христіанство, благодаря — постройкамъ Адріана, было легко отыскать святыя мѣста. Капища Сераписа и Астарты, какъ великолѣпные мавзолеи, указывали на могилы, гдѣ погребены величайшія христіанскія святыни.

Теперь сюда предъ эту сверкающую драгоцѣнностями Голгоѳу, въ этотъ таинственный сумракъ приходятъ люди со всѣхъ концовъ міра, приносятъ сюда свои скорби, страданія и муки, и наполняютъ эту тишину своими вздохами и плачемъ, въ которыхъ слышится мольба грѣшника, молившагося на крестѣ:

— Помяни меня, Господи, когда придешь въ Свое царство.

Онъ, Тотъ, Который страдалъ здѣсь, Чья кровь падала на эту скалу, Онъ пришелъ въ міръ, чтобы спасти грѣшниковъ, а не праведниковъ. И первымъ праведникомъ христіанства былъ раскаявшійся разбойникъ.

Таинственный сумракъ этого мѣста, вамъ кажется, шепчетъ:

— Вы, кто приходитъ сюда съ сердцемъ, переполненнымъ отчаяніемъ и ужасомъ, — молитесь. Вы, кто приходитъ сюда подъ бременемъ грѣховъ, скорбей и печалей, — плачьте. Вы, кто отчаялся въ небесномъ милосердіи и считаетъ себя

недостойнымъ прощенія,—падайте ницъ предъ безконечностью милосердія Бога. Здѣсь лилась за васъ Святая Кровь. Здѣсь раскаявшійся разбойникъ обратился съ мольбой. Здѣсь все было прощено и забыто.

И съ большого распятія глядитъ Ликъ Христа, любящій и кроткій, и говоритъ вамъ:

— Пріидите ко Мнѣ всѣ, кто страдаетъ, всѣ, кто обремененъ печалью и горемъ, и Я успокою васъ.

Прекрасный и величественный православный алтарь греческой церкви находится тамъ, гдѣ стояли кресты. Рядомъ съ нимъ возвышается пышный католическій алтарь на мѣстѣ, гдѣ пригвождали ко кресту.

Здѣсь лежалъ крестъ, и на него положили Страдальца, чтобъ прибить гвоздями руки и ноги.

Даже для того жестокаго времени это казалось слишкомъ жестокимъ, и римскіе солдаты предложили Осужденному напитокъ, туманившій сознаніе. Но Осужденный не принялъ. Среди стука молотковъ не раздалось ни одного стона, ни одной жалобы. Пораженные стояли римскіе воины. И когда подняли крестъ, внизу, въ толпѣ, на томъ мѣстѣ, откуда и теперь доносится разноязычный говоръ и шумъ толпы, раздались крики и хохотъ.

Эти несчастныя существа—люди,—имъ нужно только очень близко видѣть страданія, чтобъ въ ихъ сердцѣ проснулось состраданье!

Мы спускаемся съ Голгоѳы, чтобъ зайти въ пещеру праотца Адама, находящуюся подъ скалой. Снова монахъ беретъ свѣчу, освѣщаетъ ею отверстіе въ стѣнѣ,—и оттуда глядитъ на насъ скала съ темной трещиной, уходящей вглубь.

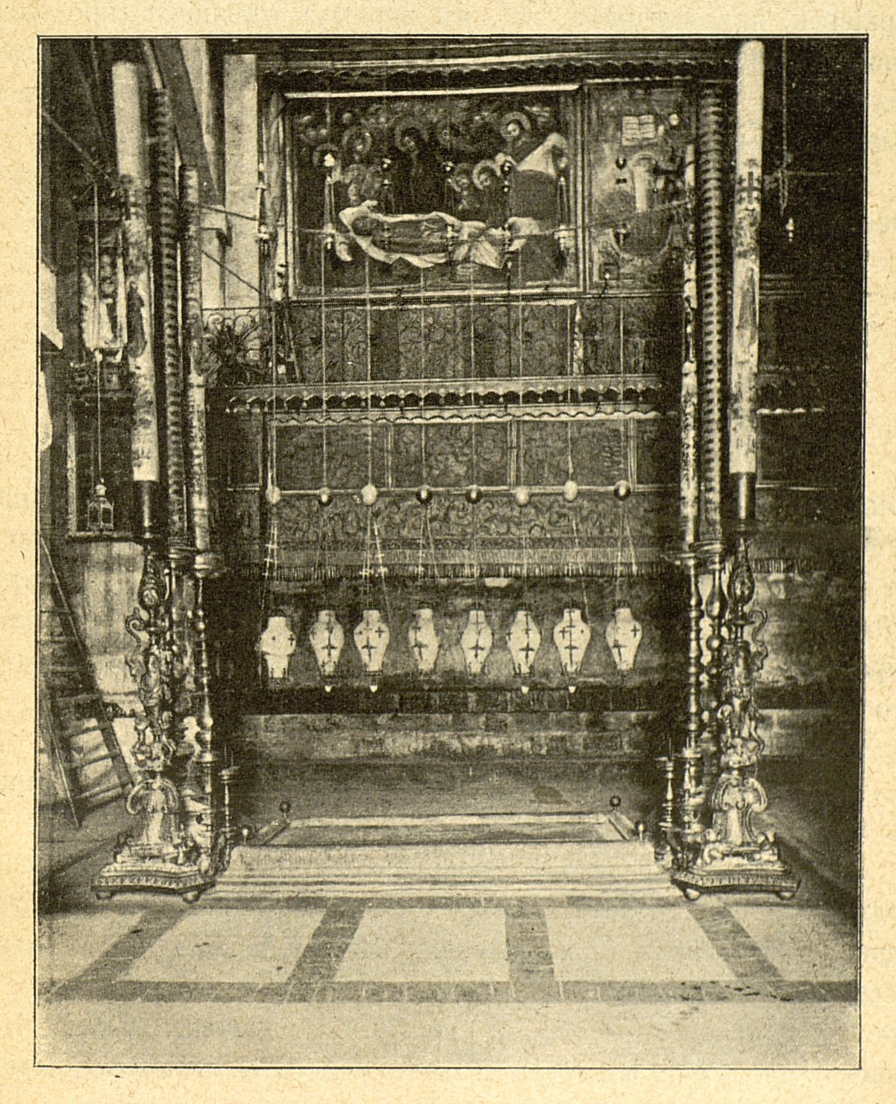
Въ преддверіи храма, куда мы выходимъ теперь, толпа паломниковъ спѣшитъ разступиться, оставить свободнымъ широкій проходъ.

По каменнымъ плитамъ раздается мѣрный металлическій стукъ палокъ кавасовъ.

Въ пышныхъ красныхъ турецкихъ костюмахъ, въ высокихъ фескахъ, кавасы медленно проходятъ въ храмъ, и за ними показывается высокій монахъ.

Это греческій патріархъ. Сегодня Страстная пятница. Онъ идетъ къ выносу плащаницы.

На немъ никакихъ знаковъ его сана. Онъ въ черномъ одѣяніи простого монаха. Онъ приближается къ находящемуся



Камень миропомазанія.

противъ входа, осѣненному лампадами, розоватому камню, снимаетъ клобукъ, опускается на колѣни, молится нѣсколько секундъ и цѣлуетъ камень долгимъ поцѣлуемъ вѣрующаго, смиреннаго сердцемъ христіанина.

Это камень миропомазанія. На этомъ камнѣ Іосифъ и Никодимъ въ этотъ день обвили полотномъ и благоухающими маслами умастили тѣло Христа.

Вслѣдъ за патріархомъ къ камню подходитъ его свита. Архіереи, архимандриты, всѣ въ черныхъ одѣяніяхъ простыхъ иноковъ, попарно медленно приближаются къ розовому камню, опускаются на колѣни, цѣлуютъ камень, встаютъ, и ихъ черные силуэты скрываются въ сумракѣ входа въ храмъ.

Это черное шествіе тянется медленно, молчаливое, торжественное, печальное, какъ наступающая минута.

Глава XV.

Гробъ Господень.

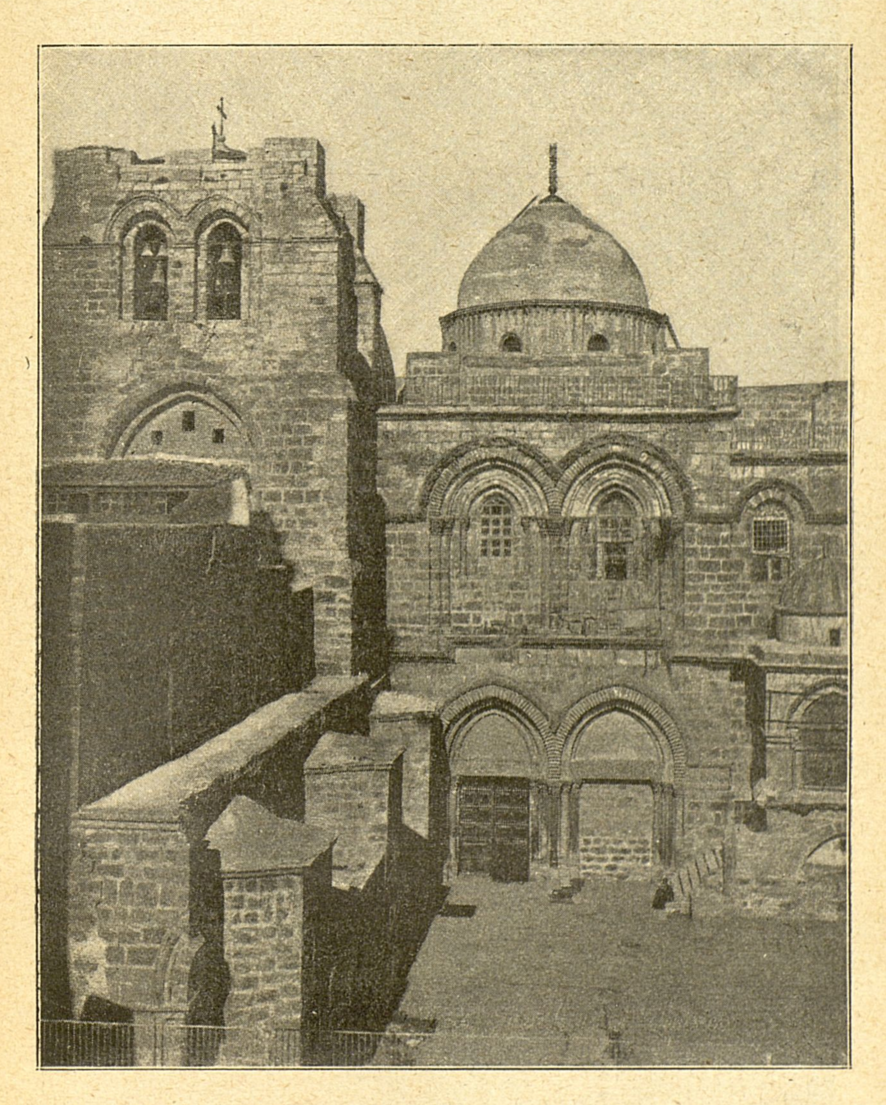
Надъ всѣмъ міромъ царитъ эта площадка, окруженная колоннадой, залитая свѣтомъ, покрытая легкимъ воздушнымъ куполомъ, который кажется темнымъ рисункомъ, вырѣзаннымъ на голубомъ небѣ. Этотъ круглый каменный помостъ, въ центрѣ котораго возвышается часовня, пышная, богатая, роскошно убранная, похожая на колоссальную корону, которая вѣнчаетъ это священнѣйшее изъ святыхъ мѣстъ.

Это храмъ Воскресенія.

Передъ нами величайшая святыня христіанства. Мы стоимъ въ центрѣ христіанскаго міра.

Гдѣ-то тамъ далеко, далеко, въ безпредѣльныхъ степяхъ родной земли, почернѣвшихъ отъ тающаго снѣга, несется теперь унылый звонъ съ колокольни бѣдной деревенской церкви. Несется и замираетъ въ безпредѣльномъ просторѣ степи... Дремлетъ суровая, иглистая, мертвая сахалинская тайга. Ни шороха, ни звука. И вдругъ по ней проносится звонъ колокола, протяжный, медленный, печальный, какъ эта вздрогнувшая отъ его звука лѣсная пустыня. Въ деревянной церкви маленькаго ссыльнаго поселка идетъ служба, и одинокій колоколъ оглашаетъ своимъ печальнымъ звономъ эту пустыню, этотъ дремучій боръ, окружающій маленькій поселокъ темной, непроницаемой стѣной... Среди зноя, подъ ослѣпительными лучами

солнца, палящими, рѣжущими, жгучими, укрывшись подъ навѣсомъ изъ бамбуковыхъ палокъ, покрытыхъ пожелтѣвшими пальмовыми листьями, стоятъ передъ маленькой статуей Мадонны новообращенные индусы, окружая миссіонера... Блестя



Храмъ Гроба Господня.

оружіемъ, латами, бѣлоснѣжными султанами, развѣвающимися на шлемахъ, сверкая золотомъ, горя алыми мантіями кардиналовъ, среди кадильнаго дыма и блеска свѣчей, въ соборъ св. Петра входитъ великолѣпная процессія... Въ маленькомъ

Куполъ храма Гроба Господня.

деревянномъ домикѣ среди апельсиннаго сада собрались на молитву негры, и ихъ черный пасторъ, горя увлеченіемъ, разсказываетъ имъ о страданіяхъ Христа, говоритъ имъ о странѣ, такой далекой отъ благословенной Калифорніи. И его горячая, страстная рѣчь вызываетъ слезы на глаза его черныхъ слушателей...

И для всѣхъ этихъ уголковъ земного шара центръ — то мѣсто, на которомъ мы теперь стоимъ. Эта залитая свѣтомъ, окруженная колоннадой площадь, эта часовня, похожая на корону, которой короновано это мѣсто. И со всѣхъ уголковъ земного шара несутся сюда самыя восторженныя, самыя благоговѣйныя молитвы.

Эта святыня вдохновляла Петра Амьенскаго и изъ простого отшельника-монаха превратила его въ колоссальнѣйшую изъ историческихъ фигуръ, во вдохновеннаго оратора, потрясавшаго своимъ словомъ народы и страны.

Сюда шли, кидая свои замки, богатства, семьи, закованные въ латы рыцари, шли цѣлые народы сражаться и умирать за эту святыню.

Сюда ходили встарь пѣшкомъ изъ далекихъ странъ, дѣлая два шага впередъ и одинъ шагъ назадъ, чтобы сдѣлать трудный, долгій путь еще труднѣе и дольше.

Придя сюда, люди падали и умирали при видѣ Гроба Господня.

Большая площадь храма, въ центрѣ котораго находится эта величайшая святыня христіанства, полна воздуха и свѣта. Старыя, мѣстами потрескавшіяся стѣны, видѣвшія у своего подножія столько поколѣній. Надъ ними легко возвышается огромный стройный куполъ. Средина купола открыта совершенно. Оттуда глядитъ голубое небо, льется мягкій, теплый, ласкающій воздухъ, льются золотые, горячіе лучи солнца. А ночью надъ часовней въ этомъ кружкѣ чернаго бархатнаго неба сверкаютъ чудныя палестинскія звѣзды, большія, яркія, горящія какъ брилліанты.

Въ воздухѣ надъ часовней всегда легкой, свѣтло-голубой дымкой, нѣжной, прозрачной, стелется пелена кадильнаго дыма. Лучи солнца, золотымъ каскадомъ льющіеся въ отверстіе свода, падаютъ на эту воздушную, легкую пелену, и она

вспыхиваетъ огненнымъ опаловымъ блескомъ. Лучи солнца искрятся на пылинкахъ, поднимающихся отъ толпы, наполняющей храмъ. Пылинки вспыхиваютъ какъ золотыя искры. И тогда этотъ свѣтлый храмъ, этотъ воздухъ кажутся наполнен-

Церемонія омовенія ногъ у грековъ передъ храмомъ гроба Господня.

ными свѣтлыми, легкими, лучезарными видѣніями, летающими надъ этимъ маленькимъ храмомъ-часовней.

Съ сердцемъ, переполненнымъ восторгомъ отъ чудесъ этого стараго храма, я стоялъ передъ часовней, скрывающей мѣсто побѣды надъ смертью.

Здѣсь неумолчно цѣлый день раздаются священныя пѣснопѣнія всего міра. Печальные и радостные, полные мольбы и торжествующіе, сплетаются эти напѣвы здѣсь, въ этомъ золотистомъ воздухѣ, съ голубоватыми, прозрачными волнами дыма. И въ этой толпѣ, пестрой и разноцвѣтной, въ которой я стою, всякій слышитъ, какъ доносятся сюда стоны, мольбы и радости его далекой родины.

Въ то время, какъ греческіе напѣвы еще оплакиваютъ распятіе и погребеніе Христа, католики, у которыхъ наступилъ праздникъ Пасхи, поютъ уже о воскресеніи Спасителя и славятъ побѣду надъ смертью. Заунывные, печальные, однообразные, похожіе на безконечный стонъ, напѣвы абиссинцевъ. Громкіе, отрывистые, похожіе на скорбные аккорды, напѣвы армянъ, не пѣніе, а крики, то радостные, то торжествующіе, то полные мольбы — арабовъ. Громкія причитанья сирійцевъ. Все это несется сюда со всѣхъ сторонъ.

Несется изъ глубины портиковъ, которые огромныя колонны наполняютъ своей тѣнью. Несется изъ придѣловъ церквей, находящихся ниже, въ пещерахъ, несется съ высоты, изъ придѣловъ, находящихся на галлереяхъ. Доносится откуда-то издали, сверху, изъ глубины, изъ-за колоннъ и стѣнъ. Вы не видите поющихъ. До васъ доносятся только напѣвы, громкіе, тихіе, словно на что-то жалующіеся, умоляющіе, радостные, полные муки.

Словно изъ Рима, изъ ущелій сожженныхъ солнцемъ абиссинскихъ горъ, съ зеленѣющихъ долинъ Арменіи, съ изумрудныхъ склоновъ горъ Эллады, съ мрачныхъ обрывовъ аравійскихъ скалъ, и цвѣтущихъ долинъ, доносятся сюда эти напѣвы на всѣхъ языкахъ.

Доносятся, сплетаются здѣсь и эхомъ отдаются въ пещерѣ, которую покрываетъ собою маленькій храмъ-часовня.

Весь кругъ храма занятъ толпою. Она волнами передвигается съ мѣста на мѣсто, смѣшивается между собой, пестрѣетъ разнообразіемъ цвѣтовъ и красокъ, наполняетъ воздухъ своимъ разноплеменнымъ говоромъ. Арабы въ ихъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и алыхъ фескахъ, улыбающіеся, сверкающіе своими бѣлыми зубами, темные, словно фигуры, выточенныя изъ

коричневаго дерева, абиссинцы съ добрыми, кроткими, дѣтскими глазами. Свитки малороссовъ. Пестрядиныя рубахи великорусскихъ крестьянъ. Зипуны и чалмы, черные кафтаны странниковъ и пестрые пояса съ дорогимъ оружіемъ, кинжалами, ятаганами, пистолетами.

И вся эта толпа, сошедшаяся сюда со всего міра, на сотняхъ нарѣчій говоритъ объ одномъ и томъ же. Полна однимъ и тѣмъ же чувствомъ восторга, радости, священнаго ужаса передъ тѣмъ мѣстомъ, около котораго она находится.

Съ ея золотомъ, покрывающимъ рѣзьбу, съ мраморомъ ея колоннъ, съ ея безчисленными священными изображеніями, драгоцѣнностями, лампадами и подсвѣчниками, „Кувуклія“ — часовня Гроба Господня — кажется сокровищницей, принадлежащей всему міру.

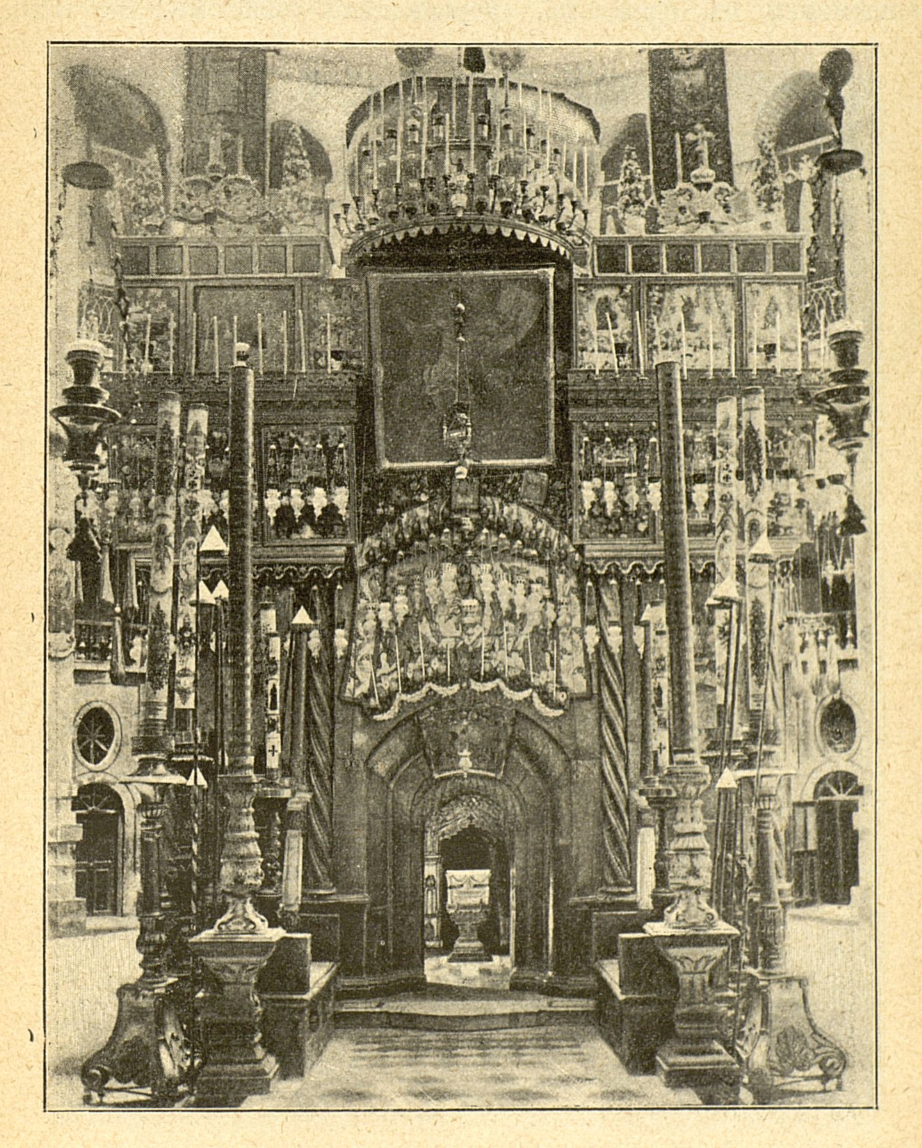
Всякій принесъ сюда и украсилъ эту часовню тѣмъ, что казалось ему наиболѣе драгоцѣннымъ, красивымъ, полнымъ благоговѣнія.

Абиссинцы принесли сюда свои иконы, простой, наивной живописи, священныя изображенія, словно нарисованныя большими дѣтьми. Католики принесли сюда статуи ангеловъ, легкія, красивыя, воздушныя. Греческая Церковь — свои иконы съ темными, строгими ликами; женщины принесли сюда гирлянды искусственныхъ цвѣтовъ, ленты, вышитыя золотомъ и шелками. Иконы были покрыты драгоцѣнными ризами, сверкающими самоцвѣтными камнями. Масса подсвѣчниковъ самой разнообразной формы украсила Кувуклію, а надъ ея входомъ, по ея карнизамъ, протянулись разноцвѣтныя ленты лампадъ. Теперь, при яркомъ свѣтѣ, которымъ залитъ храмъ, эти разноцвѣтныя лампады кажутся огромными изумрудами, яхонтами, сафирами, топазами, въ которыхъ искрится и горитъ запавшій въ глубину лучъ свѣта.

Съ западной стороны часовни, противъ придѣла коптовъ, толпа абиссинцевъ.

Они сидятъ по-восточному, поджавъ подъ себя ноги, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ разноцвѣтными чалмами на головахъ, неподвижные, какъ изваянія.

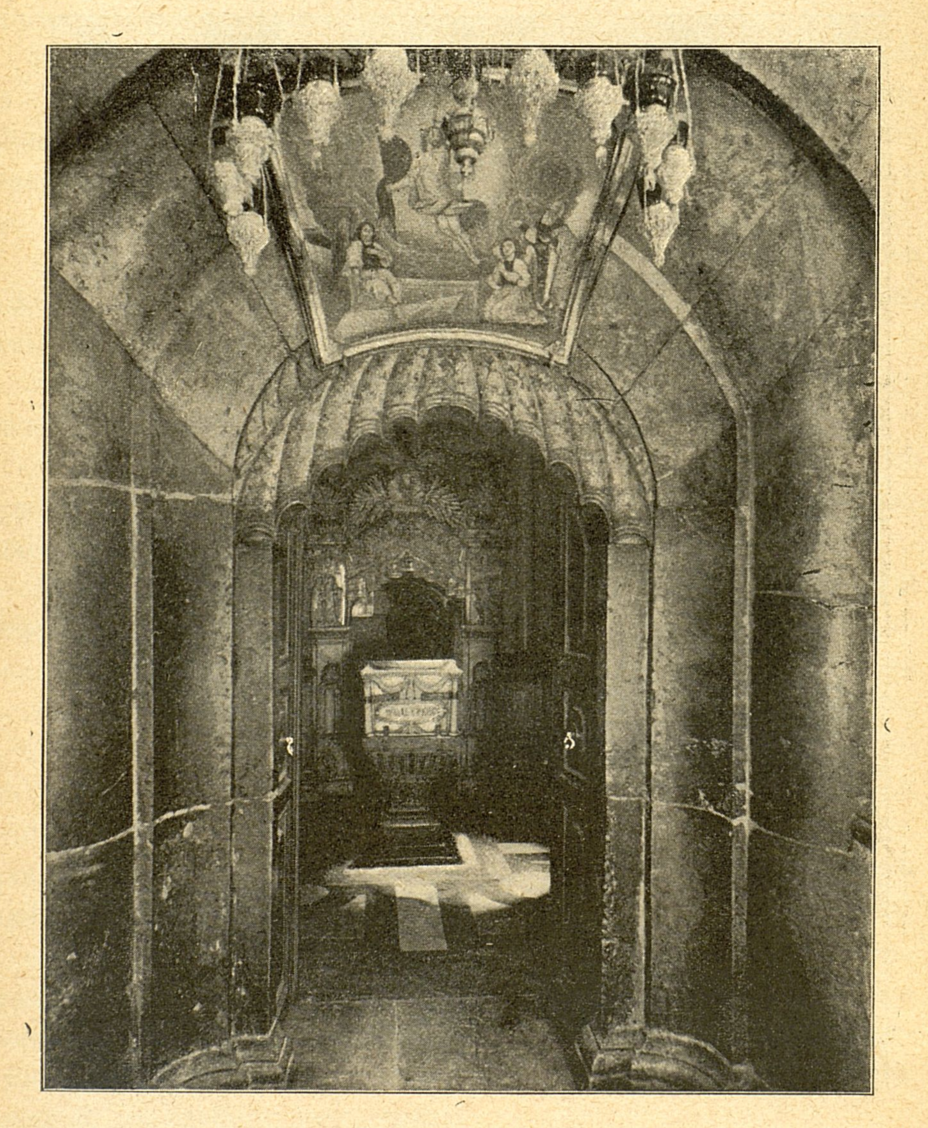
Среди нихъ стоитъ юноша, такой же неподвижный, такъ же похожій на изваяніе. Стоитъ, протянувъ руки къ священной часовнѣ, и поетъ высокимъ звучнымъ теноромъ молитву.



Кувуклія, внутри храма Гроба Господня.

Когда онъ заканчиваетъ строфу молитвы, недвижная толпа какъ-будто оживаетъ. По ней проносится словно вѣяніе какой-то печали. Она повторяетъ заключительныя слова молитвы нестройнымъ хоромъ, голосами, полными скорби.

Отъ часовни идетъ католическое шествіе. Мальчики въ алыхъ сутанахъ, просвѣчивающихъ сквозь бѣлый тюль. Прислужники съ кадильницами, со свѣчами, съ букетами цвѣтовъ, священники въ одеждахъ, сверкающихъ золотомъ. За ними

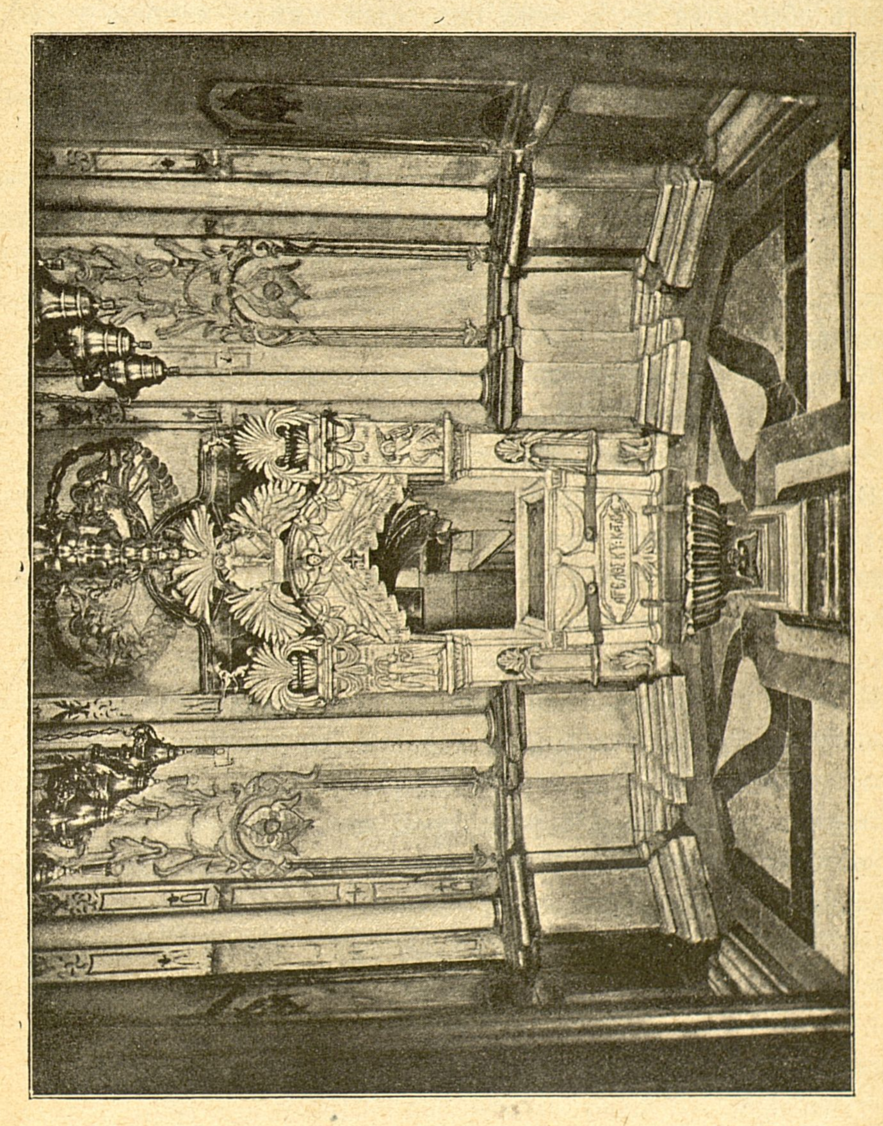


Входъ внутрь Кувукліи.

толпа монаховъ. Доминиканцы въ бѣлоснѣжныхъ сутанахъ, коричневые францисканцы, траппписты, подпоясанные веревками, босые, съ худыми, изможденными лицами.

Католическое богослуженіе у Гроба Господня окончилось.

Къ часовнѣ приближается греческое духовенство. Черные рясы, клобуки. Черное шествіе приближается медленно, величественно на встрѣчу яркой, блещущей цвѣтами и красками католической процессіи.



Внутри Кувукліи — Гробъ Господень.

Толпа словно всколыхнулась волнами. Изъ этой пестрой толпы къ Гробу Господню приближаются православные.

Вотъ одинъ.

Хотите знать, какъ готовился этотъ старикъ къ моменту, который настаетъ для него теперь? Онъ крестьянинъ Олонец-

кой губерніи. Дошелъ пѣшкомъ до Одессы. Пять лѣтъ онъ копилъ деньги на путешествіе въ Святую землю. За два года онъ перестал ѣсть скоромное. Въ теченіе всей Страстной недѣли онъ не ѣстъ ничего. Онъ исповѣдывался, пріобщался, и вотъ сбывается то, о чемъ онъ едва смѣлъ мечтать у себя на родинѣ,— онъ приближается ко Гробу Господню...

Только теперь, только послѣ этого искуса,—все еще не считая себя достойнымъ приблизиться...

Часовня Гроба Господня освѣщена внутри лампадами. И на поклонниковъ, падающихъ на колѣни предъ входомъ въ это Святое Святыхъ, льется оттуда свѣтъ, кроткій и тихій, мягкій и ласковый, нѣжный, какъ лучъ вѣры, трепетный, какъ лучъ надежды.

Какое потрясающее впечатлѣніе производятъ эти мѣста! Какое странное чувство охватываетъ васъ, когда вамъ говорятъ:

— Это случилось здѣсь...

Времени словно не существуетъ. Весь этотъ промежутокъ въ 18 вѣковъ словно изчезаетъ. Какъ будто все это случилось вчера. Какъ будто въ этихъ холодныхъ камняхъ не остыла теплота жизни, которая билась здѣсь столько вѣковъ тому назадъ.

И когда вы, смущенный, потрясенный, подходите ко входу въ часовню Гроба Господня и падаете на колѣни, вамъ кажется, что это не трепетный свѣтъ лампадъ льется оттуда, что ангелъ, возвѣстившій радостную вѣсть Воскресенія, только что отлетѣлъ отсюда, и, какъ его слѣдъ, остался этотъ тихій, ласкающій, мерцающій свѣтъ.

Глава XVI.

Торжество священнаго огня.

Это торжество происходитъ въ субботу страстной недѣли, въ два часа дня.

Трудно представить себѣ зрѣлище болѣе странное, болѣе фантастическое, менѣе соотвѣтствующее нашему понятію о храмѣ...

Но вы не должны забывать, что предъ вами дѣти Востока. Что у нихъ иначе совершенно проявляется религіозный восторгъ. Не забудьте, что самъ царь Давидъ въ религіозномъ экстазѣ скакалъ и плясалъ предъ Ковчегомъ Завѣта.

Храмъ Воскресенія еще въ пятницу, съ вечера, занятъ народомъ. Толпа проводитъ здѣсь ночь, стоя на ногахъ, боясь потерять мѣсто.

Въ храмѣ погашены всѣ огни, кромѣ придѣловъ католиковъ, которые не признаютъ священнаго огня и демонстративно зажигаютъ въ своихъ придѣлахъ всѣ свѣчи и лампады.

Половина второго пополудни.

Я стою на консульскомъ балкончикѣ.

Внизу шумитъ и волнуется сплошное море головъ. Храмъ переполненъ. Человѣческія головы видны на хорахъ, въ нишахъ, въ которыхъ наколочены доски. Люди выглядываютъ изъ оконъ купола. Свѣсивъ ноги, еле держатся на десяти, на пятнадцати-саженной высотѣ въ углубленіяхъ стѣнъ, кажутся висящими въ воздухѣ.

Эта шумная человѣческая толпа переполняетъ храмъ сверху до низу, лѣпится по стѣнамъ, ея численность превосходитъ 6 тыс. человѣкъ.

Отъ толпы вѣетъ фанатизмомъ и нетерпимостью. Католики пускаютъ въ свою ложу, съ условіемъ не зажигать свѣчей отъ священнаго огня. Опасаются свалки, быть-можетъ, кровопролитной, между греками и армянами изъ-за вопроса, итти или не итти армянскому патріарху вслѣдъ за греческимъ во время крестнаго хода вокругъ Кувукліи.

Около армянскаго патріарха стоитъ турецкая стража, готовая кинуться и отстранить армянское духовенство, если оно вмѣшается въ процессію.

Копты и сирійцы съ возбужденными лицами обмѣниваются криками и ругательствами, — спорятъ о томъ, чье духовенство должно итти впереди въ крестномъ ходѣ.

И это передъ гробомъ Господнимъ!

Изъ страха передъ свалкой, въ храмъ согнана масса турецкихъ солдатъ, вооруженныхъ словно для битвы. Они съ трудомъ сдерживаютъ натискъ толпы, давящей другъ друга, и

образуютъ узенькій коридорчикъ отъ алтаря храма Воскресенія и вокругъ часовни Гроба Господня.

По этому коридорчику, подъ охраной вооруженныхъ турецкихъ солдатъ, пойдетъ крестный ходъ.

Здѣсь, въ центрѣ христіанскаго міра, около величайшей святыни, храмъ полонъ невообразимаго шума.

Съ балкончика я вижу, какъ съ изумленіемъ и ужасомъ переглядываются наши паломники, затерявшіеся въ этой толпѣ армянъ, абиссинцевъ, смуглыхъ сирійцевъ и арабовъ въ бѣлыхъ рубахахъ и красныхъ фескахъ.

Отъ этой разноплеменной толпы несутся тысячи разнородныхъ криковъ, воплей, — словно вотъ-вотъ всѣ кинутся другъ на друга, и начнется поголовная свалка.

Лица армянъ, стоящихъ по правую сторону Кувукліи, возбуждены. Глаза сверкаютъ фанатизмомъ. Ихъ яростные вопли тонутъ въ торжествующихъ крикахъ арабовъ, стоящихъ по лѣвую сторону часовни:

— Наша вѣра лучше всѣхъ.

Толпа полна нетерпѣнія.

Арабы рукоплещутъ словно толпа, требующая зрѣлища. Громъ этихъ рукоплесканій раздается среди церковнаго пѣнія, яростныхъ и восторженныхъ криковъ.

Но вотъ послышалось протяжное, медленное, въ носъ, пѣніе греческихъ монаховъ. Стукъ по плитамъ храма мѣдныхъ наконечниковъ жезловъ, которые несутъ кавасы.

Въ сопровожденіи служекъ, діаконовъ, священниковъ, епископовъ, монаховъ, несущихъ хоругви, греческій патріархъ приближается къ Кувукліи.

Онъ молится передъ запертыми дверями часовни. Двери завязаны розовой лентой, къ которой прикрѣплена большая печать.

Начинается крестный ходъ.

Все, что не охвачено экстазомъ, имѣетъ блѣдный, испуганный, растерянный видъ.

Живой барьеръ изъ турецкихъ солдатъ еле сдерживаетъ натискъ толпы, рвущейся къ крестному ходу. Полиція и сол-

даты оттѣсняютъ армянское духовенство при оглушительныхъ, яростныхъ крикахъ армянъ.

Сирійское духовенство готово занять мѣсто въ крестномъ ходу, какъ вдругъ въ средину шествія врываются абиссинцы. Коптскій діаконъ, огромный черный великанъ, ударомъ кулака сбиваетъ митру съ сирійскаго епископа. Одинъ изъ сирійцевъ взмахиваетъ хоругвью и ударяетъ ею абиссинскаго священника. Кровь. Начинается свалка. Но въ эту минуту въ средину между дерущимися врываются турецкіе солдаты и, осыпаемые ударами съ двухъ сторонъ, разнимаютъ враждующихъ.

Крестный ходъ продолжается. Онъ медленно обходитъ три раза вокругъ часовни Гроба Господня.

Впереди идутъ греки въ темныхъ одѣяніяхъ. За ними смуглые сирійцы въ свѣтлыхъ ризахъ, у нихъ уже наступаетъ праздникъ Воскресенія. Шествіе замыкаютъ черные абиссинцы, съ огромнымъ фонаремъ впереди, въ темно-малиновыхъ бархатныхъ ризахъ.

Это шествіе тянется безконечной лентой вокругъ часовни.

Церковные напѣвы на разныхъ языкахъ доносятся лишь урывками, отдѣльными нотами среди криковъ впадающей въ изступленіе толпы.

Арабы, высоко поднявъ руки, рукоплещутъ и кричатъ:

— Нѣтъ вѣры, кромѣ вѣры нашей, истинно православной!

Вотъ на плечи толпы вскочилъ одинъ арабъ, другой, третій.

Они закружились въ бѣшеной пляскѣ. Пляшутъ по плечамъ, по головамъ, падаютъ отъ усталости, испуская дикіе крики. Ихъ замѣняютъ другіе.

Шествіе обходитъ третій разъ вокругъ Кувукліи и останавливается предъ запечатаннымъ входомъ.

Греческій патріархъ блѣдный, взволнованный, молится предъ входомъ въ пещеру Гроба Господня, и его разоблачаютъ.

Онъ остается въ одномъ бѣломъ саккосѣ.

Разрѣзаютъ ленту съ печатью, которой запечатаны двери, и патріархъ входитъ въ пещеру.

За нимъ входитъ туда же армянскій патріархъ, который, по обычаю, остается ожидать въ придѣлѣ ангела и первымъ получаетъ огонь отъ греческаго патріарха.

Стонъ проносится надъ толпой.

Страшно взглянуть, что дѣлается внизу.

Море головъ волнуется, какъ настоящее разбушевавшееся, разъяренное море. Кричитъ, стонетъ, воетъ. Изступленныя лица. Кровью налитые глаза.

Экстазъ, изступленіе все растутъ и растутъ. Пляшущіе арабы, какъ вертящіеся дервиши, бѣшено кружатся на головахъ толпы. У пляшущихъ появляется пѣна на губахъ. Апплодисменты то гремятъ въ дикомъ, но все же стройномъ мѣрномъ ритмѣ, то превращаются въ безпорядочный громъ, трескъ рукоплесканій. Вопли все громче, все диче.

Солдаты теряютъ силы сдерживать эту толпу. Живая изгородь колеблется. Еще моментъ, и ее прорвутъ, и все кинется впередъ, обезумѣвшее, изступленное, выростутъ горы тѣлъ.

Бѣшеный вопль проносится надъ толпой.

Но въ эту минуту въ узенькомъ, боковомъ окошечкѣ показывается снопъ огня: армянскій патріархъ передаетъ пачку горящихъ свѣчей.

Кажется, самыя стѣны храма вздрагиваютъ отъ торжествующаго крика, отъ рукоплесканій.

Все кидается впередъ. Всякій хочетъ первымъ схватить огонь. Греческій діаконъ вырываетъ у кого-то пачку горящихъ свѣчей, прорываетъ стражу и бѣжитъ съ огнемъ изъ храма. За нимъ гонятся, ловятъ его за стихарь, отнимаютъ свѣчи, валятъ на землю.

Арабы схватываются за руки и образуютъ живой коридоръ, по которому нѣсколько человѣкъ бѣгутъ передать огонь толпѣ, ожидающей внѣ храма.

По толпѣ бѣжитъ огненный ручеекъ, развѣтвляется, разбѣгается по всѣмъ направленіямъ, и черезъ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ сплошное море огня.

Море огня внизу. Огонь носится въ воздухѣ: на хоры, въ ниши, поднимаютъ на веревкахъ пылающія пачки свѣчей. Все пылаетъ: хоры, ниши, стѣны.

Красные языки пламени стелятся внизу. Клубы голубого дыма наполняютъ храмъ.

Въ храмѣ болѣе 6.000 человѣкъ. У каждаго пачка въ 33 свѣчи, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя. Каждый, по обычаю, три раза гаситъ и зажигаетъ свои свѣчи.

Изъ Кувукліи показывается патріархъ съ двумя пачками пылающихъ свѣчей.

Все съ крикомъ кидается впередъ. Каждый хочетъ зажечь свои свѣчи отъ свѣчей патріарха.

Турецкіе солдаты теряютъ послѣднія силы въ борьбѣ съ толпой. Сдерживая ее, они откидываются назадъ и ложатся на напирающую толпу.

По этому коридору патріархъ въ бѣломъ саккосѣ, высоко поднявъ надъ головой двѣ связки пылающихъ свѣчей, бѣжитъ въ алтарь, окруженный бѣгущими кавасами. Его волосы развѣваются, высоко поднятыя въ вытянутыхъ рукахъ свѣчи кажутся пылающими факелами. Толпа кричитъ и стонетъ.

Клубы дыма становятся все гуще и гуще, и въ нихъ тонетъ весь храмъ.

Стѣны, колонны, толпа,—все исчезаетъ въ дыму. Въ этомъ голубомъ дыму видны только языки пламени, которое кажется темно-багровымъ.

Эта мгла, эти клубы синяго дыма скрываютъ ужасныя сцены, разыгрывающіяся внизу.

Когда я выхожу изъ храма ощупью, въ этой мглѣ, задыхаясь въ дыму, съ трудомъ пробираясь черезъ толпу, я вижу арабовъ, изступленныхъ, обезумѣвшихъ.

Они жгутъ себѣ лицо пылающими пачками свѣчей и кричатъ дикими, истерическими голосами, всѣ одну и ту же фразу.

— Что они кричатъ?

— „Святой огонь не обжигаетъ".

Они ничего не чувствуютъ въ эти минуты.

По крутымъ, винтовымъ лѣстницамъ мы поднимаемся на кровлю храма.

Крыша храма Воскресенія и примыкающія къ ней плоскія крыши сосѣднихъ домовъ полны народомъ.

У арабовъ, у сирійцевъ, у коптовъ наступилъ праздникъ Воскресенія Христова.

Они поютъ и подъ дикіе напѣвы пляшутъ дикія пляски, жонглируя саблями, кинжалами, вскакивая другъ другу на плечи, оглашая воздухъ воинственными криками.

Всѣ крыши кругомъ — одинъ сплошной воинственный таборъ, словно празднующій побѣду.

А внизу по улицамъ бѣгаютъ люди, съ пылающими пачками свѣчей, разнося огонь по домамъ.

— Ну, слава Богу, въ этомъ году все прошло благополучно.

— А развѣ бываютъ несчастія?

— Еще бы.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ уполномоченный Православнаго Палестинскаго общества по поводу торжества священнаго огня въ 1895 году:

— Раздача священнаго огня въ Воскресенскомъ храмѣ въ страстную субботу никогда не проходитъ безъ столкновенія грековъ съ армянами. Въ этомъ году столкновеніе это выразилось въ болѣе рѣзкой формѣ, нежели во всѣ предшествовавшіе годы. Армянское духовенство давно добивается участвовать въ торжественномъ крестномъ ходѣ вокругъ часовни Гроба Господня, совершаемомъ греческимъ патріархомъ предъ входомъ въ часовню за полученіемъ священнаго огня. Настойчивое домогательство армянъ всегда встрѣчало сопротивленіе со стороны грековъ, видящихъ въ этомъ посягательство на свои преимущества, вслѣдствіе чего и происходятъ ежегодныя столкновенія. Въ этомъ году, когда патріархъ Герасимъ, сопровождаемый архимандритомъ Фотіемъ и другими лицами греческаго духовенства, торжественно совершая крестный ходъ, обходилъ въ третій разъ часовню Гроба Господня и поравнялся со входомъ въ армянскій придѣлъ, армянскій епископъ, имѣвшій войти вмѣстѣ съ патріархомъ въ часовню Гроба Господня, попытался съ двумя своими діаконами присоединиться къ крестному ходу и занять мѣсто позади патріарха, но немедленно былъ отстраненъ изъ процессіи патріаршими кавасами. Тогда присутствовавшая здѣсь же толпа армянъ ворвалась въ процессію и совершенно разстроила крестный ходъ. Произошла ожесточенная свалка между армянами и греками. Защищавшій патріарха кавасъ греческой

патріархіи былъ избитъ и безъ чувствъ вынесенъ изъ храма. Помогавшій кавасу архимандритъ Фотій получилъ сильный ударъ по клобуку, отъ котораго клобукъ надвинулся на глаза, закрывъ до половины лицо его; въ тотъ же моментъ ему былъ нанесенъ второй ударъ, сбившій съ головы клобукъ и съ лица очки. Ожесточенный этимъ, Фотій вступилъ въ рукопашную схватку съ армянами. Одинъ изъ греческихъ діаконовъ, потерявъ въ свалкѣ свой клобукъ, схватилъ за бороду армянскаго епископа, пытавшагося подойти къ часовнѣ Гроба Господня, и, сильно потрясая голову епископа, свалилъ съ него митру. Присутствовавшіе около своего епископа армяне въ тотъ же моментъ вцѣпились въ огромные, черные, всклокоченные волосы греческаго діакона и повлекли его назадъ, стараясь освободить отъ него епископа; но діаконъ крѣпко держалъ его за бороду и тащилъ за собою. Тогда стоявшій поблизости турецкій солдатъ прикладомъ ружья сильно ударилъ греческаго діакона въ лобъ и разсѣкъ кожу. Кровь хлынула изъ раны, обагряя лицо и платье діакона, выпустившаго изъ рукъ бороду епископа. Свалка становилась ожесточеннѣе. По приказанію командующаго іерусалимскимъ гарнизономъ, раздался сигналъ горниста „надѣть штыки". Окружавшіе часовню Гроба Господня 200 солдатъ, сбитые съ позиціи волновавшеюся пятитысячной толпой, стали надѣвать на ружья штыки. Между тѣмъ, армяне, пытаясь отстранить отъ часовни Гроба Господня патріарха Герасима, сбили съ него драгоцѣнную митру, порвали облаченіе и отвлекли его отъ часовни ко входу въ католическій придѣлъ. Видя все это, губернаторъ, Ибрагимъ-паша, бросился самъ въ толпу. Боясь, чтобы солдаты, ожесточившись, не пустили въ дѣло штыки, онъ немедленно приказалъ горнисту сдѣлать другой сигналъ, послѣ котораго солдаты сняли съ ружей штыки, а затѣмъ при помощи солдатъ отстранилъ отъ патріарха бунтовщиковъ, при чемъ какой-то грекъ — поклонникъ, огромнаго роста, на рукахъ вынесъ патріарха и поставилъ его у входа въ часовню Гроба Господня, куда подошелъ и Ибрагимъ-паша, держа въ рукахъ поднятую митру блаженнѣйшаго Герасима. Въ это время солдатамъ удалось прикладами ружей подавить волненіе. Продолжавшаяся около 20 минутъ свалка прекратилась. Патріархъ блѣдный,

сильно разстроенный, но ни на минуту не потерявшій самообладанія, стоялъ съ распущенными волосами въ порванномъ облаченіи у входа въ часовню Гроба Господня. Губернаторъ торопилъ его войти въ часовню, чтобы скорѣй раздать священный огонь, но Герасимъ отказался отъ этого, высказавъ намѣреніе непремѣнно дождаться армянскаго епископа, съ которымъ, по издревле установившемуся обычаю, онъ долженъ былъ вмѣстѣ войти въ часовню за полученіемъ священнаго огня. Черезъ нѣсколько секундъ армянскій епископъ самъ протолкался изъ толпы и подошелъ къ патріарху. Тогда греческіе діаконы, по обычаю, сняли съ патріарха облаченіе, и онъ вошелъ въ часовню вмѣстѣ съ армянскимъ епископомъ. Черезъ минуту ожиданія изъ боковыхъ отверстій часовни появились поданные патріархомъ и армянскимъ епископомъ горящіе пучки свѣчей, и весь храмъ быстро былъ залитъ моремъ пламени. Послѣдовавшее за раздачею огня богослуженіе прошло совершенно спокойно.

Глава XVII.

Свѣтлая заутреня.

Близится полночь—великая полночь.

Мы идемъ по темнымъ іерусалимскимъ улицамъ къ святому Гробу. Впереди идутъ кавасы, освѣщая путь смоляными факелами.

При яркомъ свѣтѣ этихъ факеловъ, дрожащемъ, кроваво-красномъ, выростаютъ изъ темноты ужасныя, отвратительныя фигуры—нищіе, сидящіе, лежащіе вдоль стѣнъ домовъ. Прокаженные, калѣки, паралитики, слѣпые.

При блескѣ факеловъ они появляются изъ тьмы, словно призраки горя, нищеты, страданія. Протягиваютъ къ намъ руки, стонутъ, шипятъ, плачутъ и вновь исчезаютъ въ темнотѣ. Факелы на минуту освѣщаютъ ихъ страшныя лица, ихъ скорченныя протянутыя руки, ихъ бѣлые, покрытые бѣльмами глаза, и мы идемъ этимъ живымъ, этимъ ужаснымъ коридоромъ, осторожно ступая, смотря подъ ноги, боясь наступить на какого-нибудь несчастнаго, лежащаго на мостовой.

Одни исчезаютъ въ темнотѣ, и вмѣсто нихъ появляются изъ тьмы другіе. Такіе же страшные, такіе же ужасные, такіе же похожіе на дрожащіе призраки при красномъ свѣтѣ факеловъ.

И этотъ путь, похожій на кошмаръ, полный ужасныхъ видѣній, кажется безконечнымъ, какъ человѣческое страданіе.

Храмъ Воскресенія залитъ свѣтомъ. Свѣтомъ паникадилъ, лампадъ, тысячъ свѣчей, горящихъ въ рукахъ у богомольцевъ.

Храмъ полонъ народа. Полонъ звуковъ. Копты и сирійцы праздновали уже Воскресеніе Христово днемъ, и изъ ихъ придѣловъ несутся громкіе, радостные напѣвы. Изъ придѣловъ грековъ слышатся напѣвы тихіе, печальные, — великій моментъ еще не наступилъ. Его ожиданіемъ, ожиданіемъ трепетнымъ, благоговѣйнымъ, полна несмѣтная толпа, наводняющая храмъ,

Народъ, куда ни погляди. Съ хоръ, изъ амбразуръ оконъ, изъ нишей, — отовсюду глядятъ тысячи лицъ.

Царскія врата главнаго греческаго придѣла открываются, и оттуда показывается шествіе. Пышное, блестящее, великолѣпное.

Впереди несутъ хоругви. Сіяя золотомъ и серебромъ, идутъ діаконы съ драгоцѣнными, блещущими рипидами, съ сверкающими дикиріями и трикиріями, убранными цвѣтами. Архіереи въ митрахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Безчисленные священники въ горящихъ золотымъ блескомъ тяжелыхъ парчевыхъ ризахъ. И за ними патріархъ въ бѣлоснѣжномъ саккосѣ, въ золотой ризѣ, съ митрой, на которой блещетъ, сіяетъ, сверкаетъ крестъ изъ крупныхъ брилліантовъ.

Въ голубоватомъ облакѣ кадильнаго дыма, съ тихимъ, печальнымъ пѣніемъ, шествіе трижды обходитъ вокругъ часовни Гроба Господня и останавливается у входа.

Одинъ изъ діаконовъ раскрываетъ предъ патріархомъ Евангеліе, и патріархъ медленно, дрожащимъ голосомъ читаетъ повѣсть о томъ, какъ пришли жены мироносицы и увидѣли гробъ открытымъ и ангела въ сверкающихъ, какъ солнце, одеждахъ, сидящаго на отваленномъ камнѣ.

Патріархъ принимаетъ кадило и входитъ въ Гробъ, оставляя толпу въ трепетномъ, благоговѣйномъ ожиданіи.

Я стою у входа въ святую пещеру.

Это было здѣсь.

Здѣсь, гдѣ стоитъ теперь эта благоговѣйная, молчаливая толпа.

Сверху, съ хоръ, изъ дальнихъ придѣловъ, изъ-за колоннъ, изъ темныхъ портиковъ несутся разноязычные напѣвы, славящіе Бога.

Здѣсь, на этой площадкѣ, благоговѣйная тишина. Изъ святой пещеры льется тихій, ласковый, золотистый свѣтъ.

И вотъ среди тишины, мертвой тишины, изъ глубины пещеры, раздается голосъ, взволнованный, дрожащій:

— Христосъ анести экъ некронъ...

Онъ раздается слабо. Этотъ голосъ кажется далекимъ, далекимъ. Словно несется откуда-то изъ другого міра.

— Танато танатонъ патизасъ! — радостно подхватываетъ хоръ священниковъ и епископовъ, и все это тонетъ въ колокольномъ звонѣ, раздающемся въ храмѣ.

Колокола, висящіе здѣсь же въ храмѣ, звонятъ. Хоругви, по греческому обычаю, вертятся въ воздухѣ.

Великій, свѣтлый, радостный моментъ наступилъ.

Волненіе, котораго нельзя описать, охватываетъ толпу. Изъ Гроба появляется патріархъ и, осѣняя толпу крестомъ, говоритъ:

— Христосъ анести!

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ... — раздается пѣніе по-русски.

Поетъ хоръ русскихъ паломницъ.

И при перезвонѣ колоколовъ, при разноязычномъ, разноплеменномъ пѣніи, раздающемся по всему храму, чередуются греческій и русскій напѣвы радостнаго гимна Воскресенія.

Кувуклія горитъ сотнями огней, свѣчей, лампадъ, и изъ пещеры Святаго Гроба льется ровный, мягкій, золотой свѣтъ, словно отблескъ далекаго, свѣтлаго, прекраснаго міра.

Я выхожу изъ храма, чтобы поспѣть къ заутренѣ въ русскій соборъ.

Тихая звѣздная ночь.

Это разноязычное пѣніе радостнаго гимна побѣды надъ смертью все еще звучитъ въ моихъ ушахъ.

Ласково улыбаются бриллiантовыя звѣзды въ далекихъ, темныхъ небесахъ.

— Христозъ воскрезъ! Христозъ воскрезъ! — раздается кругомъ въ темнотѣ.

Это кричатъ по-русски нищiе, калѣки, паралитики, слѣпые, прокаженные.

И для нихъ, бѣдныхъ, слабыхъ, отверженныхъ, воскресъ сегодня Христосъ.

И я вижу среди этой тьмы Твои глаза, мой великiй Богъ, Богъ любви, Богъ бѣдныхъ, Богъ слабыхъ, Богъ страдающихъ.

Они смотрятъ такъ кротко, полны слезъ и такой любви, воскресшiй Христосъ.

И я слышу Твое вѣянiе въ тишинѣ этой ночи, при блескѣ этихъ звѣздъ, среди этихъ возгласовъ страдающихъ, безпомощныхъ, несчастныхъ людей.

— Христосъ воскресъ.

Ты воскресъ не знающiй смерти, Вѣчный Богъ, имя Котораго —любовь къ ближнимъ.

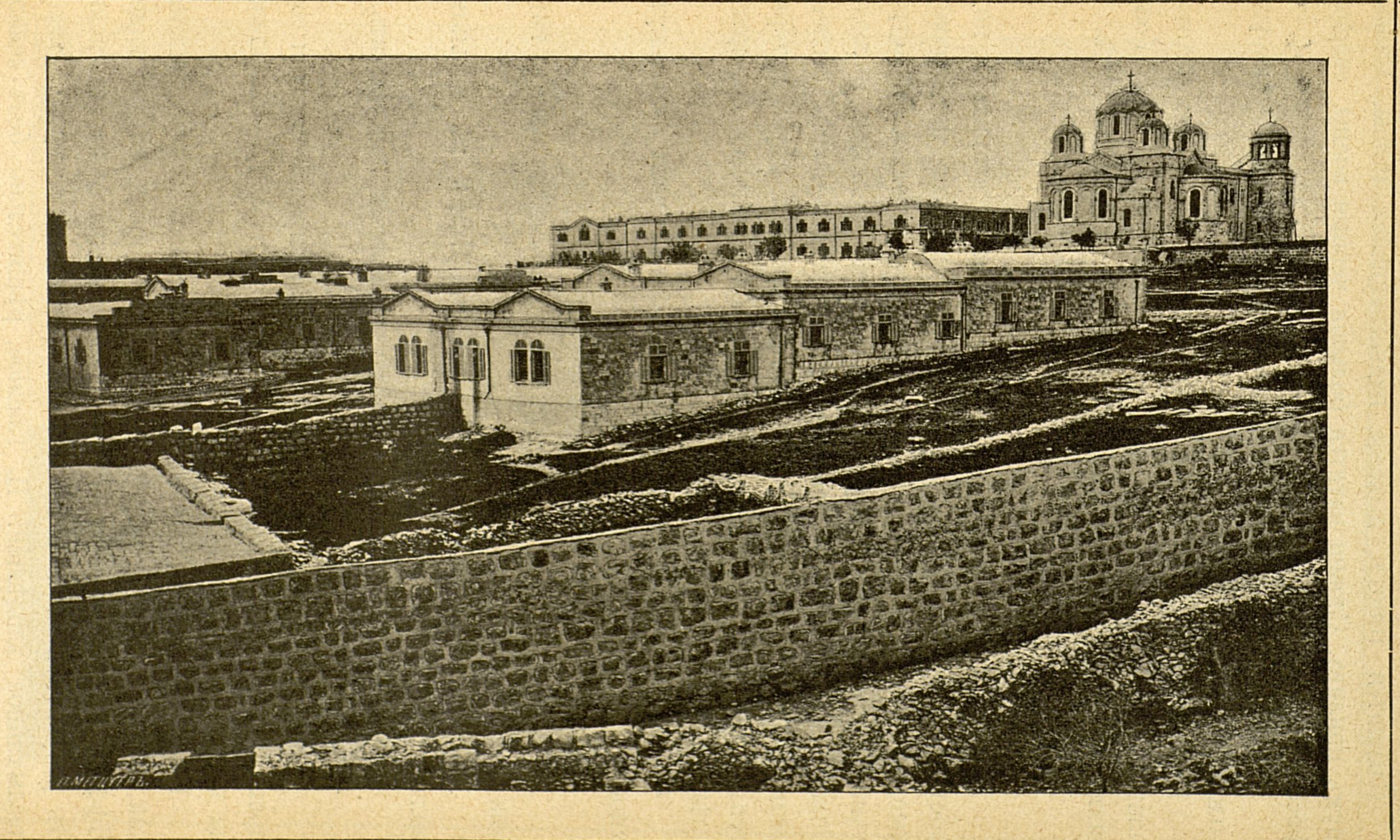
Глава XVIII.

Паломники.

Пятница Страстной недѣли. Тихiй, холодный, темный весеннiй вечеръ. И въ этой тихой тьмѣ несутся надъ заснувшимъ Iерусалимомъ рыдающiе аккорды колоколовъ. Этотъ похоронный звонъ, срывающiйся съ колокольни русскаго собора, дрожащiй, умирающiй, звучитъ словно вѣянiе большихъ крыльевъ печальныхъ ангеловъ, пролетающихъ во мракѣ ночи.

Какое чудное, какое фантастическое зрѣлище. Изъ-за зданiя русской миссiи появляются сотни маленькихъ, трепетныхъ, дрожащихъ, движущихся огоньковъ. Число огоньковъ растетъ и растетъ. Ихъ сотни превращаются въ тысячи. Словно какiе-то фантастическiе жаръ-цвѣты расцвѣтаютъ на лугу.

Домъ русской миссіи.



Общій видъ русскихъ построекъ и собора.

Слышится топотъ, дыханіе надвигающейся толпы. Словно шумъ прилива. Словно катятся большія черныя волны, сверкая фосфорическими огоньками.

Пѣніе печальное, похоронное, какъ и эти рыдающіе аккорды колоколовъ.

Надъ толпой, ярко освѣщенная свѣчами сверкаетъ золотая плащаница. Еще выше огромныя хоругви, которыя кажутся большими золотыми солнцами, несущимися въ темномъ воздухѣ.

Крестный ходъ, за которымъ идетъ 4.500 паломниковъ.

4.500 человѣкъ.

Въ этой толпѣ, гдѣ есть богатые и нищіе, старики и подростки, крестьяне, мѣщане, купцы, просвѣщенные и неграмотные, великороссы, малороссы, уроженцы Архангельска и Астрахани, Кіева и Тобольска, люди, знающіе религію, и люди, полные суевѣрій, въ этой толпѣ вы найдете всѣ степени религіозныхъ настроеній, — отъ тихой, кроткой вѣры, которая теплится въ душѣ, какъ неугасающая лампада, до яраго, слѣпого фанатизма.

О русскихъ паломникахъ въ Палестинѣ вамъ наскажутъ много ужасовъ.

„Они пользуются дурной славой“.

Но когда говорятъ о славѣ, всегда полезно знать, какъ она фабрикуется.

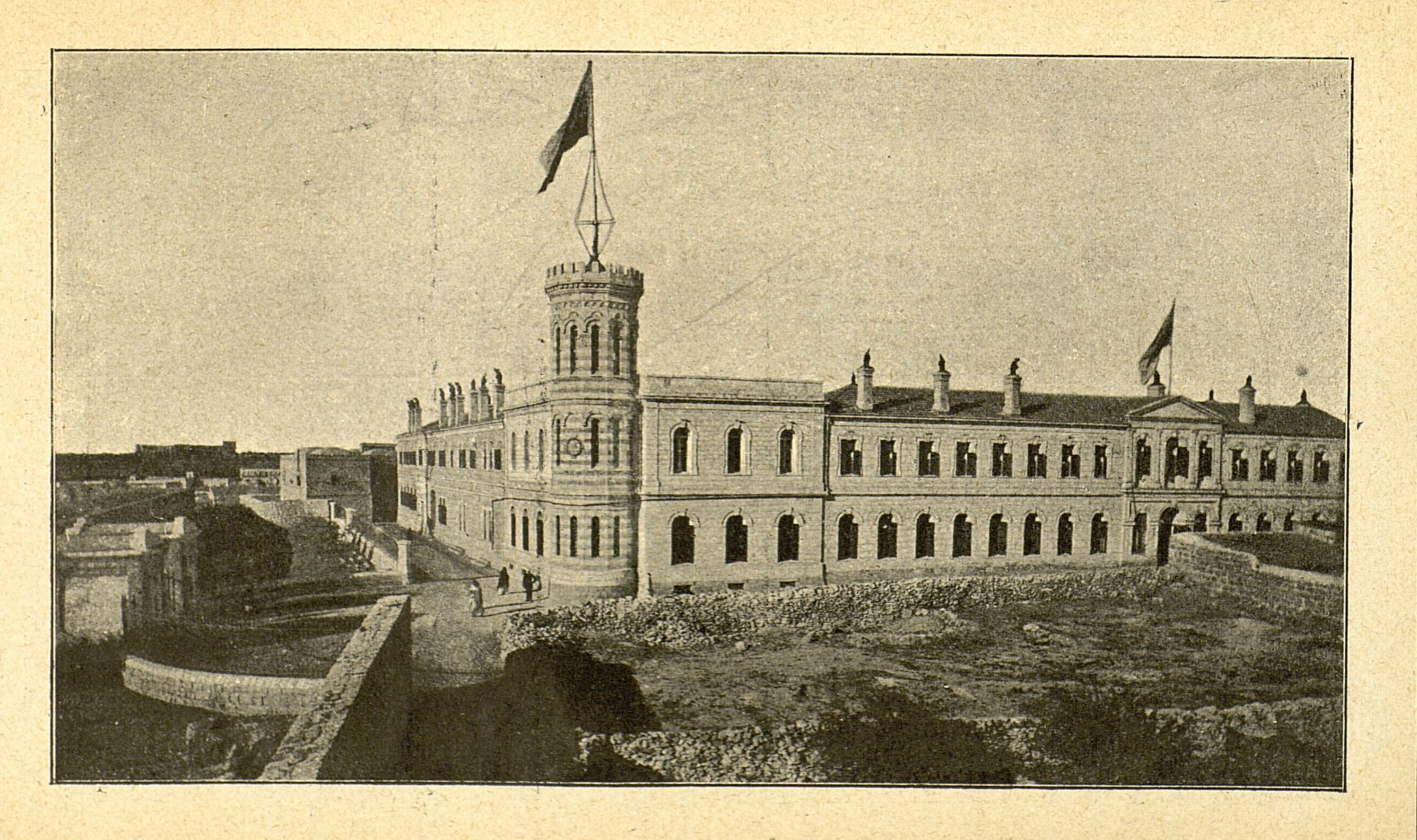
Я засталъ нашего вице-консула въ Яффѣ въ сильномъ волненіи.

— Просто не знаешь, что дѣлать: смѣяться или плакать.

— Что случилось?

— Тутъ съ однимъ паломникомъ. Ему нужно сегодня отправляться съ пароходомъ, а его обвиняютъ... въ покушеніи на крушеніе поѣзда.

Въ покушеніи на крушеніе пассажирскаго поѣзда маленькой, плохенькой, узкоколейной желѣзной дороги, соединяющей Яффу съ Іерусалимомъ. Поѣзда, переполненнаго пассажирами. Въ результатѣ были бы сотни человѣческихъ жертвъ. Какое неслыханное злодѣяніе! И, главное, рѣшительно безъ всякой цѣли. Пріѣхалъ человѣкъ, помолился и рѣшилъ совершить необычайное, грандіознѣйшее злодѣйство.



Домъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.

— Гдѣ же этотъ неслыханный злодѣй?

— Здѣсь въ консульствѣ. А вотъ и орудіе преступленія!

Вице-консулъ показалъ... на жестяной чайникъ съ погнутой ручкой.

Паломникъ, простой крестьянинъ, забылъ свой обратный билетъ въ багажѣ, который отправили уже со всѣми паломническими вещами впередъ. У него не было чѣмъ заплатить за билетъ отъ Іерусалима до Яффы, — онъ и пошелъ себѣ съ котомочкой по полотну желѣзной дороги... Паломникъ усталъ, было жарко, котомку нести тяжело. Какъ вдругъ сзади свистокъ догоняющаго поѣзда. Когда поѣздъ поравнялся, паломникъ бросилъ котомку на подножку перваго попавшагося вагона: „Нехай, подвезутъ!" Но промахнулся, котомка попала подъ колеса. Поѣздъ остановили.

„Человѣка, бросившаго что-то подъ колеса поѣзда", арестовали, „орудіе преступленія" — котомку забрали, составили протоколъ.

— И теперь желѣзнодорожная компанія предъявляетъ къ нему обвиненіе въ преднамѣренномъ покушеніи произвести крушеніе переполненнаго пассажирами поѣзда!

— При помощи жестяного чайника, лежавшаго въ котомкѣ?! Трудно представить себѣ покушеніе съ болѣе негодными средствами!

— Да. Но пойдетъ переписка, отписка. Требуютъ ареста виновнаго.

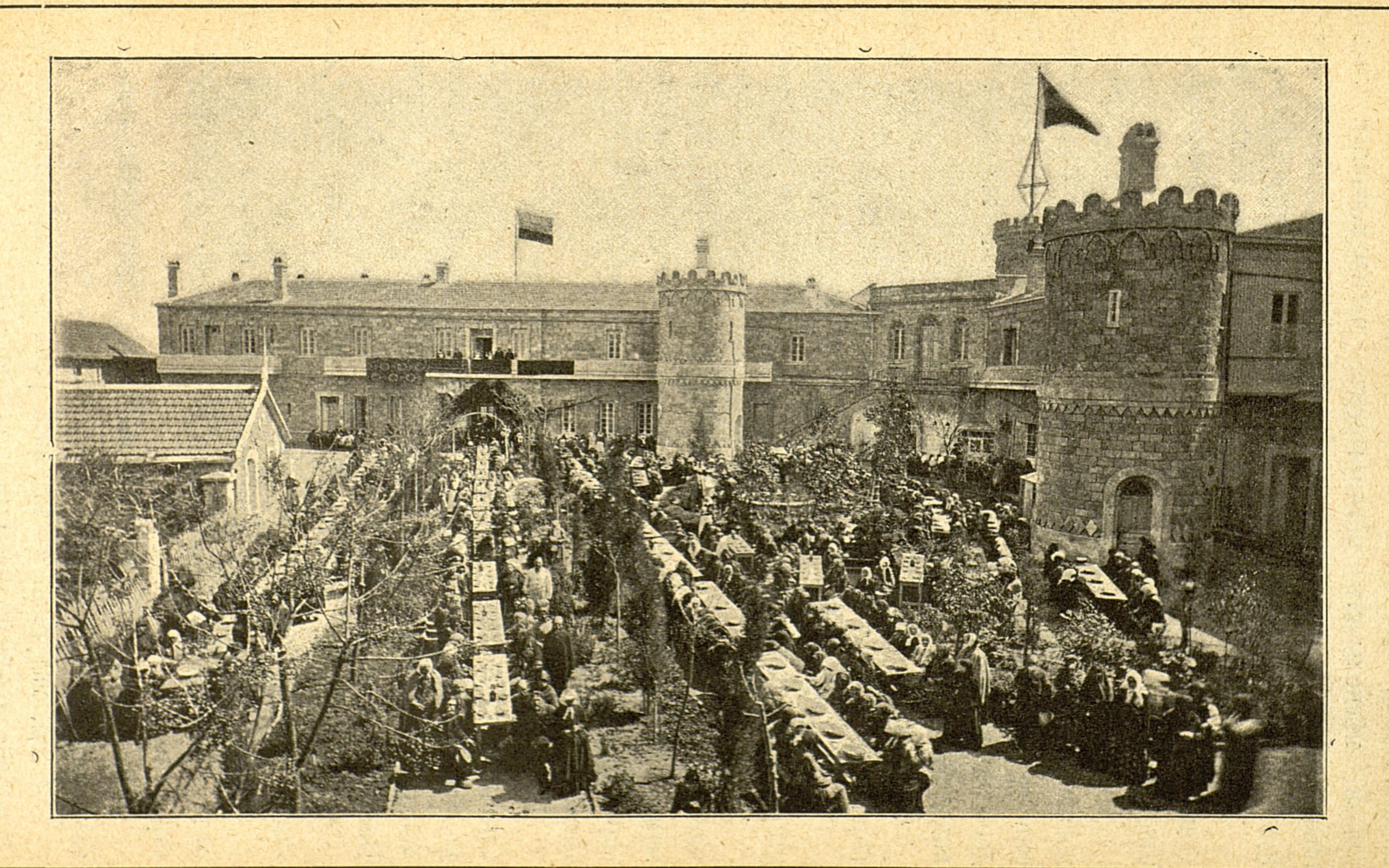
Конечно, „невиданнаго преступника", желавшаго, чтобъ его котомка проѣхалась по желѣзной дорогѣ, вице-консулъ на свой страхъ и рискъ отпустилъ на родину. Но „дѣло" всетаки началось.

Такъ создается слава нашихъ паломниковъ.

Вы часто услышите про пьянство среди паломниковъ.

Я не знаю болѣе нелѣпой, болѣе близорукой лжи.

Человѣкъ, для котораго съ дѣтства „праздничный столъ" одна изъ необходимыхъ принадлежностей культа. „Праздничный столъ" для него это даже нѣчто религіозное. Усталый, измученный, обезсилѣвшій отъ пережитыхъ впечатлѣній, послѣ долговременнаго поста, послѣ голодовокъ, онъ пьянѣетъ отъ одной



Праздничный столъ для паломниковъ во дворѣ дома Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.

рюмки водки, отъ стакана пива за праздничнымъ столомъ. И изъ-за нѣсколькихъ опьянѣвшихъ, наголодавшихся людей обвинять въ „пьянствѣ“ всю эту тысячную религіозно-настроенную, счастливую толпу — преступно или близоруко.

Я не знаю зрѣлища болѣе величественнаго, болѣе трогательнаго, чѣмъ „поющій пароходъ“, везущій паломниковъ изъ Святой Земли.

Цѣлый день на пароходѣ не прекращается пѣніе „Христосъ воскресе“. Собравшись группами въ 5, въ 6, въ 10 человѣкъ, они то тамъ, то здѣсь цѣлый день поютъ эту свѣтлую, радостную пѣснь, славятъ Бога, со счастливыми лицами людей, видѣвшихъ рай.

Наступаетъ вечеръ. Штиль. Тихое, спокойное, гладкое море горитъ опаловымъ свѣтомъ при блескѣ лучей заката.

Сельскій священникъ, ѣдущій въ третьемъ классѣ, надѣлъ старенькую эпитрахиль и служитъ на нижней палубѣ вечерню.

Изъ ящиковъ устроили нѣчто въ родѣ аналоя, накрыли чистымъ холстомъ, разложили образки, купленные въ Іерусалимѣ и освященные у Гроба Господня, и пѣніе „Христосъ воскресе“, величественное, какъ всегда пѣніе толпы, несется по тихому, спокойному морю.

Въ жару, въ зной, когда поющій пароходъ затихаетъ, вы слышите въ трюмѣ, среди тишины, тихое, неторопливое чтеніе. Въ трюмѣ, на палубѣ подъ тентами, всюду, гдѣ есть хоть немножко тѣни, читаютъ вслухъ и слушаютъ чтеніе Священнаго Писанія.

Обвинять эту религіозно-настроенную толпу въ „пьянствѣ“ — глупѣе глупости!

Говоря о типѣ паломника, слѣдуетъ, прежде всего, отдѣлить изъ этой толпы десятки ханжей, странниковъ и странницъ.

Ихъ черныя одѣянія, похожія на монашескія, мелькаютъ тамъ и тутъ.

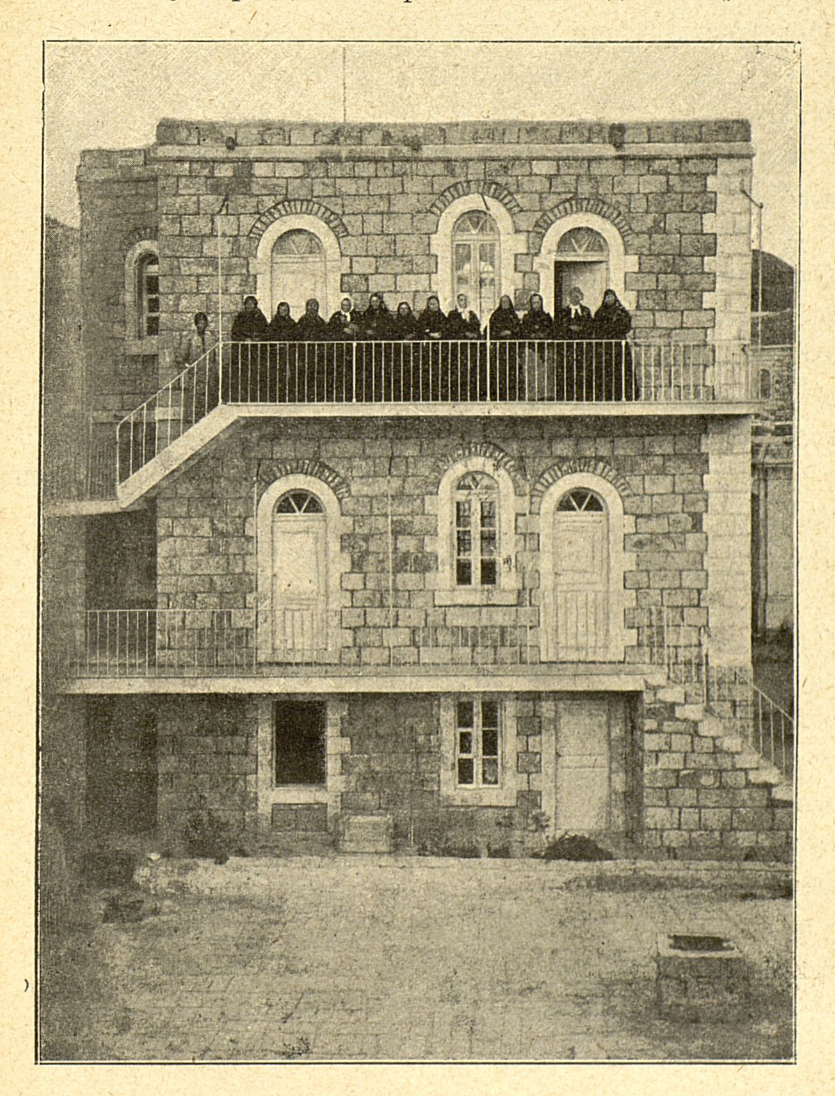
— Ты, матушка, въ который разъ въ старомъ Іерусалимѣ?

— Въ шестой, родимый, сподобилась.

— А ты, милъ человѣкъ?

— Седьмой разъ посѣщаю, милостивецъ.

Вы ихъ узнаете сразу по ихъ особому характерному жаргону. „Христолюбецъ“, „щедродатель“, такъ и пестрятъ ихъ рѣчи. У нихъ сотни порученій отъ знакомыхъ купчихъ. Это „разносчики суевѣрій“; они пріѣзжаютъ сюда за „египетской



Веніаминовскій пріютъ Имп. Правосл. Пал. общества.

тьмой“, „богородицыными слезками“, „звономъ Соломонова храма“ въ пузыречкахъ.

Самый симпатичный, трогательный типъ среди паломниковъ это старики, потерявшіе все, перехоронившіе всѣхъ своихъ близкихъ, осиротѣвшіе на старости лѣтъ. Они приплываютъ

сюда, эти обломки житейскихъ бурь, ища здѣсь утѣшенія, чтобъ плакать о томъ, что они потеряли, и молиться о томъ, чего они ждутъ.

Ихъ мечта, самая дорогая и завѣтная, остаться и умереть въ Палестинѣ. И они выполняютъ это желаніе измученнаго сердца при малѣйшей возможности. Голодаютъ, а живутъ здѣсь. Эти страдальцы, ѣдущіе въ землю Страдальца.

Посѣщеніе Святой Земли, — это казалось ему мечтой, почти несбыточной. Паломникъ, обыкновенно, года за два до посѣщенія Святой Земли перестаетъ ѣсть скоромное.

Онъ добирается до Одессы часто пѣшкомъ, часто изъ Архангельска, Тобольска, часто идетъ цѣлыми мѣсяцами, на пути питаясь Христовымъ именемъ.

Въ то время, какъ для насъ поѣздка въ Палестину превратилась въ очень комфортабельную и вовсе неутомительную экскурсію, для паломниковъ это все еще путешествіе, полное трудностей.

Я не стану разсказывать, какъ перевозитъ ихъ на своихъ пароходахъ „Русское общество пароходства и торговли“.

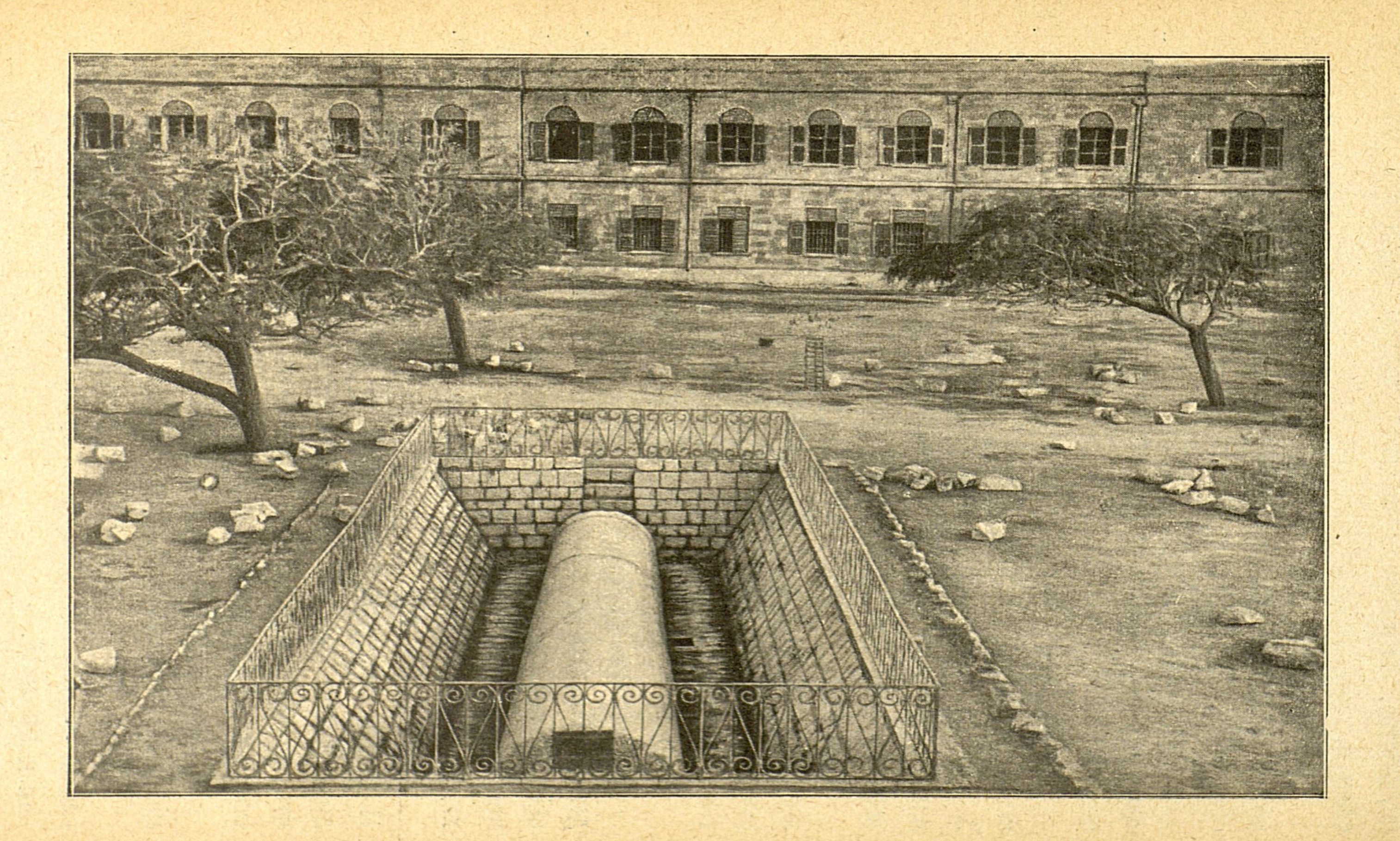
Отъ нихъ запираются даже эмигрантскія помѣщенія, „чтобъ не загрязнили“, какъ будто эмигрантскія помѣщенія предназначены для эмигрирующихъ маркизовъ и виконтовъ. Они помѣщаются въ трюмахъ, грязныхъ, полутемныхъ, спятъ безъ подстилки на покрытомъ липкой грязью полу. Ихъ палуба заставлена, обыкновенно, перевозимымъ скотомъ. Они обречены питаться всю дорогу, — 10 дней, — однимъ сухимъ хлѣбомъ, покупая у ресторатора горячую воду. Словомъ, — я плавалъ на „каторжномъ“ пароходѣ и на „паломническомъ“, и если бы каторжника съ парохода Добровольнаго флота привести и показать, какъ перевозятъ паломниковъ, онъ, навѣрное бы, спросилъ:

— Что же надѣлали *эти* люди?!

И, разумѣется, не повѣрилъ бы, что эти люди „виновны“ только въ томъ, что захотѣли поклониться Святой Землѣ.

За то, если бы паломника привести на „каторжный“ пароходъ, онъ, навѣрное, позавидовалъ бы даже каторжанамъ:

— Хоть бы денекъ такъ поплавать!



Древняя колонна, открытая на площади русскихъ построекъ.

Но невзыскательные паломники мало замѣчаютъ всѣ эти неудобства. „Русское общество“ только помогаетъ имъ поститься.

Въ то время, какъ для насъ это путешествіе — интересная поѣздка по Босфору, Мраморному морю и среди цвѣтущихъ острововъ Архипелага, для паломника это путешествіе по „землямъ невѣрныхъ“. Онъ живетъ въ собственномъ мірѣ, созданномъ его фантазіей, интересномъ, полномъ воображаемыхъ опасностей.

Царь-Градъ, „богатая Смирна“, Александрія, — все это для него священные города, томящіеся подъ властью невѣрныхъ. А мирные левантинцы, расхаживающіе по набережной, басурманы, „мучители“, ненавистники христіанскаго рода, только и ждущіе, какъ бы его погубить.

Пріѣхавъ въ Палестину, паломники, обыкновенно, налагаютъ на себя строгій постъ. „Поститься на Страстной недѣлѣ“, это на языкѣ паломниковъ значитъ: не ѣсть ровно ничего въ теченіе всей недѣли. Такъ почти всѣ и дѣлаютъ.

Они говѣютъ и пріобщаются безчисленное число разъ.

Паломникъ, обыкновенно, везетъ съ собой довольно много денегъ. Но эти деньги не его. У крестьянина эти деньги „мірскія“, у горожанина—деньги его знакомыхъ, данныя на покупку крестиковъ, образковъ, савановъ, на заказы молебновъ, панихидъ, вѣчныхъ поминовеній, на взносы на неугасимыя лампады.

Личныхъ денегъ у паломниковъ часто до смѣшного мало. И девять десятыхъ этихъ личныхъ денегъ идутъ на молебны, пріобрѣтеніе священныхъ предметовъ, на свѣчи и масло, такъ что паломникъ на себя лично часто издерживаетъ въ Палестинѣ всего нѣсколько десятковъ копеекъ.

Столовая Палестинскаго общества очень дешева, но далеко не всѣ имѣютъ возможность пользоваться даже ею.

Очень часто вы встрѣтите паломника или паломницу, еле-еле стоящихъ на ногахъ, блѣдныхъ, истощенныхъ, безъ кровинки въ лицѣ.

— Что такъ плохо? Или мало ѣшь? Въ столовой давно побывать пришлось?

— Недѣли двѣ будетъ.

— Чѣмъ же питаешься?

— Да вотъ нарвемъ травки, въ котелкѣ сваримъ и поѣдимъ. Насъ много такихъ-то.

Они голодаютъ, лишь бы пробыть лишнюю недѣлю среди этихъ мѣстъ, такихъ священныхъ, такихъ великихъ.

Здѣсь все имъ кажется священнымъ. Они цѣлуютъ и берутъ на память землю, совершенно не подозрѣвая, что тотъ Іерусалимъ, земля котораго была орошена Святою Кровью, находится на нѣсколько саженей ниже, подъ пластами обломковъ, мусора, пепла, пыли вѣковъ.

Они живутъ здѣсь въ состояніи восторга, и все, что они видятъ кругомъ, кажется имъ похожимъ на рай.

Въ каждомъ встрѣчающемся здѣсь они видятъ священную особу и даже къ служащимъ Палестинскаго общества обращаются не иначе, какъ:

— Благословите сдѣлать то-то.

На праздникъ Пасхи я помогалъ раздавать паломникамъ „Троицкіе листки", и ни одинъ не обратился ко мнѣ съ просьбой: „дайте листокъ", „позвольте листокъ", а всякій:

— Благослови, батюшка, листкомъ.

И очень многіе выражали желаніе поцѣловать руку, когда я имъ давалъ листокъ.

Этимъ настроеніемъ, конечно, пользуются всевозможные проходимцы изъ мѣстныхъ и пришлыхъ жителей Іерусалима.

Эти люди, про которыхъ трудно сказать, къ какой національности они принадлежатъ, какую религію исповѣдуютъ, они обыкновенно крестятся передъ поклонниками и вмѣсто привѣтствія говорятъ:

— Христосъ воскресе!

Чтобы внушить къ себѣ довѣріе. Они продаютъ какую-то черную жидкость въ баночкахъ, называя ее „тьмой египетской", воду, подъ названіемъ „святыхъ слезокъ", и даже „звонъ Соломонова храма" въ пузырькахъ.

Теперь Православное Палестинское общество заботится о паломникахъ, а еще недавно ихъ обирали разные проходимцы, водя ихъ, напримѣръ, показывать входъ въ адъ. Они подводили паломниковъ къ какой-то скалѣ, въ которой

слышенъ шумъ воды въ пещерѣ, помѣщающейся внутри, и говорили:

— Слышишь, какъ стонутъ грѣшныя души въ аду?

У людей съ напряженными, взвинченными нервами являлись галлюцинаціи; они узнавали голоса умершихъ близкихъ. И тогда проходимцы — проводники обирали бѣднаго, на-смерть перепуганнаго паломника:

— Давай на панихиды намъ,—мы знаемъ, гдѣ надо служить. Завтра придешь, услышишь, что родственникъ стонетъ меньше.

Среди этой толпы, — въ которой нѣтъ-нѣтъ да и стукнутъ у кого-нибудь желѣзныя вериги, носимыя на тѣлѣ, — есть фанатики, замаривающіе себя голодомъ.

Это, обыкновенно, старики, пришедшіе умереть въ Палестину, потому что здѣсь смерть, — вѣрятъ они, — приноситъ отпущеніе грѣховъ.

Нѣсколько такихъ случаевъ было констатировано докторомъ больницы Палестинскаго общества.

Онъ разсказывалъ намъ объ одномъ такомъ старикѣ, умершемъ недавно, заморившемъ себя голодомъ съ упорствомъ истаго фанатика.

Старика подобрали гдѣ-то на улицѣ. Онъ страдалъ полнымъ истощеніемъ.

Въ больницѣ ему дѣлалось все хуже и хуже. Силы все падали.

— Да онъ ничего не ѣстъ, — донесли другіе больные, — какъ служитель уйдетъ, онъ пищу или отдаетъ, или выбрасываетъ.

— Ты что же, старина, голодомъ себя заморить хочешь?

— Да.

Смерть отъ голоданья они не считаютъ самоубійствомъ.

— Я затѣмъ и въ старый Іерусалимъ пріѣхалъ, чтобы здѣсь умереть.

— Ну, это ты можешь дѣлать гдѣ тебѣ угодно. А въ больницѣ ты долженъ ѣсть.

— А тебѣ какое дѣло? Ежели я умереть хочу?

Старикъ даже разозлился на доктора и принялся его ругать.

— Будешь отказываться ѣсть, искусственно питать будемъ.

Старикъ сначала не повѣрилъ, но потомъ, увидавъ искусственное питанье, которое примѣняли къ другому больному, смирился и сталъ принимать пищу. Черезъ нѣсколько дней, онъ окрѣпъ и выписался изъ больницы.

Черезъ недѣлю его снова подняли на улицѣ и снова привезли въ больницу съ прежними явленіями крайняго истощенія.

Это была желѣзная натура. Въ больницѣ его снова „отходили“, и онъ снова выписался, поправившись.

— Въ это время я уѣхалъ въ отпускъ, — разсказывалъ докторъ,—пріѣзжаю, узнаю, что старика привезли въ больницу въ третій разъ. Но на этотъ разъ могучая натура была побѣждена. Онъ добился своего: помочь ему не могли, и старикъ на третій день умеръ, какъ хотѣлъ, голодной смертью.

Въ больницѣ Палестинскаго общества, превосходной, отлично устроенной, большинство больныхъ, страдающихъ отъ истощенія.

И ихъ съ трудомъ можно уговорить принимать пищу на Страстной недѣлѣ, и совсѣмъ невозможно уговорить ѣсть скоромное.

Еще въ четвергъ на Страстной недѣлѣ утромъ въ больницѣ масса больныхъ, а къ вечеру остаются только тѣ, кто не можетъ подняться съ койки. Все, что можетъ хоть какъ-нибудь плестись, ползти,—уходитъ изъ больницы, чтобы слушать 12 евангелій.

— Нешто я затѣмъ шелъ въ Святую Землю, чтобы на постели валяться?

— Тамъ „Страсти Господни“ начались, а я лежать буду?

Изъ больныхъ, которые могли хоть какъ-нибудь подняться съ постели, при мнѣ въ больницѣ остался только одинъ—съ переломленной ключицей.

Его удалось убѣдить, что ему опасно итти въ толпу.

Но бѣдняга неутѣшно рыдалъ, когда издали доносился печальный звонъ, отсчитывавшій число прочитанныхъ евангелій.

Все это, изнуренное, блѣдное, безсильное, поднимается на ноги и идетъ.

Вы можете наблюдать это торжество духа надъ слабымъ, немощнымъ тѣломъ.

Наблюдать на этихъ слабыхъ, обезсилѣвшихъ, голодныхъ, больныхъ, цѣлые ночи проводящихъ въ храмѣ, на ногахъ, въ молитвѣ, горячей и страстной.

Вы можете читать это торжество духа на этихъ блѣдныхъ, словно восковыхъ лицахъ, въ этихъ восторгомъ горящихъ глазахъ.

ГЛАВА XIX.

Туристы.

„Туристъ и Святая Земля". Это звучитъ такъ же странно, какъ:

— Любопытство и Голгоѳа.

Въ эту страну Искупленія, въ эту землю, орошенную человѣческой и Божественной кровью, приносить одно любопытство это значитъ приносить слишкомъ мало.

И гг. туристы являются сюда съ самыми странными цѣлями.

Это было года два тому назадъ. Къ достопочтенному отцу Льеведану, монаху францисканскаго ордена въ Іерусалимѣ, извѣстному ученому, изслѣдователю и знатоку Палестины, явилась пожилая высокопоставленная парижанка. Она покинула Сенъ-Жерменское предмѣстье и пріѣхала въ Палестину, чтобъ отыскать себѣ мѣсто въ Іосафатовой долинѣ на день Страшнаго суда.

— Скажите, достопочтенный отецъ, откуда слѣдуетъ считать правую сторону, отъ Сіона или отъ Элеонской горы?

— Но, сударыня, вы задаете такіе странные вопросы!

— Мнѣ это необходимо. Я нарочно пріѣхала, чтобъ выбрать себѣ мѣсто для дня страшнаго суда.

— Вы можете быть спокойны, сударыня. Въ этотъ день вы не заблудитесь и, навѣрное, попадете въ свое мѣсто! — съ улыбкой отвѣчалъ ей старикъ ученый.

Ничего не добившись отъ ученаго монаха, дама взяла себѣ проводниковъ-арабовъ, исходила всю Іосафатову долину и

уѣхала въ Парижъ, выбравъ мѣсто, куда она придетъ и станетъ въ послѣднiй день мiра.

Можетъ ли дальше итти дамская предусмотрительность?

Разсказъ, который показался бы мнѣ совершенно невѣроятнымъ, если бъ я не слышалъ его отъ лицъ, слова которыхъ не могутъ возбуждать недовѣрiя.

Не менѣе оригинальный фактъ передавалъ мнѣ завѣдующiй русскими постройками въ Iерусалимѣ, уважаемый Н. Г. Михайловъ.

Это было недавно. Является какой-то господинъ изъ Петербурга.

— Могу я имѣть номеръ, чтобы переночевать?

— То-есть, какъ: „переночевать?“ Вы, вѣроятно, останетесь нѣсколько дней въ Iерусалимѣ?

— Нѣтъ, я завтра утромъ съ поѣздомъ въ Яффу. Мнѣ некогда. Ѣду дальше.

— Вѣроятно, въ Сирiю или въ Египетъ?

— Нѣтъ, въ Монте-Карло.

Онъ прiѣхалъ въ Iерусалимъ помолиться о выигрышѣ.

— Это показалось бы мнѣ чудовищно-нелѣпымъ: по дорогѣ въ Монте - Карло, заѣзжать въ Iерусалимъ, — говорилъ мнѣ г. Михайловъ, — но это былъ не первый субъектъ въ такомъ родѣ.

— Неужели много находится такихъ оригиналовъ?

— За время, пока я здѣсь, было ужъ нѣсколько: ѣдутъ играть въ рулетку и заѣзжаютъ помолиться о выигрышѣ.

Большинство туристовъ, посѣщающихъ Святую Землю, это— „Кукъ-туристы“.

Господа, путешествующiе при помощи всемiрно-знаменитаго „покровителя путешествiй“ Кука.

Субъекты съ билетами, на которыхъ значится: „Вѣна, Iерусалимъ, Каиръ, Неаполь, Мадридъ, Парижъ, Лондонъ, Стокгольмъ“. И все въ теченiе мѣсяца!

Настоящiе типичные „топтатели вселенной“, какъ ихъ зовутъ американцы.

Люди, для которыхъ мiръ — это панорама, движущаяся съ такой быстротой, что они не успѣваютъ ничего разсмотрѣть.

Картина Іерусалима была бы неполна, если бы мы среди восторженно настроенныхъ паломниковъ, плачущихъ евреевъ, фанатиковъ-масульманъ не нарисовали группъ этихъ жалкихъ, несчастныхъ, загорѣлыхъ, запыленныхъ, измученныхъ туристовъ.

Въ бѣлыхъ тропическихъ костюмахъ, въ широкополыхъ пробковыхъ шляпахъ, съ огромными биноклями черезъ плечо, безпрестанно щелкающихъ затворами моментальныхъ фотографическихъ аппаратовъ.

Это надоѣдливое щелканье „поккетъ-Кодаковъ" слышится всюду: въ храмахъ, въ мечетяхъ, на площадкѣ передъ стѣной плача.

Эти господа являются всюду: гдѣ молятся, гдѣ плачуть, гдѣ не помнятъ себя въ религіозномъ экстазѣ.

Хотите ли вы полныхъ поэтическихъ или религіозныхъ впечатлѣній, — всю картину вамъ непремѣнно отравитъ группа этихъ злосчастныхъ туристовъ, съ неизбѣжнымъ проводникомъ арабомъ, въ красной курткѣ съ надписью на груди:

— T. Cook et C°.

Они портятъ впечатлѣніе, портятъ настроеніе своей удивительной безцеремонностью.

Они смѣются тамъ, гдѣ плачутъ, громко разговариваютъ тамъ, гдѣ молятся шепотомъ, и ходятъ въ шляпахъ въ христіанскихъ храмахъ.

Такъ странно было видѣть во время торжества священнаго огня въ храмѣ Воскресенія, на балконѣ греческаго консула,— гг. туристовъ со шляпами на головѣ.

Какой контрастъ между этими интеллигентными людьми и невѣжественными турецкими солдатами, съ величайшимъ почтеніемъ стоящими передъ святыней чуждой имъ религіи.

Чтобы нарисовать портретъ гг. туристовъ, слѣдуетъ добавить, что большинство изъ нихъ изо всѣхъ силъ... старается быть похожими на бедуиновъ.

Они одѣваются здѣсь въ „костюмъ страны": въ широкіе полосатые плащи, носятъ тюрбаны.

Это ужъ совсѣмъ дѣлаетъ ихъ жалкими, несчастными, смѣшными.

Нельзя себѣ представить болѣе злой каррикатуры на бедуина, чѣмъ этотъ худосочный, золотушный, получахоточный, засохшій туристъ въ широкой полосатой мантіи, въ огромномъ тюрбанѣ, обращающійся со своимъ кинжаломъ съ такой осторожностью, какъ будто кинжалъ заряженъ.

ГЛАВА XX.

Стѣна плача.

Пятница. Близится вечеръ.

Узкія улицы еврейскаго квартала, какъ хамелеонъ, мѣняютъ свой цвѣтъ.

Лавки запираются. Съ улицъ исчезаетъ печальная, темная толпа, одѣтая въ черное, коричневое.

Изъ домовъ выходятъ по праздничному одѣтые люди. Въ ихъ одеждѣ, въ яркости и пестротѣ цвѣтовъ сказываются дѣти Востока. Длинные бархатные халаты алаго, свѣтло-голубого, темно-синяго, ярко-зеленаго цвѣтовъ. Эти яркія одежды пестрѣютъ на перекресткахъ, у пороговъ домовъ, мало-по-малу заполняютъ все узенькое пространство между домами. И улицы Гетто, сумрачнаго и унылаго, вспыхиваютъ настоящимъ колоритомъ Востока. Въ эти часы среди уголковъ Востока еврейскій кварталъ самый яркій и пестрый.

Какой рѣзкій контрастъ между праздничными яркими одеждами, въ которыя наряжена эта толпа, и ея молчаніемъ, сосредоточеннымъ, печальнымъ.

Со старыми книгами въ рукахъ, идутъ эти люди, разодѣтые въ яркіе, пестрые платья, идутъ молча, сосредоточенно, направляясь всѣ въ одну сторону, къ юго-западной сторонѣ Харамъ-Эль-Шерифа, древняго Соломонова храма, къ „стѣнѣ плача“.

Среди этой молчаливой, пестрой толпы вы спускаетесь по улицамъ-лѣстницамъ ниже и ниже и останавливаетесь, пораженный тѣми странными звуками, которые доносятся до васъ.

По этимъ закоулкамъ разносятся звуки плача и причитаній. Словно гдѣ-то вблизи толпа плачетъ и причитаетъ по покойникѣ. Словно вотъ-вотъ изъ-за угла покажется вамъ на встрѣчу

похоронная процессія. Словно въ каждомъ домѣ здѣсь есть покойникъ, и изъ каждаго дома несутся плачъ, скорбныя причитанія и тихія жалобы. И эта разряженная толпа, молчаливо идущая по улицамъ, наполненнымъ звуками плача...

И вотъ вы на мѣстѣ этой вѣковой скорби.

Узенькій переулокъ между высокой старой желтой стѣной и какимъ-то строеніемъ.

Отъ этихъ камней, омытыхъ слезами столькихъ поколѣній, вѣетъ печалью, почти ужасомъ. Камни кажутся огромными саркофагами, поставленными другъ на друга. Свѣчи, горящія въ углубленіяхъ стѣны, между камнями, — эти свѣчи, горящія днемъ, съ ихъ блѣднымъ пламенемъ, кажутся погребальными свѣчами. Эта толпа, которая плачетъ, припавши къ старымъ камнямъ, цѣлуя ихъ, — вы смотрите со смущеніемъ, почти со страхомъ на старую стѣну.

Это все, что осталось отъ Іерусалима.

Громадныя каменныя глыбы, до 3 саженей длиною, словно какіе-то титаны соорудили циклопическую постройку; отъ этой стѣны вѣетъ несокрушимымъ могуществомъ. Все гибло и разрушалось кругомъ, а этотъ остатокъ старой стѣны стоялъ какъ несокрушимый мавзолей великаго прошлаго. Никакія нашествія, войска, орды завоевателей не сдвинули съ мѣста этихъ камней. Среди пламени и разрушенія она уцѣлѣла, эта стѣна, свидѣтельница такой славы, такого величія, такихъ ужасовъ. Стѣна, камни которой омыты слезами столькихъ поколѣній.

Старая желтая стѣна, золотистая въ лучахъ заходящаго солнца. Она кажется теперь золотой, величественной, царственной.

У ея ногъ рыдаетъ и стонетъ толпа, а она поднимается въ золотомъ блескѣ, какъ призракъ, грандіозный, величественный, суровый, неумолимый.

Эта стѣна, эти камни—это кусокъ кости, который остался въ старой могилѣ, гдѣ все истлѣло, все превратилось въ прахъ.

Около этой стѣны никогда не прекращается плачъ. Въ теченіе всего дня, въ любой часъ, вы увидите здѣсь нѣсколько человѣкъ, читающихъ молитвы, плачущихъ, цѣлующихъ камни.

Еврейская стѣна въ пятницу.

Въ судный день эта стѣна видитъ потрясающія сцены горя и отчаянія.

Каждый праздникъ, каждый вечеръ пятницы, начинается съ воспоминаній о ней, объ этой стѣнѣ, съ плача у ея камней.

Мы приходимъ къ ней въ пятницу на Страстной недѣлѣ, въ послѣдній вечеръ еврейскаго праздника Пасхи, передъ нами особенно сильная вспышка вѣкового горя.

Узенькая площадка передъ стѣной занята толпою женщинъ. Это ихъ часъ плача,—отъ 4 до 5.

Старыя, молодыя, покрывъ головы длинными покрывалами, онѣ припали къ стѣнѣ, оглашаютъ воздухъ всхлипываніями, рыданіями, стонами, причитаньями, полными горя.

Словно толпа матерей оплакиваетъ своихъ погибшихъ дѣтей.

Однѣ стоятъ у стѣны, цѣлуютъ ее и плачутъ, другія сидятъ на землѣ и рыдаютъ, охвативъ руками колѣни, третьи въ изнеможеніи лежатъ на землѣ, истерически вздрагивая плечами.

И вся эта толпа, слабая, уставшая отъ стоновъ и жалобъ, съ опухшими и покраснѣвшими отъ слезъ глазами, истерически рыдаетъ, стонетъ и бьется о камни у подножія желтой стѣны, величественной, грандіозной, золотистой въ лучахъ заходящаго солнца.

Все ближе и ближе закатъ. Женщины въ послѣдній разъ цѣлуютъ стѣну и удаляются медленной, обезсиленной походкой.

Ихъ мѣсто занимаютъ мужчины.

Рыданія, вопли, стоны, причитанья растутъ, становятся громче и громче, наполняютъ узенькій коридорчикъ передъ стѣной однимъ сплошнымъ стономъ, громкимъ, полнымъ скорби и ужаса.

Какая толпа!

Вы различаете евреевъ испанскихъ, русскихъ, австрійскихъ, турецкихъ, уроженцевъ Палестины и пришедшихъ сюда изъ далекихъ уголковъ земнаго шара.

Вотъ высокій, стройный юноша съ черными длинными пейсами, которые вьются по его вискамъ и еще больше оттѣняютъ матовую блѣдность его лица. На немъ длинный ярко-красный бархатный халатъ. Голова обернута алымъ, яркимъ

шелковымъ платкомъ. Широкая шапка, опушенная собольимъ мѣхомъ, сдвинута впередъ, нависла надо лбомъ. Отъ этихъ яркихъ цвѣтовъ костюма, отъ этого шелковаго платка, которымъ у него обвязана голова какъ у торреро, отъ этой манеры носить шляпу, вѣетъ Испаніей. Рядомъ съ нимъ широкій картузъ и длинный черный камзолъ русскаго еврея; высокіе чулки, туфли и бархатные длинные сюртуки австрійскихъ евреевъ, красные фесы евреевъ турецкихъ; большія, обшитыя лисьими хвостами шапки сефардиновъ и широкополыя черныя шляпы ашкиназимовъ.

Всѣ эти люди, говорящіе на разныхъ нарѣчіяхъ, сошлись здѣсь во имя одного горя — передъ этой стѣной, нѣмой для насъ, такъ много говорящей имъ на языкѣ, понятномъ каждому изъ нихъ. И они всѣ здѣсь говорятъ на одномъ, общечеловѣческомъ языкѣ,—на языкѣ слезъ.

Какая масса настроеній.

Отъ этого пышно одѣтаго юноши, немножко рисующагося своимъ благочестіемъ, до этого старика, притащившагося умирать въ Палестину и горько плачущаго, какъ будто онъ оплакиваетъ потерю единственнаго сына, отраду сердца, опору и прибѣжище въ старости.

Для однихъ этотъ плачъ у стѣны, которую они видятъ каждый день, превратился уже въ одинъ изъ обрядовъ, въ формальность,—и они повторяютъ слова молитвы, полныя скорби, съ тѣмъ спокойнымъ видомъ, съ какимъ человѣкъ передаетъ подробности своего горя, подробности, которыя онъ разсказывалъ уже сотни разъ. Другія видятъ стѣну, быть-можетъ, впервые и смотрятъ на нее почти съ ужасомъ.

Она кажется имъ почти живой, эта стѣна, которая плачетъ, по народному повѣрью, въ страшный судный день, день гнѣва Божьяго. Они приближаются со страхомъ къ этой стѣнѣ и цѣлуютъ эти камни, теплые отъ лучей солнца, какъ будто согрѣтые отъ поцѣлуевъ и слезъ.

Эта теплота камней, — словно живая стѣна отдаетъ поцѣлуи.

И они падаютъ на колѣни передъ старой стѣной, прижимаются губами къ ея гладкимъ камнямъ, блестящимъ и

скользкимъ отъ прикосновеній столькихъ поколѣній, отполированнымъ поцѣлуями.

Мало-по-малу эти стоны, этотъ плачъ, эти рыданья, причитанья, поцѣлуи, не оставляютъ спокойнымъ никого. Толпа заражаетъ каждаго экстазомъ горя и скорби. Стоны, вопли растутъ и растутъ, и сотни стариковъ, молодыхъ, истерически рыдаютъ, прижавшись къ стѣнѣ.

Ужасомъ вѣетъ эта толпа, рыдающая толпа, не дерзающая упомянуть имени Того, Кого она призываетъ такъ страстно, всѣмъ сердцемъ, у подножія старой стѣны.

Этотъ плачъ толпы, плачъ свѣжаго горя, крикъ отъ только-что нанесенной раны, словно исчезъ промежутокъ въ десятки вѣковъ, и страшное горе стряслось только вчера.

Эти истерическіе поцѣлуи, которые даются старой стѣнѣ. Такъ съ воплями, съ криками, осыпаютъ близкіе еще теплый трупъ дорогого покойника, въ смерть котораго они еще не вѣрятъ.

— Рухъ! Рухъ! — кричатъ проводники-арабы.

И цѣлые караваны маленькихъ осликовъ съ туристами, — кавалерами, дамами, — проходятъ среди плачущей толпы, по узенькой площадкѣ передъ стѣной.

Щелкаютъ затворы моментальныхъ фотографій, раздаются окрики, шутки, смѣхъ.

Любопытство и горе.

Все ближе и ближе закатъ. Червоннымъ золотомъ вспыхнула старая стѣна. Все громче и громче раздаются вопли и стоны сбившейся въ кучу, прижавшейся къ камнямъ толпы.

Какая величественная картина!

Сверкающая красновато-золотистымъ блескомъ стѣна, словно огромныя ворота, обитыя золотыми листами, ведущія въ волшебное царство, закрывшіяся передъ этой пестрой, яркой, празднично одѣтой толпой. И полная ужаса, отчаянія, толпа сбилась въ кучу у закрывшихся воротъ, рыдаетъ, стонетъ, бьется о камни, умоляя открыть ей золотыя ворота.

Поютъ. Среди рыданій, стоновъ и плача, раздается пѣснь сефардиновъ. Какъ всякое восточное пѣніе, эта пѣснь вначалѣ вамъ кажется нестройнымъ, дико звучащимъ хоромъ.

Прислушавшись, вы уловите мелодію, печальную, величественную, похожую на рыданія толпы.

И эта пѣснь звучитъ среди плача, съ аккомпаниментомъ стоновъ, несется среди рыданій.

— Опустошенъ великолѣпный дворецъ! — поетъ канторъ, а рыдающій хоръ отвѣчаетъ ему:

— И потому мы стоимъ здѣсь, одинокіе, и плачемъ.

— О храмѣ разрушенномъ одинокіе стоимъ мы и плачемъ.

— О стѣнахъ, поверженныхъ въ прахъ, мы стоимъ здѣсь и плачемъ.

— О величіи нашемъ минувшемъ, — мы стоимъ здѣсь и плачемъ.

— О людяхъ великихъ погибшихъ своихъ, — мы стоимъ здѣсь и плачемъ.

— О камняхъ драгоцѣнныхъ, превратившихся въ слезы, — плачемъ мы, одинокій народъ.

— Изъ-за грѣховъ, заблужденій первосвященниковъ нашихъ, — мы плачемъ.

— Изъ-за древнихъ царей, презрѣвшихъ Того, Чье Имя не дерзаетъ произнести языкъ нашъ...

— Мы стоимъ здѣсь одиноко и плачемъ! — вторитъ кантору рыдающій хоръ.

И мало-по-малу эта пѣснь отчаянія и скорби переходитъ въ страстную, горячую мольбу, которая несется здѣсь, среди рыданій и воплей, передъ этой золотомъ блещущей стѣной, въ розоватомъ свѣтѣ вечернихъ лучей.

— Молимъ, молимъ Тебя! Сжалься, о, сжалься, надъ Сіономъ! — съ захватывающей силой несется надъ толпой высокій теноръ кантора.

— Соедини дѣтей Іерусалима! — откликается хоръ.

— О, поспѣши, поспѣши, Освободитель Сіона! — поетъ канторъ.

— Скажи слово радости сердцу Іерусалима,— молитъ толпа.

— Да увѣнчаютъ Сіонъ красота и величіе!

— О, будь милосердъ къ Іерусалиму!

— Да возстановится скорѣй царство Сіона!

— О, утѣшь утѣшь тѣхъ, кто плачетъ по Іерусалимѣ! — рыдаетъ толпа.

— Миръ и счастье пусть вновь процвѣтутъ на Сіонѣ!

— И пусть вновь радостно подниметъ свои вѣтви плакучая ива Іерусалима!..

И этотъ крикъ страстной, горячей мольбы замираетъ среди стихающихъ воплей и стоновъ.

Вечерѣетъ.

Раздаются послѣдніе поцѣлуи стѣнѣ.

И усталая, изнемогшая отъ слезъ толпа медленно расходится отъ священной стѣны.

Гаснетъ день.

Въ послѣдній разъ красноватымъ дрожащимъ свѣтомъ вспыхиваетъ стѣна, словно вся охваченная пламенемъ, и меркнетъ.

Сумракъ наполняетъ узенькія улицы еврейскаго квартала, пустынныя, молчаливыя, нѣмыя.

Глава XXI.

Мечеть Омара.

Мы отдаемъ офицеру нашъ фирманъ, и черезъ огромныя темныя ворота, охраняемыя стражей, входимъ на эту площадь, господствующую надъ всѣмъ городомъ.

На это мѣсто, священное для христіанъ такъ же, какъ для мусульманъ, — для мусульманъ такъ же, какъ для евреевъ.

Это мѣсто всегда было ближе къ небесамъ, чѣмъ къ землѣ. Это возвышенное мѣсто, озолоченное лучами солнца, эта площадь, надъ которой безоблачное небо раскинуло свой голубой шатеръ — всегда было посвящено божеству и молитвѣ.

Здѣсь, на этой площади, залитой свѣтомъ солнца, вырѣзываясь на голубомъ небѣ своими стройными контурами, возвышался великолѣпный храмъ Соломона, изъ золота, мрамора и слоновой кости.

Здѣсь возвышался второй храмъ пышный и великолѣпный, въ которомъ молился и училъ Христосъ, откуда Онъ изгонялъ торгашей, и гдѣ Онъ простилъ грѣшницу.

Когда императоръ Адріанъ властной рукой вычеркнулъ изъ исторіи самое имя Іерусалима и городъ Сіона превратился въ Элію Капитолину — здѣсь вознеслись къ небу стройныя, изящныя колонны храма Юпитера Капитолійскаго.

Здѣсь сіяли золотые кресты храмовъ крестоносцевъ.

И здѣсь голубымъ блескомъ свѣтится великолѣпная мечеть Омара, вторая послѣ Каабы святыня мусульманскаго міра.

Здѣсь сохранилась память о Мельхиседекѣ,—таинственное имя, которое доносится до насъ изъ глубины и мрака доисторическихъ вѣковъ. Здѣсь этотъ священникъ Бога Вышняго приносилъ свои жертвы.

Здѣсь приносилъ свои жертвы Авраамъ, покорный слуга Господа.

Мусульманское преданіе говоритъ, что здѣсь легкой, дрожащей, голубоватой колонной поднимался къ небу дымъ отъ жертвъ Авеля. И здѣсь его, молящагося передъ жертвенникомъ, убилъ Каинъ.

На этомъ страшномъ мѣстѣ было совершено первое преступленіе и принесена первая жертва.

Когда вы входите сюда, тысячи таинственныхъ легендъ, преданій, сказаній, дремлющихъ здѣсь за каждымъ камнемъ, словно толпа вспугнутыхъ призраковъ прошлаго, окружаютъ васъ.

Эти обломки колоннъ, принадлежавшихъ, несомнѣнно, тому далекому времени, эти таинственные отпечатки ногъ на камняхъ, эти пещеры, эти скалы, — гдѣ-то здѣсь было мѣсто Святая Святыхъ,—все это наполняетъ вашу душу смущеніемъ, мистическимъ полу-ужасомъ.

Сопровождающій васъ мулла укажетъ вамъ на остатки старинныхъ колоннъ, вдѣланные въ храмъ Аллаха, и съ гордостью произнесетъ имя, которое звучитъ такъ волшебно:

— Соломонъ!

Это остатки Соломонова храма — остатки мраморныхъ витыхъ колоннъ, словно кольца перевившихся большихъ змѣй.

Мраморъ чудной работы, чуть-чуть желтоватый, кажущійся восковымъ, почти прозрачный. Онъ былъ чудно хорошъ, этотъ храмъ, легкій, воздушный, словно призракъ, словно облако, бѣлѣвшій на голубой эмали неба.

Съ этими вьющимися колоннами, воздушными, полу-прозрачными, вспыхивавшими золотистымъ блескомъ отъ лучей солнца, онъ долженъ былъ казаться сотканнымъ изъ дыма, поднимавшагося къ небу отъ сжигаемыхъ жертвъ.

Есть красивая мусульманская легенда о постройкѣ Соломонова храма.

Этотъ храмъ приснился Соломону во снѣ, въ волшебномъ снѣ, которые могли сниться только великолѣпнѣйшему изъ царей

Проснувшись, Соломонъ пересчиталъ свои богатства и разослалъ гонцовъ во всѣ концы міра.

Онъ самъ нарисовалъ храмъ, приснившійся ему въ великолѣпномъ снѣ, и приказалъ построить такой же.

Со всѣхъ концовъ міра потянулись корабли и караваны, нагруженные матеріалами для постройки волшебнаго храма.

Они свезли золото, серебро, горы яшмы, гранита, мрамора, порфира, агата, малахита, кедра, благовонныхъ деревьевъ, слоновой кости и драгоцѣнныхъ камней.

Десятки тысячъ искуснѣйшихъ каменщиковъ, собравшись со всѣхъ концовъ міра, принялись за работу.

И когда застучали, зазвенѣли по мрамору и граниту ихъ молотки, — Соломонъ сказалъ:

— Остановитесь!

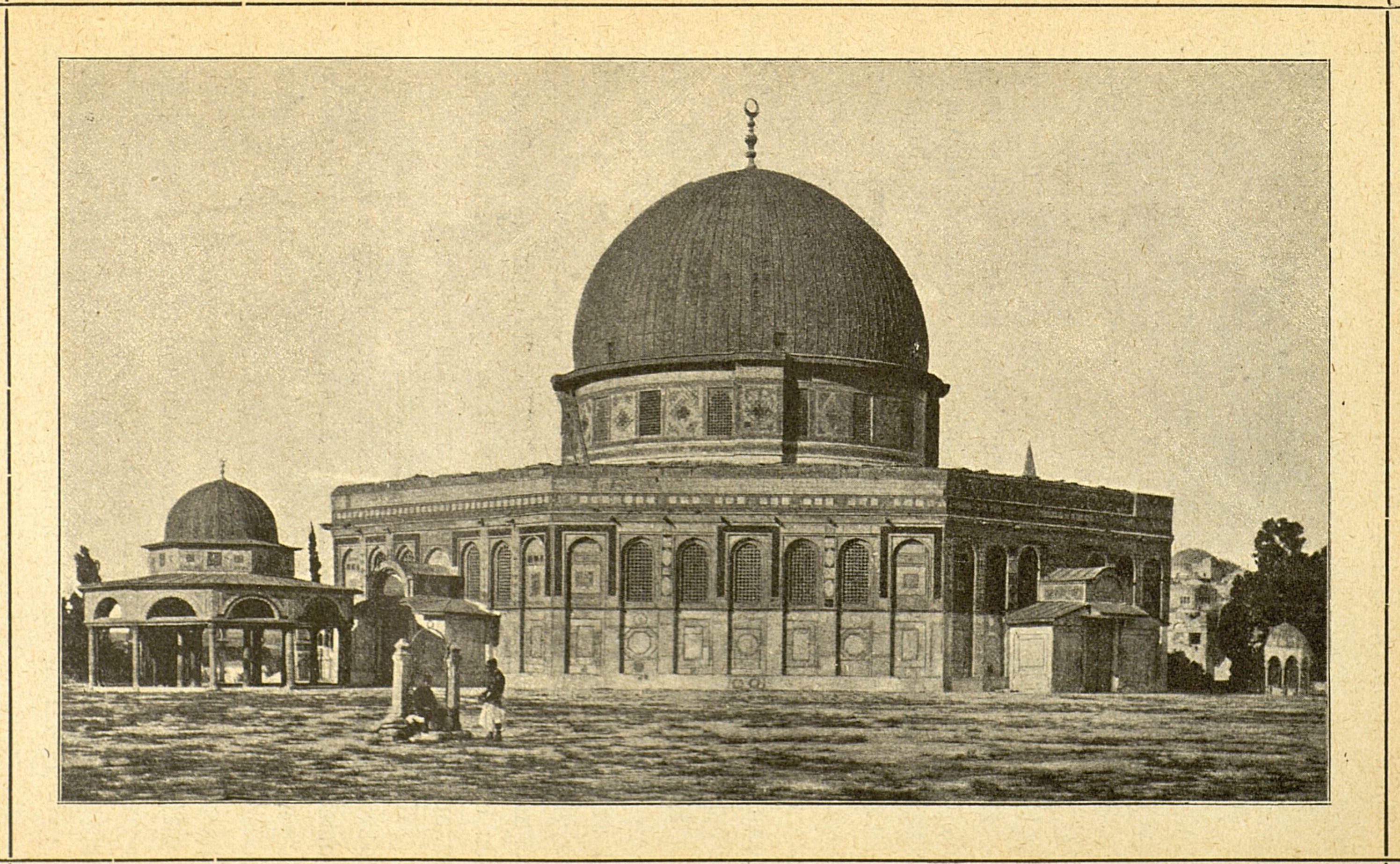
Онъ не хотѣлъ этого стука, наполнявшаго воздухъ, разносившагося по всей странѣ. Этотъ стукъ дѣлалъ постройку его храма похожей на постройку Вавилонской башни, когда люди среди стука не слышали и не понимали другъ друга.

Постройка должна была быть тихой, какъ молитва. И волшебный храмъ долженъ былъ строиться, подниматься къ небу среди благоговѣйной тишины.

Тогда Соломонъ обратился къ своему генію, и геній далъ ему камень, который рѣзалъ всѣ другіе камни, какъ стекло рѣжетъ алмазъ.

Этимъ камнемъ вырѣзывались безъ шума огромныя колонны. И волшебный храмъ выросталъ, воздвигался въ благоговѣйной тишинѣ, — тишинѣ молитвы.

И все выше и выше уносились въ голубое небо, въ священной тишинѣ стройныя колонны.



Общій видъ мечети Омара.

Такъ молился Царю Царей великолѣпнѣйшій изъ царей земли.

Затѣмъ пришелъ на землю другой калифъ, — „послѣдній изъ слугъ Аллаха“, величайшій изъ людей, — Омаръ.

Его душа, рожденная на небѣ, тосковала по далекой, голубой отчизнѣ. И онъ создалъ на землѣ уголокъ неба, свою голубую мечеть.

— Какой она должна быть? — спросили его, когда строили эту мечеть.

Онъ молча указалъ на голубое, ясное, безоблачное небо.

И когда она была готова и сіяла какъ клочекъ неба, по ней скользнули золотые лучи солнца и остались на голубыхъ стѣнахъ въ видѣ золотыхъ черточекъ стиховъ изъ Корана.

Такъ шепчетъ вамъ, очарованному, восхищенному, старая легенда, — легенда, приписывающая этой мечети полу-божественное происхожденіе, потому что трудно повѣрить, чтобъ рука человѣческая могла создать что-нибудь такое прекрасное, такое чарующее, такое божественное по своей красотѣ.

Какая чудная красота! Огромный, черный, тяжелый куполъ еще больше оттѣняетъ голубой свѣтъ фаянсовыхъ стѣнъ. И эти надписи изъ Корана, эти тонкіе зигзаги, эта золотая паутина, которой покрыты стѣны мечети, — кажутся лучами солнца, которые скользятъ по голубой фаянсовой эмали. Она вся свѣтится голубыми, золотистыми лучами мягкаго, ровнаго, тихаго, нѣжнаго свѣта, эта волшебная мечеть.

Какъ все это пережило столѣтія, сохранилось, какъ все это свѣжо. Какъ ярки и не потускнѣли всѣ краски. Словно мы еще живемъ въ великолѣпныя времена Омара, — и только вчера закончилась постройка чудной мечети. Въ ея цвѣтахъ, фаянсѣ, мозаикѣ, позолотѣ, чувствуется свѣжесть не засохшихъ еще красокъ.

Намъ подвязываютъ соломенныя туфли, — и съ величайшимъ почтеніемъ къ этому мѣсту, съ душой, переполненной чувствомъ красоты, мы входимъ въ нѣжно-зеленоватый полумракъ мечети.

Когда вы поднимаете вашу почтительно наклоненную при входѣ голову, — вы останавливаетесь, пораженный нѣжнымъ, слабымъ и зеленоватымъ свѣтомъ, которымъ свѣтятся стѣны,

Входъ въ мечеть Омара и водоемъ.

въ которомъ тонетъ вся мечеть. Это похоже на сонъ, на сказку. Этотъ фантастическій свѣтъ, блѣдно-зеленый, который льется отъ этихъ стѣнъ.

Огромныя, темныя, кажущіяся черными въ сумракѣ колонны отдѣляютъ портикъ, идущій вокругъ мечети.

Стѣны портиковъ кажутся завѣшенными гобеленами, съ вытканными на нихъ огромными цвѣтами, уже потерявшими свою свѣжесть, вянущими, умирающими. Всѣ стѣны кажутся обвѣшенными гирляндами этихъ вянущихъ, умирающихъ цвѣтовъ. Всѣ стѣны, завѣшенныя старыми зелеными гобеленами, потерявшими свою яркость и блескъ, отъ времени поблекшими, полинявшими, свѣтящимися золотистымъ отблескомъ.

Это мозаики.

Мозаики цвѣта блѣднаго, блѣднаго изумруда, покрытыя тонкими, золотыми царапинами таинственныхъ буквъ. Здѣсь написанъ весь Коранъ.

Этими надписями покрыты всѣ стѣны. Всѣ стѣны свѣтятся золотистымъ свѣтомъ, тихимъ и нѣжнымъ.

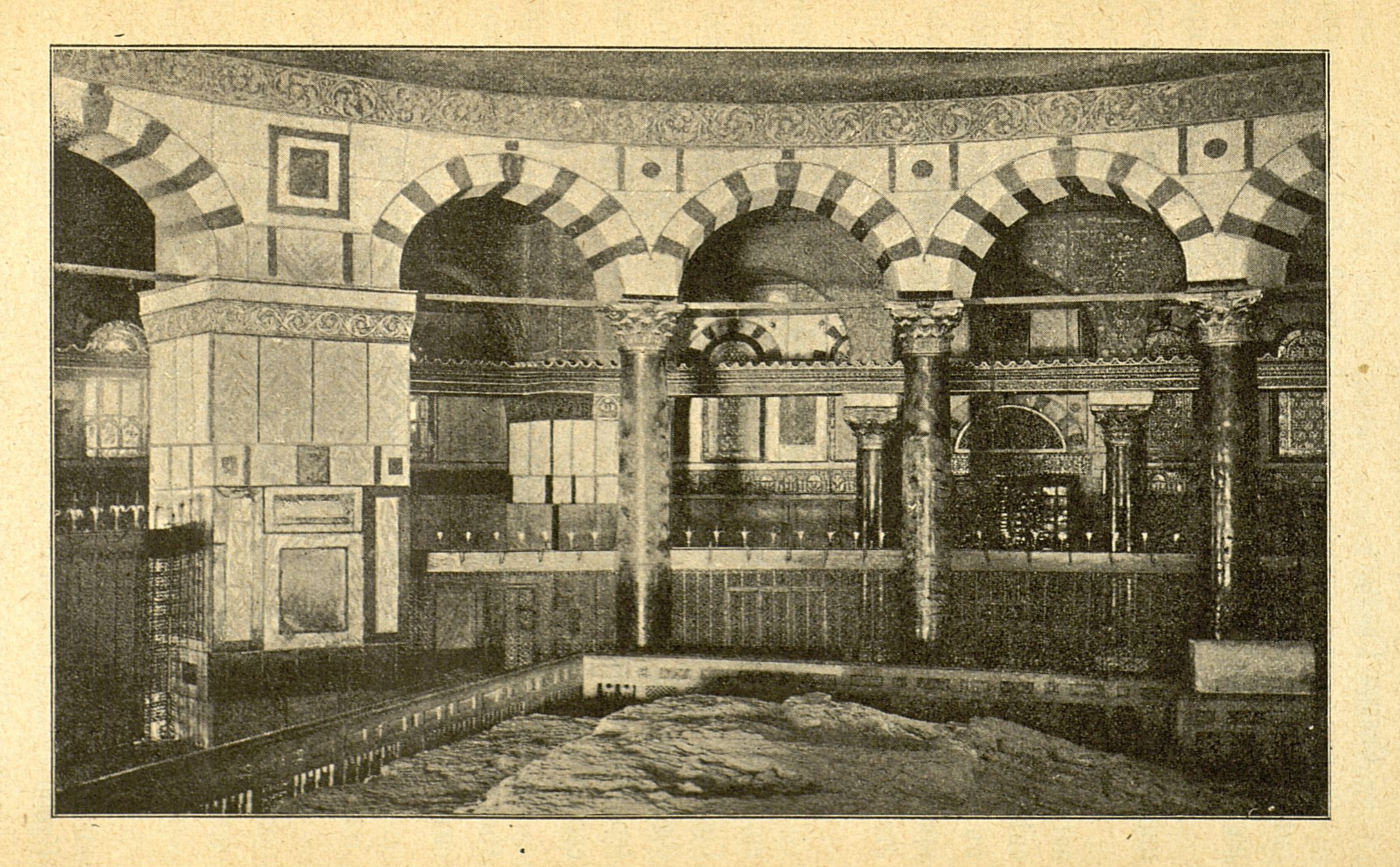
На этомъ фонѣ стѣнъ, блѣдно-зеленомъ, освѣщенномъ золотистымъ сіяніемъ, — словно огромные щиты, пестрые, яркіе, украшенные горящими драгоцѣнными камнями, сверкаютъ, блещутъ, сіяютъ круглыя окна.

Осьмигранныя разноцвѣтныя стекла, необыкновенно яркія, вставленныя въ ихъ узорныя рамы, кажутся драгоцѣнными камнями необычайной величины, горятъ кровавымъ блескомъ рубиновъ, темно-синимъ огнемъ сапфировъ, сіяютъ какъ изумруды, какъ гранаты, смарагды.

Эти огромные щиты изъ драгоцѣнныхъ камней сверкаютъ и блещутъ на блѣдно-зеленыхъ, потускнѣвшихъ гобеленахъ, свѣтящихся тихимъ золотистымъ отблескомъ.

Они наполняютъ оргіей кровавыхъ, ярко-синихъ, желтыхъ, оранжевыхъ лучей этотъ сумракъ, этотъ трепетный полусвѣтъ, зеленоватый и золотистый отъ отблеска стѣнъ.

Мы стоимъ въ этомъ пестромъ сумракѣ портика, въ этомъ фантастическомъ, сказачномъ полу-свѣтѣ, полу-535мракѣ, въ которомъ дрожатъ, борятся, сливаются, исчезаютъ разноцвѣтные лучи, — и мулла, приложивъ руку къ сердцу, склонивъ голову,



Внутренность мечети Омара. Священная скала.

указываетъ намъ жестомъ, полнымъ благоговѣнія и красоты, на высокую рѣшетку, ограждающую средину храма:

— Святая Святыхъ.

Сверху, изъ купола, льется блѣдный, блѣдный дневной свѣтъ, и освѣщаетъ что-то скрытое двумя таинственными рѣшетками посреди храма.

— Одна молитва здѣсь значитъ больше, чѣмъ тысячи произнесенныхъ въ другомъ мѣстѣ!—благоговѣйно говоритъ мулла.

Мы подходимъ къ высокой рѣшеткѣ, поднимаемся, чтобы заглянуть туда, и при блѣдномъ мерцаніи падающаго сверху свѣта передъ нами большая, сѣрая, голая, дикая скала. Словно въ могучемъ порывѣ къ небу, она приподнялась съ одного края. Она кажется грудой пепла отъ жертвъ, сожженныхъ здѣсь, эта таинственная скала посреди храма.

Это вершина Моріа.

Здѣсь Мельхиседекъ, таинственный служитель неба, приносилъ жертвы Богу Вышнему. Здѣсь Авраамъ, послушный слуга Господа, поднялъ ножъ, чтобы принести въ жертву Исаака. Здѣсь стоялъ ангелъ съ пылающимъ мечемъ, обращеннымъ къ Іерусалиму, ангелъ казни, когда его увидалъ Давидъ съ кровли своего дворца.

На этой скалѣ, по преданью, было начертано Таинственное Имя, То Имя,—Имя Бога, которое было запрещено произносить евреямъ.

Эта скала, по мусульманскому преданію, виситъ надъ бездной.

— Это скала Аллаха. Здѣсь утвердитъ Онъ Свой тронъ, когда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Въ тотъ страшный день, когда зазвучитъ послѣдняя труба. Тогда перенесется изъ Мекки сюда священный камень Каабы, камень, упавшій съ неба, послужившій краеугольнымъ камнемъ для перваго храма въ мірѣ, храма въ Меккѣ, построеннаго Авраамомъ. Кусокъ бѣлоснѣжнаго мрамора, ставшій чернымъ отъ поцѣлуевъ грѣшныхъ устъ. Въ тотъ страшный день, въ тотъ часъ ужаса здѣсь возсядетъ Аллахъ судить живыхъ и мертвыхъ, — на этомъ краеугольномъ камнѣ земли.

И глаза муллы разгораются все ярче и ярче.

— Здѣсь, около этого камня, молился Пророкъ въ ту ночь чудесъ, про которую говоритъ книга Суръ: „Слава Тому, Кто пожелалъ открыть слугѣ Своему чудеса міра. Слава Тому, Кто ночью перенесъ слугу Своего изъ храма Мекки въ далекій Святой храмъ, — мы благословляемъ святыню, наполняющую этотъ храмъ!“ Здѣсь молился Пророкъ. Здѣсь онъ вознесся на небо. Вознесся послѣ горячей и страстной молитвы Аллаху, на бѣломъ, крылатомъ конѣ. И скала стала возносится съ нимъ. Но стоявшій тутъ архангелъ Гавріилъ удержалъ ее своей десницей и остановилъ скалу. Вотъ, смотрите.

Мулла подводитъ насъ къ этому мѣсту скалы.

— Смотрите; слѣды руки архангела.

Словно пальцы чьей-то могучей, огромной руки врѣзались въ камень.

— Здѣсь хранятся наши святыни.

Мулла подводитъ насъ къ сокровищницѣ, стоящей на возвышеніи у рѣшетки скалы, къ огромной темной урнѣ.

— Здѣсь хранятся волосы изъ бороды Пророка. Взгляните на эту баллюстраду. Вы видите темные свитки. Это древнѣйшій въ мірѣ Коранъ. Эти свитки развернутся въ часъ страшнаго суда предъ ужаснувшимся міромъ, — и прочтутъ объятые смятеньемъ люди тѣ заповѣди, которыхъ они не соблюдали. Здѣсь, передъ трономъ Аллаха, молился и повергался во прахъ смиренный слуга Его.

Мулла подводитъ насъ къ маленькому золотому балдахину, осѣняющему темный камень съ отпечаткомъ человѣческой стопы.

— Вотъ отпечатокъ праведной стопы Пророка. Здѣсь молился онъ. Здѣсь смиренно молимся мы, потому что Пророкъ сказалъ намъ: „храмъ Іерусалима второй послѣ храма Каабы“. Здѣсь молимся мы, предъ престоломъ Аллаха, потому что близокъ, близокъ часъ суда и гнѣва...

Онъ становится на колѣни и показываетъ намъ въ полу, около того мѣста, гдѣ молился предъ скалой Магометъ, черный камень, весь изрытый, словно въ него вбивали гвозди.

— Здѣсь, въ этотъ камень, Магометъ вбилъ 32 золотыхъ гвоздя. Время отъ времени они изчезаютъ одинъ за другимъ. Вы видите ихъ отверстія. Когда исчезнетъ послѣдній, —

настанетъ конецъ міра, придетъ часъ суда и казни. Все существованіе міра зависитъ отъ этихъ гвоздей.

И онъ съ ужасомъ показываетъ намъ этотъ черный камень.

Однажды, — говоритъ мусульманская легенда, — дьяволъ ночью пробрался въ храмъ, чтобы вытащить золотые гвозди, которыми скрѣпленъ ветхій міръ. Онъ вытащилъ уже 28 гвоздей. Но въ это время появился архангелъ Гавріилъ. Гвоздь, который вытаскивалъ дьяволъ, сломался у него въ рукахъ. И съ тѣхъ поръ въ страшномъ черномъ камнѣ осталось еще три съ половиной гвоздя.

— Близокъ, близокъ часъ страшнаго суда.

Мы спускаемся въ пещеру подъ скалой, темную, освѣщенную трепетнымъ свѣтомъ лампады.

Здѣсь молились Мельхиседекъ и Авраамъ, и Пророкъ. Вы видите здѣсь въ потолкѣ, въ сводѣ пещеры, чернѣетъ углубленіе. Это углубленіе отъ головы Пророка, когда онъ поднялся здѣсь, чтобы повергнуться въ послѣдній разъ предъ Аллахомъ за грѣхи всего міра.

Мулла ударяетъ палкой въ дно пещеры. Оттуда доносится звукъ пустоты, печальный и жуткій.

— Здѣсь бездна.

„Колодецъ душъ“, — по мусульманскому повѣрью. Темная бездна въ срединѣ земли. Туда опускается душа всякаго человѣка. И тамъ во мракѣ слетаются души, полныя печали, два раза въ недѣлю, чтобы молиться Аллаху.

— Эта скала виситъ надъ бездной. Вы слышите голосъ бездны?

Онъ стучитъ палкой, и звуки пустоты гулко и страшно отдаются подъ сводами пещеры.

— Это средина земли. Тамъ ничего нѣтъ, въ срединѣ этого маленькаго, жалкаго, ничтожнаго міра, похожаго на пустой орѣхъ.

Мы выходимъ изъ пещеры снова въ блѣдно-зеленоватую мечеть, съ ея мозаиками, похожими на гобелены, окнами, горящими какъ украшенные драгоцѣнными камнями щиты, таинственной и страшной сѣрой скалой, освѣщенной блѣднымъ свѣтомъ и золотистымъ отблескомъ стѣнъ, — словно

золотистый таинственный свѣтъ несется отъ скалы къ этимъ стѣнамъ.

Мы оставляемъ мечеть и выходимъ на площадь храма.

Къ нашему муллѣ подбѣгаетъ другой и, изъ-за нѣсколькихъ меджидовъ, данныхъ нами, начинается бѣшеная ссора.

Подбѣжавшій мулла требуетъ половины, потому что сегодня — его день. Это онъ долженъ показывать мечеть иностранцамъ. Нашъ проводникъ не согласенъ на дѣлежъ.

И взбѣшенные, озлобленные, они кидаются другъ на друга у самыхъ дверей этой великолѣпной голубой мечети, ихъ величайшей святыни.

Они осыпаютъ другъ друга ругательствами, показываютъ другъ другу языкъ, какъ разозлившіяся дѣти, сжимаютъ кулаки.

Готовы вцѣпиться другъ въ друга на этой площади, на мѣстѣ этого храма, изъ котораго нѣкогда были изгнаны торгующіе святыней.

Глава XXII.

На мѣстѣ Соломонова храма.

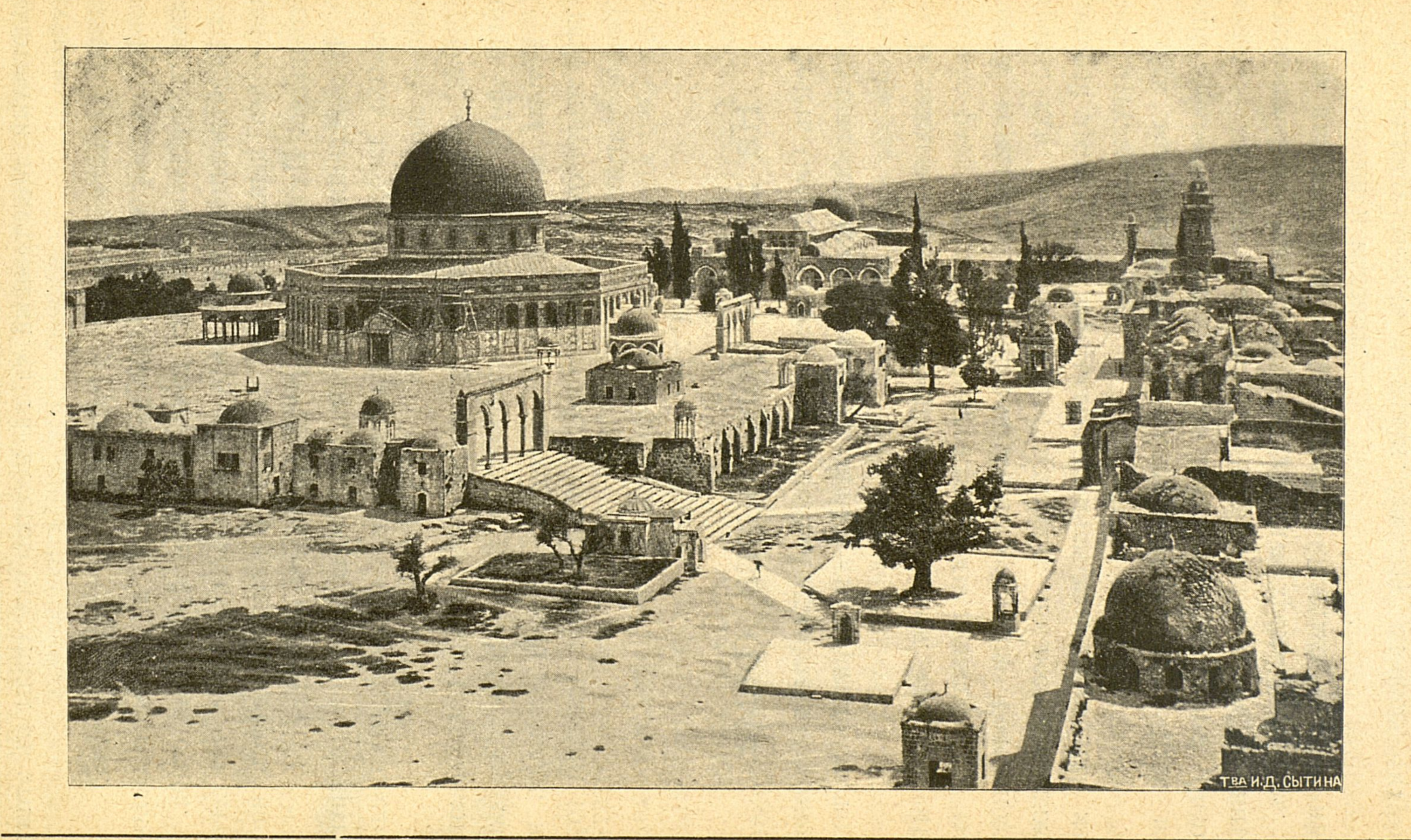
Мечеть Омара, — этотъ храмъ, полный красоты и гармоніи, эта чудная симфонія красокъ и линій, — неудержимо влечетъ къ себѣ.

И каждый, путешествующій по Палестинѣ, конечно, нѣсколько разъ посѣтитъ залитую солнцемъ площадь, на которой возвышался несравненный по роскоши Соломоновъ храмъ, гдѣ былъ дорогой для христіанъ по воспоминаніямъ „второй храмъ“, гдѣ теперь возвышается самая красивая мечеть мусульманскаго міра.

Отъ великолѣпія временъ „великолѣпнѣйшаго царя въ мірѣ“, — остались только такъ-называемыя „конюшни Соломона“, — лабиринтъ съ безконечнымъ количествомъ колоннъ, расположенный подъ площадью, гдѣ были храмъ и дворецъ.

Отъ второго храма уцѣлѣло мѣсто Золотыхъ воротъ, нѣсколько камней и колоннъ.

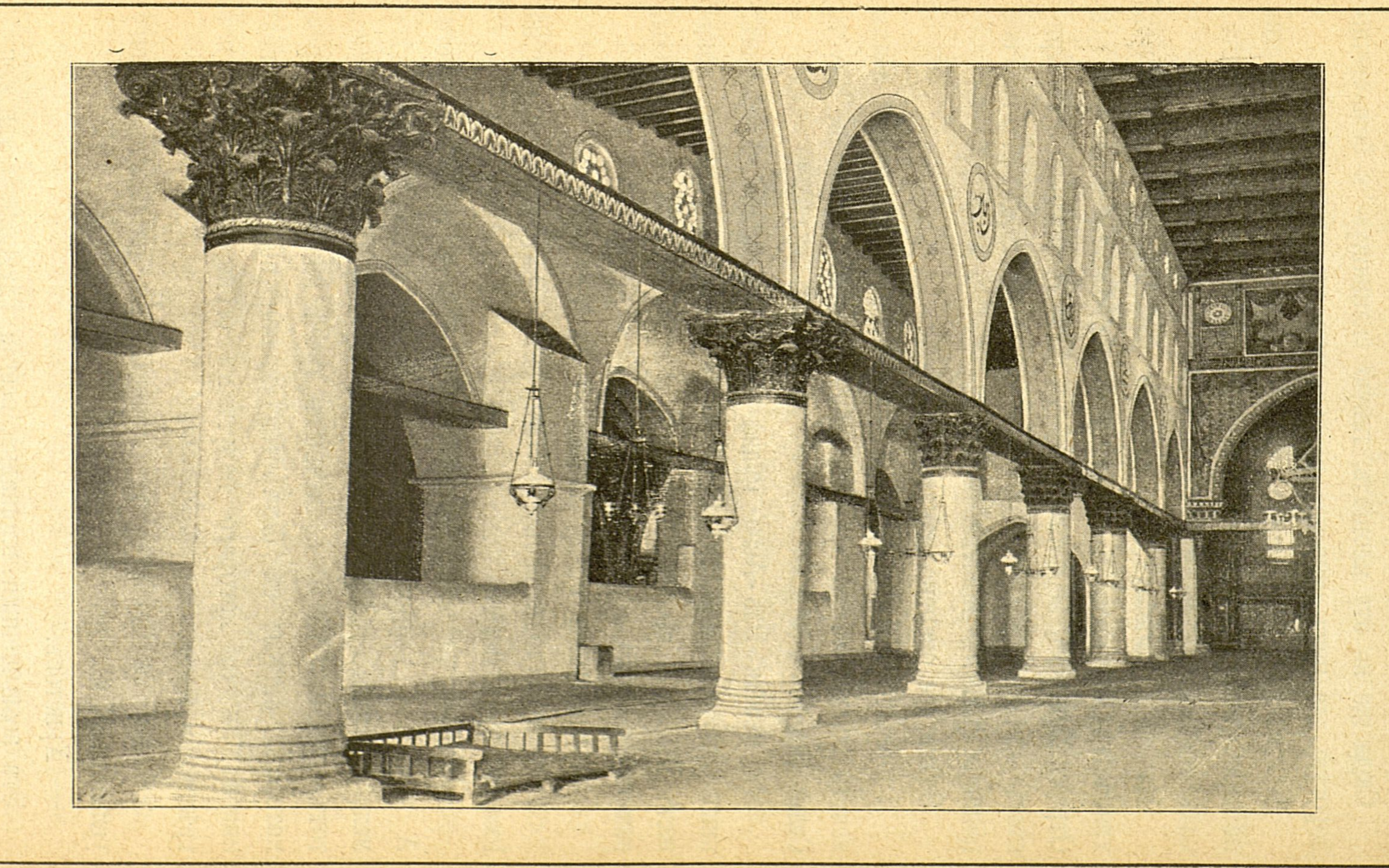
Въ пятницу передъ вечеромъ, на эту площадь, тихую, какъ кладбище, доносится плачъ.



Мѣсто гдѣ былъ Соломоновъ храмъ.

На площади гдѣ былъ Соломоновъ храмъ.

Мечеть Эль-Акса.



Мечеть Эль-Акса внутренній видъ.

Это плачутъ евреи внизу у древней стѣны, примыкающей къ стѣнамъ, окружающимъ мѣсто древняго храма.

Сюда же на эту площадь, такую священную и безконечно дорогую для нихъ, никогда не заходитъ ни одинъ еврей.

Неизвѣстно, гдѣ именно находилась Святая Святыхъ, и они не приходятъ сюда, боясь коснуться ногой священнаго мѣста, на которомъ стоялъ Ковчегъ Завѣта.

На этой площади, на которой возвышался храмъ, тотъ храмъ, гдѣ принялъ на руки Младенца-Христа Симеонъ, гдѣ Отрокъ-Христосъ бесѣдовалъ съ учеными о писаніи, гдѣ Христосъ проповѣдывалъ, гдѣ Онъ изгонялъ торгующихъ,—все полно и понынѣ памятью о Христѣ.

Здѣсь все озарено памятью о Немъ.

Узорныя золотыя надписи изъ Корана на голубой эмали мечети Омара—стихи изъ Корана, говорящіе о Мессіи, Іисусѣ, Сынѣ Маріи.

Въ мечети Эль-Аска мулла съ величайшимъ почтеніемъ, какъ одну изъ священнѣйшихъ для мусульманъ реликвій, покажетъ вамъ въ мраморной нишѣ, озаренной свѣтомъ лампады, камень съ отпечаткомъ легкой красивой стопы.

— Отпечатокъ стопы Христа!—укажетъ онъ.

Онъ приведетъ васъ къ окну въ стѣнѣ, выходящему на Іосафатову долину.

— Здѣсь въ день страшнаго суда будетъ тронъ Магомета. А тамъ, на вершинѣ Елеонской горы, тронъ Мессіи. Здѣсь между этими двумя праведными тронами будетъ лежать тотъ скованный изъ солнечныхъ лучей кинжалъ, по острею котораго ангелы съ быстротой молніи перенесутъ праведниковъ, и съ котораго падутъ въ огонь неугасающій всѣ грѣшники земли.

Обходя съ муллой эту площадь, вы на каждомъ шагу услышите Имя:

— Христосъ.

Эта возвышенная площадка, всегда служившая для поклоненія Богу, залита лучами Его славы. И память о Немъ сохранилась здѣсь, какъ тихій лучъ заката долго еще дрожитъ на вершинѣ горы.

ГЛАВА XXIII.

Долина страшнаго суда.

Ночь грезила далекими мiрами. И надъ заснувшей землей просыпались брилліантовые сны—тамъ, въ темно-синемъ небѣ, таинственномъ, далекомъ.

Это была тихая, тихая весенняя ночь, когда я поднимался на Елеонскую гору, въ черный сумракъ ея оливковыхъ рощъ, сумракъ, полный грезъ, полный сновъ, полный тихаго шелеста, таинственнаго, какъ шепотъ просыпающихся, неясныхъ воспоминаній.

Все было такъ темно, такъ черно кругомъ.

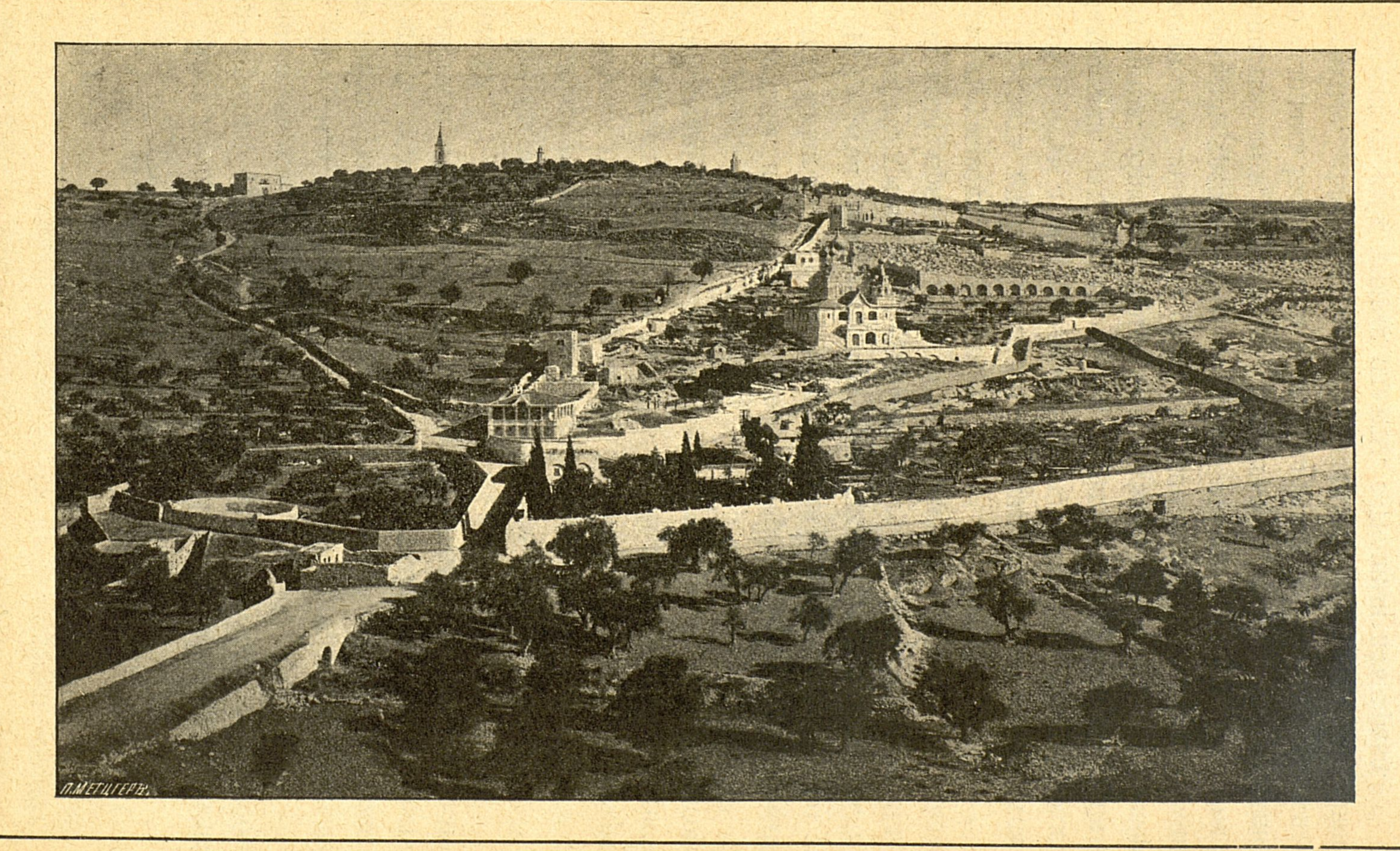
Словно мiръ не существовалъ болѣе.

Черная пропасть, бездонная, безконечная, нѣмая, простиралась кругомъ, и я стоялъ надъ ней, одинъ на сѣромъ утесѣ, одинъ, полный страха, полный смутнаго ужаса, просыпавшагося въ душѣ.

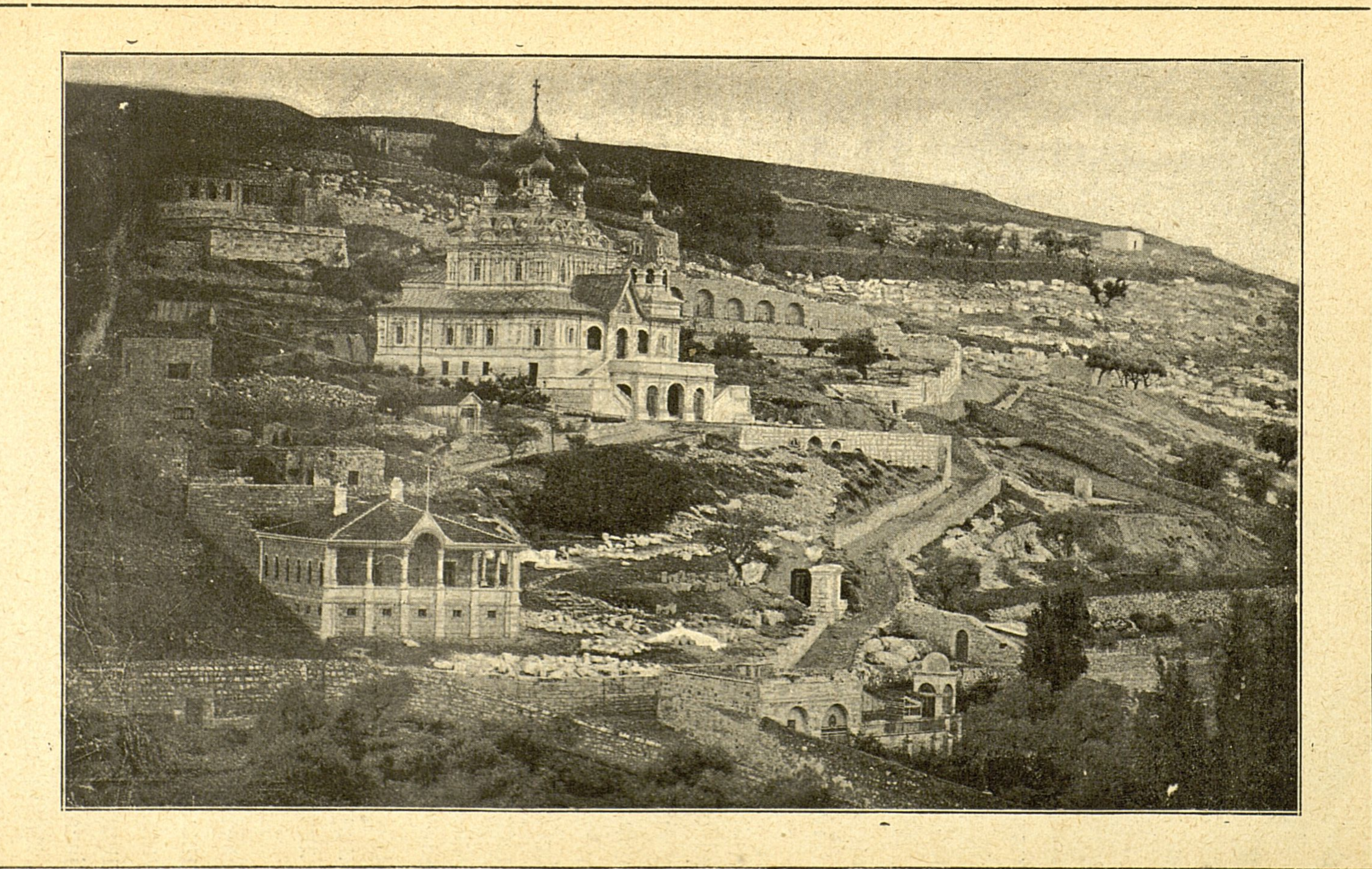
Долины, которую я только что перешелъ, не существовало болѣе. Вмѣсто нея зіяла черная молчаливая пропасть, и по ту сторону этой пропасти, при трепетномъ мерцаніи звѣздъ, въ ихъ свѣтѣ, дрожащемъ, сумрачномъ, таинственномъ, поднимался бѣловатый призракъ, неясный, огромный, отъ котораго вѣяло нѣмымъ ужасомъ,—Іерусалимъ.

Но вотъ темно-синее небо вспыхнуло голубоватымъ свѣтомъ Первый лучъ луны, блѣдный, дрожащій, скользнулъ по горамъ. Задрожали, затрепетали въ его свѣтѣ вершины горъ, дикія и страшныя. Яркимъ серпомъ загорѣлась луна, золотая, сверкающая, и полился ея свѣтъ, холодный, яркій, синеватый, таинственный, трепетный. И въ этомъ свѣтѣ, яркомъ, синеватомъ, таинственномъ, трепетномъ, какъ толпы призраковъ поднялись по склонамъ Іосафатовой долины надгробные памятники, бѣлые, синеватые, сѣрые, и бросили длинныя черныя тѣни, словно сбросили съ себя черныя одежды, сотканныя изъ мрака.

И вотъ она передо мной, эта долина — кладбище, полная безконечной печали, залитая голубымъ фосфорическимъ



Гора Елеонская или Масличная.



Русская церковь св. Маріи Магдалины въ Геѳсиманіи.

свѣтомъ, наполненная призраками, вставшими при трепетномъ свѣтѣ луны.

И на вершинахъ темныхъ горъ молча поднялся надъ нею городъ, облитый голубоватымъ, мертвеннымъ свѣтомъ. Городъ, похожій теперь, въ этомъ нѣмомъ молчаніи ночи, при этомъ блѣдномъ свѣтѣ, на огромное кладбище.

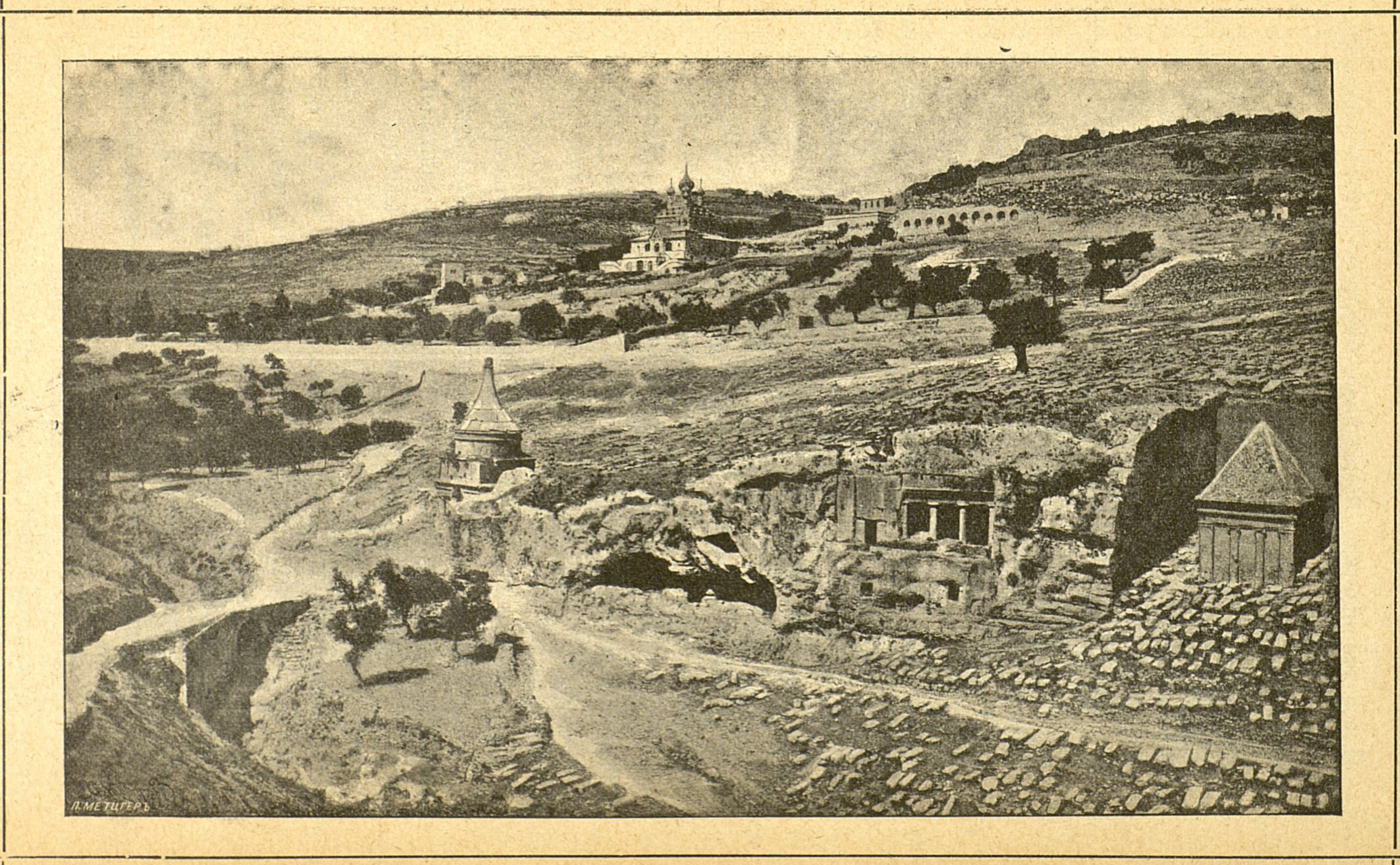
На кладбище, гдѣ похоронено столько страшнаго, ужаснаго, святого. Эти дома, съ ихъ маленькими куполами, толпящіеся другъ къ другу,—они похожи теперь на синевато-бѣлые молчаливые надгробные памятники. Огромные куполы храмовъ, мечетей, синагогъ кажутся огромными мавзолеями, воздвигнутыми надъ великими могилами.

И эта густая толпа призраковъ, блѣдныхъ, холодныхъ спускается по склонамъ горъ къ долинѣ.

Къ этой долинѣ печали.

Все выше и выше поднимается луна. Мѣняется направленіе черныхъ тѣней по бѣлымъ крышамъ домовъ. И вамъ кажется, что эта толпа призраковъ медленно идетъ, движется, спускается по склонамъ горъ. Движутся громады храмовъ, подъ огромными темными куполами. Движутся, пугливо прижавшись другъ къ другу, маленькіе призраки-дома. Идутъ высокія, бѣлыя привидѣнья — минареты, словно молчаливые стражи. Таинственнымъ блескомъ свѣтятся направо вдали золотые куполы русскаго собора, словно шлемы таинственнаго войска, сопровождающаго печальное и страшное шествіе. Одиноко вырѣзывается на темномъ небѣ, среди сіянія звѣздъ, высокій бѣлый призракъ минарета Россель, замыкая шествіе, возвышаясь надъ нимъ, оглядывая его печально, величаво, торжественно.

И впереди всего шествія движется царственный призракъ мечети Омара, весь голубой, въ затканной золотомъ одеждѣ, одинъ на огромной площади, теперь бѣлой при свѣтѣ луны. Въ отдаленьи за нимъ слѣдуютъ его тѣлохранители, его одинокіе кипарисы, словно высокіе черные рыцари, завернувшіеся въ свои плащи. Движется передъ нимъ старая стѣна, блѣдная при лунномъ свѣтѣ, и словно глаза, потемнѣвшіе отъ страха, глядятъ на Іосафатову долину два черныхъ окна высокихъ Золотыхъ воротъ.



Іосафатова долина.—Видъ со стороны Іерусалима.—Долина Страшнаго Суда.

И все это шествіе, безмолвное, блѣдное, свѣтящееся голубоватымъ свѣтомъ, спускается по склонамъ горъ, сюда, въ эту долину послѣдняго, страшнаго суда.

Въ эту долину, отъ которой вѣетъ такимъ ужасомъ.

Въ эту долину, которую преданія христіанъ, евреевъ, магометанъ называютъ долиной послѣдняго правосудія.

Это здѣсь — это черезъ эту долину будетъ перекинутъ дрожащій, трепещущій мостъ изъ тонкой бумаги, передъ которымъ въ нѣмомъ ужасѣ остановится избранный народъ. И оттуда, съ потемнѣвшаго неба, среди громовъ и молній раздастся голосъ, страшный, какъ вѣчное проклятіе:

— Иди!

И съ воплями, и со стонами устремятся они, послушные страшному голосу, на этотъ дрожащій въ воздухѣ мостъ, ожидая гибели. И перейдетъ по нему изстрадавшійся народъ въ царство свѣта и вѣчнаго покоя.

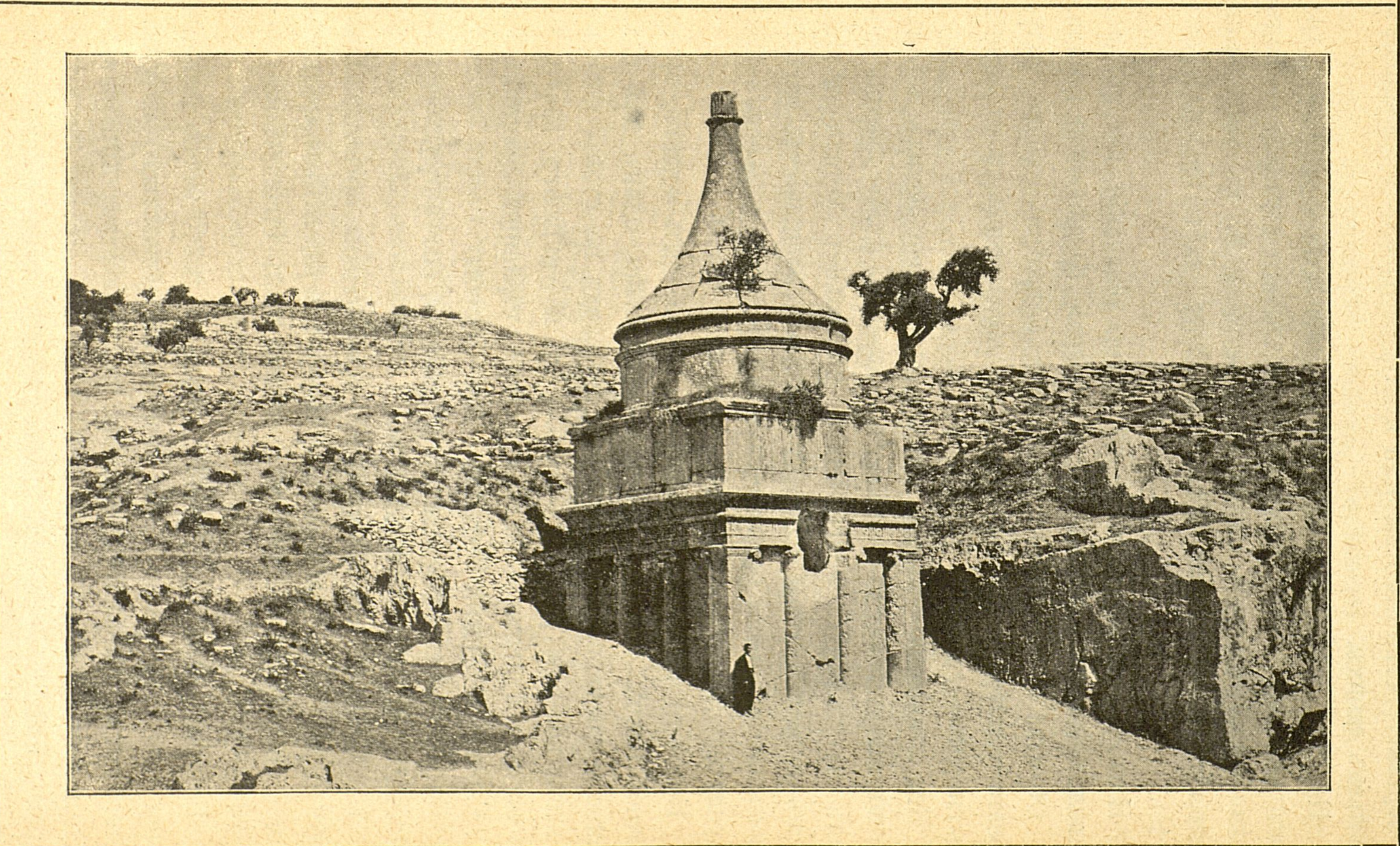
Это здѣсь, надъ этой долиной, скованный изъ лучей солнца, отточенный, острый, блистающій ослѣпительнымъ блескомъ, протянется огромный кинжалъ. На этихъ горахъ будутъ лежать его рукоять и конецъ. Эта долина загорится адскимъ огнемъ, въ тотъ часъ, когда Магометъ на вершинѣ Моріа, подъ куполомъ мечети Омара, падетъ на колѣни, простирая свои руки къ великому Аллаху:

— Милосердый! Пощади свой правовѣрный народъ!

Съ ласковымъ вѣяніемъ весенняго вѣтерка, въ ароматѣ цвѣтовъ, среди голубоватаго дыма благовонныхъ кадильницъ донесутся тихія звуки лютенъ, тамбуриновъ, пѣсенъ, отзвуки свѣтлаго, веселаго рая.

Со страхомъ, смиренно сложивъ на груди руки и опустивъ головы въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, пойдутъ правовѣрные слуги Аллаха по острею кинжала, скованнаго изъ золотыхъ лучей солнца, надъ огненной рѣкой, бушующей внизу. И праведные пройдутъ по острею кинжала въ царство вѣчной молодости, любви и веселья. А тѣ, кто не соблюдалъ заповѣдей Пророка, оступятся, и ихъ поглотитъ огненная рѣка.

Это здѣсь, въ тотъ страшный часъ, когда прозвучитъ труба архангела, блѣдные и дрожащіе встанутъ живые



Памятникъ Авесалома въ Іосафатовой долинѣ.

и мертвые, тѣ, кто любилъ и кто ненавидѣлъ младшихъ братьевъ своихъ.

И здѣсь, этотъ бѣдный, изстрадавшійся міръ услышитъ голосъ правды: и тѣ, кто мучилъ и тѣ, кто страдалъ — надъ всѣми свершится судъ, послѣдній и страшный, въ тотъ часъ смятенія, въ тотъ часъ ужаса, въ тотъ часъ правды, — это здѣсь.

И вотъ она передо мной, эта долина ожиданія, эта долина, наполненная костями, эта долина, полная безконечной печали.

Облитая послѣдними, дрожащими блѣдными лучами голубоватаго свѣта, съ ея памятниками, какъ призраки стоящими по склонамъ.

Эти памятники—бѣлыя лежащія плиты еврейскихъ могилъ, и поднимающіеся въ ногахъ и головахъ бѣлые камни могилъ мусульманъ. Словно толпы призраковъ устали ждать. И въ то время, когда одни, истомленные ожиданіемъ, заснули сномъ покоя, другіе приподнялись, съ тревогой и ужасомъ прислушиваясь къ звучащей вдали страшной трубѣ.

Какой-то звукъ, печальный, страшный, быть-можетъ, крикъ ночной птицы, почуявшей близость разсвѣта, одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ ночныхъ звуковъ, похожихъ на стонъ, которые неизвѣстно гдѣ родятся, проносятся и умираютъ вдали, — проносится и дрожитъ надъ молчащей, страшной долиной.

Словно послѣдній страшный звукъ трубы.

Вздрагиваютъ призраки, памятники, и все погружается въ бѣловатую предразсвѣтную мглу.

Блѣднѣетъ, гаснетъ, дрожитъ, исчезаетъ на посвѣтлѣвшемъ небѣ серпъ луны. Догораютъ и гаснутъ звѣзды. Повѣяло холодомъ. Вздрогнули бѣлыя тѣни тумана надъ Силоамскимъ озеромъ.

Блѣдныя, бѣловатыя облака пошли по небу, словно струйки дыма отъ сгорѣвшаго міра. Вспыхнули розоватымъ свѣтомъ, затеплились, загорѣлись, заалѣли, разгораясь все ярче и ярче. Вспыхнули краснымъ, багровымъ, золотымъ огнемъ. Загорѣлось зарево, пожаръ охватилъ небо, потоки крови полились по облакамъ, и, окруженная лучами, вся въ сіяніи показалась вершина Елеонской горы.

Я смотрѣлъ съ восторгомъ, съ ужасомъ на эту священную гору, окруженную сіяніемъ, горѣвшую яркими, ослѣпительными, золотыми лучами. Свѣтъ становился все ярче, сильнѣе, она казалась чуднымъ видѣніемъ, эта сіявшая ослѣпительнымъ свѣтомъ гора... Снопъ лучей сверкнулъ съ ея вершины, и въ ужасѣ кинулись бѣжать по долинѣ длинныя тѣни.

И она лежала эта долина, словно глубокой морщиной прорѣзанная Кедрскимъ потокомъ, долина—кладбище, нѣмая, полная ожиданья и печали.

Въ золотистомъ свѣтѣ утра онъ казался розоватымъ, этотъ проснувшійся городъ; бѣлымъ, стройнымъ, тонкимъ, изящнымъ силуэтомъ вырѣзывался на горизонтѣ минаретъ Россель.

И словно клочекъ неба горѣла на солнцѣ вся голубая мечеть Омара.

А старые кипарисы издали глядѣли на нее, траурные, черные, печальные какъ Гамлетъ.

ГЛАВА XXIV.

Дерево Іуды.

Раннее весеннее утро.

Солнце только что поднялось надъ Елеонской горой, и потоки его лучей, сверкающихъ, золотыхъ, льются по зеленѣющимъ склонамъ, наполняютъ Іосафатову долину, всю покрытую толпами бѣлыхъ, надгробныхъ памятниковъ. Ярко горятъ бѣлые камни, словно всѣ они вылиты изъ серебра. Брилліантовыми брызгами свѣта сверкаетъ роса. Золотистымъ отблескомъ свѣтятся пепельно-сѣрые дома Іерусалима, съ ихъ маленькими куполами. Розоватыми кажутся стройные, высокіе минареты. Горитъ на солнцѣ эмалевая мечеть Омара.

Въ цвѣтахъ и краскахъ встаетъ весеннее утро.

Все такъ свѣтло, такъ радостно, такъ весело. И только въ этомъ уголкѣ все сурово, мрачно, безотрадно. Здѣсь все вѣетъ тяжелыми воспоминаніями.

Вы стоите надъ однимъ изъ южныхъ обрывовъ Сіона.

Передъ вами, у вашихъ ногъ, долина Геннона, суровая, мрачная. Это долина ужасовъ. Сколько стоновъ похоронено въ ея тишинѣ, въ ея полумракѣ. Эта долина, окруженная обрывами, суровыми, неприступными. Этотъ уголокъ ада, который народъ зоветъ „огненной геенной“. Какія воспоминанія поднимаются со дна этой долины, теперь полутемной, которую горы наполняютъ своею тѣнью.

Какими воспоминаніями вѣетъ отъ горы, находящейся напротивъ, по ту сторону угрюмой долины, отъ горы Злаго Совѣщанія, гдѣ была дача Каіафы, гдѣ были совершены торгъ и предательство.

Это похоже на старую картину, потемнѣвшую отъ времени, съ мрачнымъ сюжетомъ, который трудно разобрать,—отъ почернѣвшихъ красокъ ея вѣетъ на васъ смутнымъ чувствомъ страха.

Вы смотрите на эту суровую темную картину, и одно дерево, на вершинѣ горы, по ту сторону долины, не можетъ не обратить на себя вашего вниманія.

Оно кажется чернымъ силуэтомъ, вырѣзаннымъ на голубомъ безоблачномъ небѣ. Странное одинокое дерево, отъ котораго вѣетъ какой-то тайной.

Ни деревца ни кустика кругомъ. Словно все сторонится отъ этого стараго, чернаго преступника, одинокаго, мрачнаго. Когда вѣтеръ, несясь мимо, тронетъ это дерево, его листья испуганно вздрагиваютъ, словно вспоминаютъ что-то страшное, что видѣло это дерево когда-то давно.

Съ этимъ деревомъ связано одно имя.

Вашъ проводникъ укажетъ вамъ это дерево и назоветъ вамъ это имя, звучащее, какъ проклятіе.

„Дерево Іуды“.

Дерево, на которомъ, по преданію, повѣсился этотъ несчастный, давшій свое имя всѣмъ предателямъ міра.

Есть старая сирійская легенда, полузабытая, красивая, связанная съ этимъ одинокимъ деревомъ.

Она говоритъ о томъ страшномъ днѣ суда и казни надъ преступникомъ — міромъ, когда раздастся и зазвучитъ послѣдняя труба архангела.

По старому сирійскому преданію, это произойдетъ ночью. Въ самую полночь прозвучитъ эта труба, громкая и страшная, какъ слово:

„Смерть“.

Въ ужасѣ отъ ея звука вздрогнутъ камни, и звѣзды потеряютъ свой блескъ, и померкнетъ луна, и міръ погрузится въ черную, непроглядную тьму.

Только въ долинѣ суда, въ Іосафатовой долинѣ забѣлѣетъ что-то, словно ночной туманъ, который поднимается со дна долинъ. И все выше и выше будетъ подниматься во мракѣ эта бѣловатая мгла. Толпы блѣдныхъ призраковъ, покинувшихъ могилы и слетѣвшихся сюда. Во второй разъ зазвучитъ труба архангела, разверзнутся древнѣйшія могилы, и, словно бѣлые столбы дыма, колеблемые вѣтромъ, изъ нихъ поднимутся призраки мертвыхъ. И вся Іосафатова долина наполнится этой дрожащей бѣлой мглой, отъ которой будетъ вѣять холодомъ и ужасомъ.

Тогда въ третій разъ прозвучитъ страшная труба.

Въ то утро не поднимется солнце надъ Елеонской горой. Словно окруженная сіяніемъ, она вся вспыхнетъ золотымъ блескомъ, и эти лучи прорѣжутъ тьму. И на вершинѣ ея, гдѣ вознесся Христосъ, вновь появится Онъ, въ блескѣ и славѣ Своей. И будутъ одежды Его какъ солнце, и отъ взгляда Его скроется тьма, и засверкаютъ горы, поля и долины. Такъ, какъ солнце, появится Христосъ на Елеонской горѣ въ тотъ страшный день.

И какъ дрожитъ туманъ отъ блеска солнца, задрожитъ толпа призраковъ Іосафатовой долины. И падутъ призраки ницъ, на землю, предъ лучезарнымъ Судьею, и будутъ въ въ ужасѣ ждать приговора.

И только одинъ призракъ не падетъ ницъ. Блѣдный призракъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами. Призракъ Іуды. Онъ будетъ стоять около одинокаго чернаго дерева, и съ ужасомъ онъ увидитъ въ Судьѣ Того, Кого онъ предалъ.

И ужасъ его будетъ все расти и расти, потому что страшный Судія сойдетъ со склона Елеонской горы, остановится среди старыхъ оливковыхъ деревьевъ, тамъ, гдѣ Онъ былъ

преданъ, и взглянетъ Онъ на Своего предателя очами добрыми и кроткими, какъ тогда...

И захочетъ Іуда пасть ницъ отъ этого взгляда и почувствуетъ, какъ ноги не повинуются ему, какъ не сгибаются его колѣни. И захочетъ онъ крикнуть отъ ужаса и почувствуетъ, что въ груди его нѣтъ дыханія, нѣтъ воздуха. И захочетъ онъ молиться и почувствуетъ, какъ не бьется больше его сердце и кровь застыла въ его жилахъ.

И будетъ онъ, блѣдный и холодный какъ смерть, съ ужасомъ смотрѣть, какъ Христосъ приближается къ нему, какъ Онъ пройдетъ Іосафатову долину, какъ поднимется на гору Злаго Совѣщанія и остановится передъ нимъ, какъ тогда.

И коснется лучезарный Христосъ Своими устами его блѣдныхъ и холодныхъ устъ и отдастъ ему поцѣлуй, данный въ ту ночь въ Геѳиманскомъ саду.

И ницъ падетъ величайшій изъ преступниковъ предъ Богомъ Всепрощенія, ницъ падетъ къ Его ногамъ, и будетъ онъ плакать и молиться Распятому Богу, цѣлуя Его одежды, сверкающія какъ солнце, и не будутъ эти одежды жечь грѣшныхъ устъ въ тотъ страшный, въ тотъ радостный часъ воскресенія.

Такъ придетъ въ міръ Богъ любви и всепрощенія и первымъ грѣшникомъ проститъ величайшаго грѣшника земли. И всѣхъ проститъ Онъ, всѣхъ, кромѣ тѣхъ, кто обижалъ слабыхъ и беззащитныхъ, какъ дѣти.

Такъ говоритъ старая легенда сирійцевъ, обиженнаго народа, слабаго и беззащитнаго, какъ дѣти.

Дѣйствительно ли это дерево, на которомъ повѣсился Іуда?

Даже простой, неграмотный кавасъ, и тотъ только улыбнется и пожметъ плечами на этотъ вопросъ:

— Говорятъ!

Легенда, которая указываетъ на это дерево, слишкомъ наивна. Врядъ ли это такъ. Это, навѣрное, не такъ.

Но это одинокое дерево на вершинѣ горы, стоящее надъ мрачной долиной Геннона, я вижу его передъ собой и сейчасъ. Мнѣ стоитъ закрыть глаза, чтобъ увидѣть его. Оно стоитъ, какъ падшій ангелъ, раскрывшій крылья, и чернымъ силуэтомъ вырѣзывается на свѣтло-голубой эмали неба.

Я вижу, какъ испуганно вздрагиваютъ его листья, словно отъ просыпающихся страшныхъ воспоминаній. И мнѣ чудится рядомъ съ нимъ блѣдный призракъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

ГЛАВА XXV.

У Силоамскаго озера.

Печальное мѣсто, которое рѣдко кто посѣщаетъ.

На него смотрятъ издали съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотрятъ на вещи, на которыхъ запеклась человѣческая кровь.

Село Скудельничье, Село Крови, та самая „земля горшечника“, которую купили священники на деньги, съ ужасомъ и отвращеніемъ брошенныя даже Іудой. Здѣсь, въ лабиринтѣ пещеръ, хоронили странниковъ, и теперь на этомъ кладбиц купленномъ такой цѣной, пріютился маленькій греческій мон стырь св. Онуфрія, очень бѣдный, мало кѣмъ посѣщаемый.

Это кладбище вырублено въ скалѣ надъ той же долиной Геннона. И чтобы добраться туда, приходится карабкаться по почти отвѣснымъ обрывамъ сѣрыхъ скалъ, придающихъ этой долинѣ такой дикій, мрачный видъ, характеръ такого ужаса, такого отчаянія.

Только іерусалимскіе ослики и могутъ спускаться и взбираться по такимъ крутизнамъ. Маленькіе ослики, бѣгающіе по краямъ обрывовъ такъ же, какъ по дну долины, и только неистовыми, полными отчаянія воплями выражающіе протестъ противъ того, что ихъ заставляютъ бѣгать тамъ, гдѣ не безъ труда пробралась бы даже кошка.

Нашъ путь лежитъ къ Силоамской купели, по юго-восточному крутому склону Сіона.

Обрывы, поросшіе сорной травой, цѣлыя рощи кактусовъ, темно-зеленыхъ, жирныхъ на этой землѣ, удобренной отбросами всего города. Это что-то въ родѣ городскихъ свалокъ, — эти обрывы, по которымъ змѣйкой вьется узенькая тропинка.

Среди густой, темной зелени бурьяна, тамъ и сямъ пробиваются зловонные ручейки грязной воды, стекающей изъ города сюда, въ маленькое Силоамское озеро.

Маленькое, спокойное, гладкое, съ темной водой, оно перегниваетъ здѣсь на солнцѣ, заражая воздухъ. Кружится голова отъ этого трупнаго запаха, которымъ полонъ воздухъ. Разложившимся трупомъ вѣетъ и отъ болота, и отъ ручейковъ, стекающихъ къ нему, и отъ темнаго жирнаго бурьяна, словно выросшаго на полѣ битвы, съ котораго не убрали труповъ.

Мы проѣзжаемъ одинъ изъ печальнѣйшихъ уголковъ земли.

Сейчасъ же за этимъ болотомъ селеніе Силоэ, селеніе прокаженныхъ, гдѣ живутъ эти несчастные, эти отверженцы, одинъ видъ которыхъ возбуждаетъ отвращеніе и ужасъ.

Какая тяжелая, какая удручающая картина эти люди, выброшенные догнивать тамъ, гдѣ догниваютъ отбросы. Этотъ запахъ трупа, разлитый въ воздухѣ, и эти несчастные, эти полу-трупы, еще живые, еще чувствующіе, задыхающіеся въ ѵрадѣ, эти полу-трупы, выкинутые въ городскую клоаку.

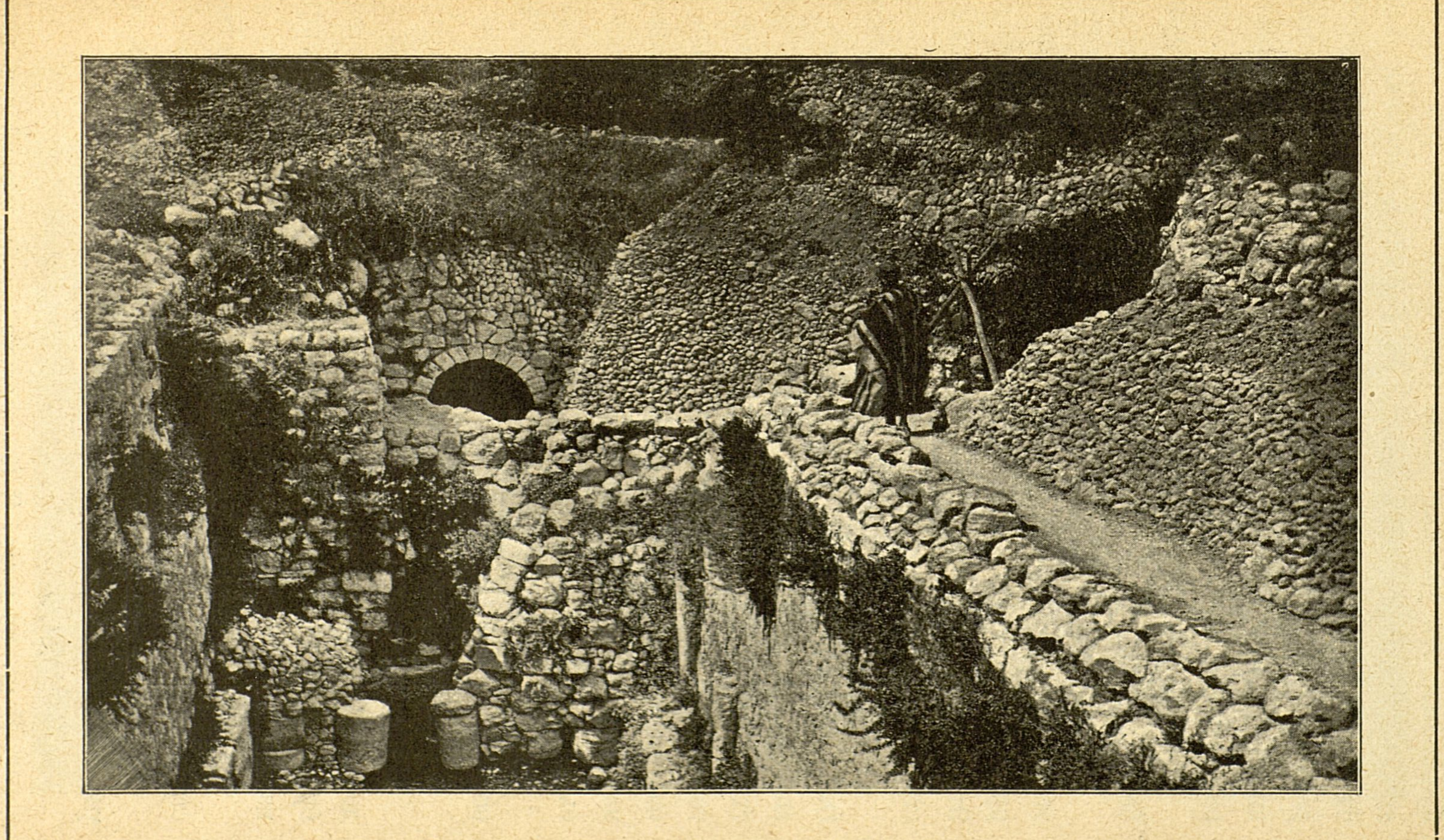
Таковъ входъ въ долину Геннона.

Дорога дѣлаетъ поворотъ у подошвы горы Злаго Совѣщанія, и даже мой осликъ испуганно шарахается въ сторону. Изъ подъ деревьевъ встаетъ толпа, человѣкъ десять; изъ какого круга Дантовскаго ада бѣжали сюда эти несчастные? Этотъ ходячій ужасъ?

Прокаженные, пришедшіе изъ Силоэ сюда, на дорогу, гдѣ они валяются въ тѣни, ожидая милостыни.

Они встаютъ, они протягиваютъ свои руки съ отгнивающими суставами. Багровыя, синія, вспухшія руки, покрытыя наростами, ранами, язвами, изъ которыхъ сочится кровь. Они откидываютъ свои лохмотья и обнажаютъ свое тѣло — какіе-то багровые, синіе куски, обрывки гніющаго мяса.

Одинъ не можетъ подняться. Онъ лежитъ у дороги, какъ пластъ, какъ трупъ, и только дыханіе, этотъ хрипъ, этотъ свистъ, вырывающіеся изъ его горла, – говорятъ, что онъ еще живетъ, еще страдаетъ. Онъ весь покрытъ черными пятнами. И когда со стономъ взмахиваетъ рукой, эти пятна исчезаютъ: миріады мухъ съ жужжаньемъ поднимаются отъ его язвъ и носятся надъ нимъ, этимъ живымъ, гніющимъ человѣкомъ, котораго притащили сюда, чтобы вызвать жалость прохожихъ.



Силоамскій источникъ.

Они подходятъ, выставляя на показъ свои раны, они приближаются, эти ужасные люди. Они открываютъ рты, ворочаютъ какими-то безформенными, безобразными кусками мяса вмѣсто языковъ. Говорятъ что-то; и изъ горла съ перерѣзанными связками, вмѣсто звуковъ голоса, вылетаетъ только шипѣнiе. Мелкiя монеты, которыя я имъ кидаю, только разжигаютъ ихъ алчность.

Безконечный ужасъ охватываетъ меня въ то время, какъ безконечная жалость сжимаетъ мое сердце.

Они читаютъ выраженiе этого ужаса, этой жалости, этого отвращенiя на моемъ лицѣ и подступаютъ ближе, протягивая изуродованныя руки, требуя выкупа за проѣздъ. Эти несчастные грабители, вооруженные своимъ безобразiемъ, страшные своими ранами.

Ихъ шипящая толпа окружаетъ меня все ближе и ближе. Они почти касаются руками моей одежды. И мой осликъ не двигается съ мѣста. Ему преградилъ дорогу прокаженный. Онъ схватилъ своими тремя уцѣлѣвшими пальцами за поводъ, а другой рукой откидываетъ тряпку, которой закрыто его лицо. И на меня смотритъ, словно смѣется красная, безобразная маска, безъ губъ, съ огромной дырой вмѣсто рта, съ оскаленными желтыми зубами.

Въ эту минуту на выручку поспѣваетъ мой кавасъ. Въ воздухѣ раздается свистъ его бича:

— Рухъ, рухъ! *)

И спотыкаясь, падая, прокаженные бросаются прочь съ дороги. Страхъ жгучей боли отъ удара бича по ранамъ разбрасываетъ ихъ въ разныя стороны. И они что-то шипятъ издали, шипятъ, какъ полураздавленныя пресмыкающiяся.

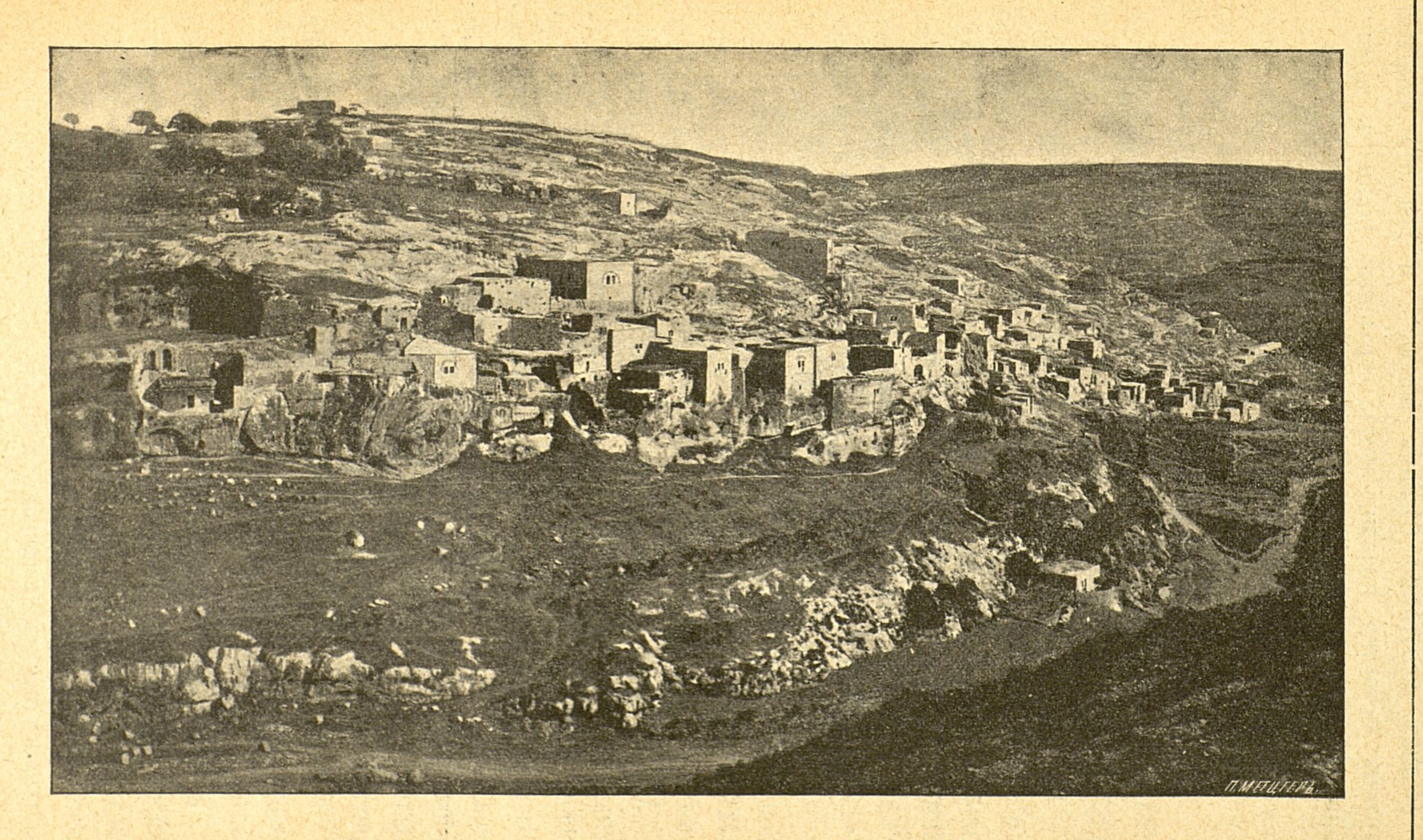
И этотъ свистъ бича надъ этими несчастными такъ страшно звучитъ.

Я оборачиваюсь къ моему кавасу съ негодованiемъ, съ ужасомъ:

— Зачѣмъ?

— Я не по нимъ. Я по воздуху, чтобы только ихъ разогнать. Они очень трусливы. Иначе ихъ невозможно прогнать.

*) Прочь!



Селеніе Силоэ, гдѣ живутъ прокаженные.

Осликъ испуганно бѣжитъ впередъ, и вся эта ужасная картина остается позади, этотъ страшный кошмаръ долины Геннона.

Глава XXVI.

Село Крови.

Мѣсто, купленное на самыя ужасныя деньги въ мірѣ, — село Скудельничье, село Крови.

Это кладбище, нависшее надъ угрюмой мрачной долиной. Эти черныя отверстія въ сѣрой скалѣ. Это кажется гнѣздомъ большой хищной птицы, которая прячется здѣсь, среди этихъ дикихъ обрывовъ, надъ этой долиной отчаянія, въ этомъ воздухѣ, пропитанномъ трупнымъ запахомъ, среди этихъ мѣстъ, носящихъ печать проклятія. Здѣсь она появляется темной ночью, съ зловѣщимъ клекотомъ, и съ этой скалы безшумно слетаетъ, распуская свои большія, черныя крылья, отъ движенія которыхъ вѣетъ холодомъ, холодомъ могилы, запахомъ разрытой земли. Таинственная, загадочная, страшная. Ея имя—смерть.

Мы входимъ въ ея жилище, холодное, нѣмое. Наша маленькая процессія похожа на похоронную. Мы идемъ туда молча, одинъ за другимъ, съ длинными, тонкими, желтыми восковыми свѣчами. Ихъ блѣдное при дневномъ свѣтѣ пламя печально, какъ пламя свѣчей, съ которыми идутъ за покойникомъ. Струйки чернаго дыма колышатся, тянутся въ воздухѣ за этимъ печальнымъ, блѣднымъ пламенемъ, какъ ленты прозрачнаго чернаго флера.

Одинъ за другимъ, нагнувшись, мы входимъ въ жилище смерти, въ длинный, узкій коридоръ, съ нишами направо и налѣво.

Здѣсь пока не все еще порвано съ жизнью: въ отверстіе скалы, въ которое мы входимъ, проникаетъ дневной свѣтъ. И когда мы, входя, почти закрываемъ это отверстіе, этотъ свѣтъ колеблется, перемѣщается съ мѣста на мѣсто, словно въ этомъ полумракѣ безшумно двигаются спугнутыя, потревоженныя тѣни.

Печальный, блѣдный, робкій отблескъ дня. Онъ дрожитъ, теряется въ полумракѣ и дрожащимъ свѣтомъ своимъ, бѣлымъ,

испуганнымъ, робкимъ освѣщаетъ что-то бѣлое въ нишахъ. Бѣлое съ напечатанными большими черными буквами.

Монахъ поднимаетъ эти саваны, и блѣдное, желтое пламя свѣчей дрожитъ на темныхъ черепахъ, на остаткахъ костей, тлѣющихъ, превращающихся въ небольшія кучки сѣраго пепла, въ золу, въ безцвѣтный налетъ, въ пыль, густымъ слоемъ которой покрыты эти камни.

Здѣсь, среди тишины, нѣмой и таинственной, медленно, постоянно, каждую минуту, каждое мгновеніе, безъ перерыва совершается этотъ страшный процессъ разрушенія,— превращается въ пепелъ, въ прахъ то, что когда-то жило, чувствовало, мыслило, радовалось, страдало.

И этотъ страшный процессъ, медленный, ужасный, совершается кругомъ повсюду, направо, налѣво, въ этихъ нишахъ, подъ этими саванами, покрывающими тлѣющія кости, горки сѣраго пепла. Мы идемъ по этой страшной лабораторіи смерти, гдѣ смерть все превращаетъ въ ничто.

— Осторожнѣе! — говоритъ монахъ.

Передъ нами въ стѣнѣ новое отверстіе.

— Нагнитесь. Входите.

Тамъ за этимъ отверстіемъ тьма, точно пропасть, какъ будто бездна. Словно тамъ дальше ничего ужъ нѣтъ. Оттуда смотритъ черное „ничто“.

Молчаливое, страшное, вѣчное.

Здѣсь всегда царила тишина. Тутъ никогда не раздавалось ни воплей ни рыданій. Здѣсь хоронили одинокихъ, бездомныхъ. Молча приносили сюда, оставляли здѣсь и спѣшили уйти, съ ужасомъ покидая это царство смерти, молчанія, тишины, разрушенія.

Мы проходимъ одну за другой эти пещеры, этотъ лабиринтъ.

Здѣсь среди тьмы, въ этомъ черномъ воздухѣ, наши похоронныя свѣчи вспыхиваютъ ярче, краснымъ огнемъ. Ихъ дрожащій свѣтъ скользитъ по стѣнамъ, въ нишахъ. Тѣни вздрагиваютъ, скользятъ по стѣнамъ. Словно кто-то убѣгаетъ отъ насъ, бѣжитъ, прячется въ черной тьмѣ.

Словно шевелятся стѣны и саваны при дрожащемъ блескѣ свѣчей. И мы останавливаемся въ пещерѣ, въ стѣнахъ которой

чернѣютъ отверстія, ведущія дальше. Что-то близко здѣсь, что-то, чего мы не видимъ, чью близость мы чувствуемъ, что вѣетъ на наши лица этимъ холодомъ.

Темно-сѣрыя, почти черныя стѣны. Медленно стекающія по нимъ капли воды. Эти капли вспыхиваютъ при свѣтѣ свѣчей темнымъ блескомъ. Онѣ медленно ползутъ по стѣнѣ и падаютъ, словно холодныя слезы на пепелъ, на саваны, на темныя кости. Падаютъ тихо, безшумно, чтобы не нарушить тишины „ея“.

Мы въ центрѣ этой большой могилы. Здѣсь живетъ „она“, холодная, молчащая.

Она здѣсь, близко. И мы чувствуемъ ея дыханіе на своемъ лицѣ. Оно доносится къ намъ изъ этихъ пещеръ, изъ этихъ отверстій, откуда вѣетъ разрытой могилой.

И когда ночью по этимъ стѣнамъ голубымъ свѣтомъ, какъ лунные камни, загорятся свѣтляки, при ихъ голубоватомъ блескѣ, таинственная, неслышная, она скользитъ здѣсь, поднимаетъ эти саваны, любуется добычей и съ холодной, полной презрѣнія, жестокой улыбкой смотритъ на маленькіе холмики сѣраго пепла.

Все уничтожающая смерть.

Наши огромныя тѣни, которыя дрожатъ на стѣнахъ, и эти тѣни когда-то жившихъ людей, эти маленькія кучки пепла, праха...

И мы оставляемъ это мѣсто холода, тишины и молчанія. Спѣшимъ выйти изъ этой могилы на свѣтъ золотого солнца, на блескъ голубого неба.

— Васъ проситъ къ себѣ отецъ настоятель!

Пожилой грекъ, привѣтливый и милый, радъ случаю перемолвиться словомъ со свѣжимъ человѣкомъ.

Онъ показываетъ мнѣ храмъ, устроенный въ такой же погребальной пещерѣ, съ образами, нарисованными прямо на стѣнахъ, съ утварью, убогой и бѣдной, съ престоломъ и жертвенникомъ, устроенными въ нишахъ, служившихъ могилами. Отъ этого храма вѣетъ запустѣніемъ.

— Насъ рѣдко кто посѣщаетъ,— говоритъ настоятель.

Онъ приглашаетъ меня въ диванную.

По восточному обычаю, подаютъ вино, шербетъ, кофе. И мы бесѣдуемъ съ настоятелемъ въ этой комнатѣ, среди того же запаха тлѣнія, которымъ вѣетъ изъ отверстій пещеръ.

Чтобы занять гостя, настоятель показываетъ мнѣ стереоскопъ съ видами Палестины.

— Не правда ли, какая удивительная вещь?

Эта игрушка, видимо, очень тѣшитъ большого ребенка.

— О, да! Изумительно!

— Это мнѣ прислали изъ Москвы. Вѣроятно, очень дорого стоитъ. Одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ богомольцевъ, которые посѣщаютъ нашу обитель. Сюда рѣдко кого тянетъ: съ этимъ мѣстомъ связаны слишкомъ тяжелыя воспоминанія. Цѣна, которую за него заплатили, слишкомъ страшна...

Его лицо становится грустнымъ:

— Не правда ли, какое печальное мѣсто? А между тѣмъ, его стоитъ посѣтить. Вѣдь, оно куплено самою большою цѣною въ мірѣ!

Эти иноки всегда производили на меня странное впечатлѣніе. Эти философы-дѣти.

Они тѣшатся стереоскопами и думаютъ думы, полныя глубины и скорби.

Глава XXVII.

Долина Геннона.

— Нашъ путь лежитъ черезъ долину Геннона,— говоритъ мнѣ проводникъ.

И мы по обрывамъ, утесамъ спускаемся въ эту долину, надъ которой поселилась царица — смерть. Смерть, владычествующая здѣсь надъ долиной - кладбищемъ, долиной послѣдняго суда, долиной Іосафата, надъ долиной ужаса, долиной Геннона, надъ Силоамскимъ озеромъ, пахнувшимъ трупами, надъ селеньемъ, гдѣ брошены задыхаться и умирать отверженные, наводящіе ужасъ.

Мы пробираемся по дну этой долины, зимой изрытому бѣшеными потоками, теперь густо заросшему сорными травами.

Это здѣсь стоялъ идолъ Молоха, бога солнца, кровожаднаго, страшнаго.

Это не былъ богъ солнца Аполлонъ, богъ весны и поэзіи, родившійся среди кудрявыхъ рощъ Эллады, подъ плескъ ласковаго, синяго моря, подъ голубымъ небомъ, среди благоуханія весеннихъ цвѣтовъ, богъ радости, жизни.

Это не былъ Ваалъ, богъ плодородія и страсти. Ваалъ, родившійся среди богатыхъ и пышныхъ долинъ Востока на пестромъ коврѣ изъ цвѣтовъ, обвѣянный тѣнью высокихъ, обремененныхъ плодами пальмъ, богъ солнца, посылающаго плодородіе горячаго солнца, зажигающаго страсть въ природѣ.

Это былъ страшный богъ. Его культъ родился на далекомъ, сожженномъ югѣ. Богъ солнца - убійцы, солнца - губителя. Солнца, лучи котораго убиваютъ и губятъ. Солнца, сжигающаго землю и превращающаго ее въ пустыню, въ знойный песокъ. Солнца, высушивающаго рѣки. Солнца, заставляющаго умирать караваны отъ жгучей мучительной жажды. Солнца палача, лучъ котораго смерть. Его культъ родился тамъ, у умирающихъ отъ жажды, обезумѣвшихъ отъ ужаса людей, среди сожженныхъ степей, обуглившихся нивъ. Грозный, страшный богъ.

Онъ стоялъ здѣсь, на днѣ этой долины, мѣдный, раскаленный, дышащій зноемъ. Съ кровожадной улыбкой на страшномъ лицѣ. Съ руками, жадно протянутыми впередъ, требовавшими жертвъ, жертвъ, жертвъ. Самыхъ страшныхъ жертвъ.

На жадныя, на протянутыя руки этого кровожаднаго, этого не знающаго милосердія бога, клали дѣтей. И ихъ пискъ умиралъ въ трескѣ костра, въ звукахъ трубъ и тамбуриновъ, въ изступленныхъ пѣсняхъ жрецовъ, въ безумныхъ крикахъ жрицъ, плясавшихъ тамъ, гдѣ убивали.

На этихъ горахъ стоялъ народъ, пораженный ужасомъ предъ нечестіемъ, предъ безуміемъ, которое творилось внизу.

Съ этихъ обрывовъ съ воплями, съ проклятіемъ кидались матери, у которыхъ отнимали дѣтей.

И все это, — крики дѣтей, вопли, проклятія, изступленныя пѣсни и пляски, — все сливалось въ одинъ безумный гимнъ страшному, губящему богу.

И отголоски этого страшнаго гимна звучатъ черезъ десятки столѣтій въ этомъ имени:

— Долина Геннона.

Эти сѣрыя скалы, эти ярко-красные, какъ будто облитые кровью глинистые обрывы, сверкающіе на солнцѣ, словно въ нихъ врѣзаны и горятъ въ нихъ драгоцѣнные камни,— это несущіяся вверхъ колонны чертоговъ сатаны. Это темная зелень по скаламъ — гирлянды, которыми перевиты колонны. Эти сорныя, почти черныя травы долины, — это зелень, которой украшенъ полъ зала, приготовленнаго къ пиру.

И онъ стоитъ надъ этой долиной, стоитъ тамъ, гдѣ высится дерево Іуды. Стоитъ, распластавши свои черныя крылья, глядя глазами, налитыми кровью, сверкающими, какъ драгоцѣнные камни. И черная смерть смотритъ изъ отверстій скалы, купленной цѣною крови.

Сѣрые призраки стоятъ на утесахъ, по обрывамъ, со своими трезубцами и съ хохотомъ низвергаютъ внизъ тѣхъ, кто въ ужасѣ, съ обезумѣвшими глазами взбирается по трупамъ изъ страшной, полной смрада долины.

Кровавымъ зигзагомъ, какъ молнія, прорѣзываетъ воздухъ брошенный факелъ, и проклятая долина вспыхиваетъ, объятая пламенемъ, какъ во времена Молоха.

Среди смраднаго дыма, поднимающагося со дна этой долины, онъ стоитъ тамъ, распростерши свои черныя крылья, съ торжествующей, кровожадной улыбкой Молоха.

А сѣрые призраки кидаютъ въ эту рѣку смрада и огня новыя и новыя жертвы съ безумными отъ ужаса бѣлыми лицами...

И стоны, и вопли, и трескъ огня сливаются въ страшный гимнъ сатанѣ.

Я задыхаюсь въ этой ужасной долинѣ, черной, окруженной сѣрыми скалами. Вѣтеръ несетъ по ней отъ Силоамскаго озера трупный запахъ. Въ шелестѣ кустарниковъ чудятся скользящія собирающіяся сюда тѣни.

Что это? Галлюцинація?

Ѣдкій дымъ, который стелется по кустарнику и вспугнутый вѣтромъ, смерчемъ поднимается къ небу. Трескъ огня. Языки пламени, мелькающіе тамъ, здѣсь, ползущіе, лижущіе землю.

— Скорѣе! скорѣе! — кричитъ мой проводникъ, исчезая въ дыму.

Полузадыхающійся, я карабкаюсь на обрывъ на своемъ осликѣ.

Кто-то поджегъ сорную траву. Кустарникъ горитъ. Въ синеватомъ, опаловомъ дыму, какъ рубины, горятъ его обуглившіеся сучья. Пожаръ разрастается все шире и шире.

Мы поднимаемся на обрывы Сіона, и проклятая, страшная долина, съ такимъ ужасомъ въ прошломъ и будущемъ, затягивается пеленой жгучаго, ѣдкаго, смраднаго дыма.

Это озеро дыма, по которому ходятъ отъ вѣтра бѣлыя волны.

— Должно-быть, кто-нибудь хочетъ взять участокъ земли подъ пашню, — объясняетъ проводникъ, — выжигаетъ кустарникъ. Здѣсь часто берутъ землю, потомъ бросаютъ: земля долины Геннона ничего не родитъ, кромѣ сорныхъ травъ.

Глава XXVIII.

Прокаженные.

Среди іерусалимскихъ нищихъ, ужасныхъ и отвратительныхъ, вы часто встрѣчаете людей, скорѣе похожихъ на какіе-то страшные призраки: съ тѣломъ, покрытымъ язвами, съ лицомъ, представляющимъ сплошной струпъ. Эти страшные люди откидываютъ лохмотья, чтобы показать свои язвы. И тогда васъ охватываетъ ужасъ.

Это прокаженные.

При сліяніи долинъ Іосафата и Геннона стоитъ маленькій домикъ съ красной черепичною кровлей. Я не знаю учрежденія болѣе христіанскаго, людей, болѣе самоотверженныхъ, чѣмъ тѣ, которые посвятили себя здѣсь помощи страждущему человѣчеству.

Это пріютъ для прокаженныхъ, построенный евангелическимъ обществомъ. Имъ завѣдуютъ мужъ и жена Шуберты. Имъ помогаютъ нѣсколько женщинъ, пріѣхавшихъ сюда изъ Германіи. Нѣсколько женщинъ, вѣчно печальныхъ, всегда грустныхъ, сосредоточенныхъ, съ отпечаткомъ пережитаго горя на

Группа прокаженныхъ въ Іерусалимѣ.

лицахъ. Богъ вѣсть, что перестрадали онѣ „тамъ“, дома, на родинѣ, что заставило ихъ отречься отъ міра и удалиться сюда въ этотъ пріютъ ужаса и страданія. Самоотверженіе, съ которымъ онѣ выполняютъ свой обѣтъ, не имѣетъ себѣ равнаго.

Въ Іерусалимѣ около 200 прокаженныхъ. Изъ нихъ только человѣкъ двадцать живутъ въ пріютѣ, гдѣ ихъ окружаетъ трогательный и нѣжный уходъ, чистота, комфортъ и довольство. Остальные предпочитаютъ валяться на горячихъ камняхъ грязныхъ іерусалимскихъ улицъ, вести жизнь собакъ, которыхъ всѣ гонятъ и всѣ боятся, и просить милостыню, наводя своимъ видомъ ужасъ на проходящихъ.

Проказа — болѣзнь древняя, какъ человѣческій родъ. Она упоминается на первыхъ страницахъ библіи. Іегова каралъ ею людей, которыхъ проклиналъ въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ.

Она тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ какъ проклятіе, страшное и таинственное. Она стара, какъ человѣческій грѣхъ, и мы ея не знаемъ.

Мы не знаемъ средства противъ нея, ея происхожденія. Какъ передается проказа, даже заразительна ли она, — все это еще спорные вопросы.

Мы знаемъ только ея внѣшній видъ, страшный, ужасный внѣшній видъ, похожій на печать проклятія.

Въ тѣлѣ, покрытомъ струпьями, совершается какой-то таинственный процессъ. Въ то время, какъ суставы гніютъ и отпадаютъ, около вырастаютъ огромные наросты дикаго мяса. Въ то время, какъ у одного ротъ увеличивается, дѣлается огромнымъ, зіяющимъ отверстіемъ, чрезъ которое видны оскаленные, какъ у черепа, зубы, — у другого, наоборотъ, ротъ зарастаетъ и превращается въ маленькую круглую скважину, чрезъ которую несчастные еле-еле пропихиваютъ крошечные кусочки пищи. Эти лица безъ рта — и лица, представляющія одинъ сплошной, зіяющій ротъ, одинаково страшны, одинаково похожи на призраки кошмара.

Жизнь прокаженнаго — одно сплошное ощущеніе боли. Они необыкновенно чувствительны къ холоду и зною. Они дрожатъ, когда температура падаетъ ниже 15 градусовъ по Реомюру, и

изнемогаютъ отъ жары, когда она поднимается до 20. Малѣйшее прикосновеніе вызываетъ у нихъ жгучую боль.

И среди этихъ безпрерывныхъ мученій несчастные доживаютъ до глубокой старости. Въ пріютѣ есть прокаженные 55 лѣтъ отъ роду.

Эта страшная болѣзнь, поражая тѣло, кладетъ отпечатокъ и на душу прокаженнаго.

Покрытые ранами, они не въ силахъ, конечно, работать. Полная бездѣятельность — обычное состояніе прокаженнаго. У нихъ исчезаетъ интересъ къ чему бы то ни было. Всѣ попытки занять ихъ чтеніемъ, картинками, не приводятъ ни къ чему.

Они напоминаютъ людей, впавшихъ въ слабоуміе.

Когда изъ Швейцаріи, Америки и Англіи,—три страны, не забывающія этихъ несчастныхъ въ пріютѣ, — получаются подарки, радости прокаженныхъ нѣтъ границъ.

Это восторгъ дѣтей, которыя радуются подарку, и сейчасъ же забываютъ о томъ, кто этотъ подарокъ сдѣлалъ. Получивъ отъ васъ подарокъ, прокаженный не задумается сейчасъ же сдѣлать вамъ непріятность.

Они неблагодарны, потому что благодарность слишкомъ глубокое чувство для нихъ.

Самое глубокое чувство, единственная, всепоглощающая страсть прокаженныхъ, это—сребролюбіе.

Это какая-то безсмысленная любовь къ серебрянымъ и золотымъ кружечкамъ. Прокаженные любятъ ихъ какъ сороки, которыя таскаютъ золото и серебро и прячутъ въ своихъ гнѣздахъ.

У прокаженнаго нѣтъ никакого имущества. Все, что у него заведется, онъ немедленно продаетъ, превращаетъ въ мелкія деньги. Мелкія деньги мѣняетъ на серебро, копитъ, покупаетъ золото и прячетъ гдѣ-нибудь въ потаенномъ мѣстѣ.

Этими деньгами не воспользуется никогда никто: ни другой ни онъ самъ.

Прокаженный всю жизнь свою умираетъ съ голода и копитъ, копитъ безъ конца, безъ цѣли. Зарываетъ деньги гдѣ-

нибудь въ землѣ, и все счастье его жизни состоитъ въ томъ, что время отъ времени этотъ гніющій полу-трупъ приползаетъ потихоньку полюбоваться своими сокровищами.

Эта страсть къ деньгамъ заставляетъ ихъ избѣгать пріюта.

Пріюта, гдѣ они находятъ заботливый уходъ, пищу, медицинскую помощь.

Изъ пріюта ихъ никуда не пускаютъ.

И несчастные предпочитаютъ валяться ночью въ выстроенномъ турецкимъ правительствомъ „ночлежномъ домѣ для прокаженныхъ", въ селеніи Силоэ.

Тамъ они проводятъ ночь, въ этомъ ужасномъ, отвратительномъ гноищѣ, одинъ видъ котораго вселяетъ непреодолимый ужасъ.

Днемъ они разбредаются по улицамъ Іерусалима за милостыней. И живутъ такъ, умирая съ голода, страдая отъ зноя, отъ холоднаго вѣтра, отъ боли, валяясь на грязныхъ камняхъ мостовой.

У прокаженныхъ есть два сезона, когда имъ особенно дорога свобода.

Весна, когда въ Іерусалимъ стекается масса русскихъ паломниковъ.

Это „денежный" сезонъ прокаженныхъ.

Осенью, когда начинается жатва, нѣсколько прокаженныхъ нанимаютъ въ складчину осла и обходятъ поля, гдѣ имъ, по старому обычаю, дается извѣстная часть урожая.

Они набираютъ массу хлѣба, плодовъ, которые и продаютъ въ Іерусалимѣ. Голодъ не разборчивъ. И пользуясь тѣмъ, что у прокаженныхъ можно купить дешевле, нищее населеніе охотно покупаетъ все изъ рукъ этихъ людей, одинъ видъ которыхъ внушаетъ отвращеніе.

Умирающіе съ голода, продающіе хлѣбъ изъ-за безумной страсти къ деньгамъ, и голодные, покупающіе хлѣбъ изъ рукъ прокаженныхъ,— вотъ картина Востока.

Въ пріютѣ для прокаженныхъ есть амбулаторія. Прокаженные являются туда и умоляютъ дать имъ бинтовъ и ваты для перевязки.

Но дать непремѣнно съ собой. Они всячески уклоняются отъ того, чтобы имъ дѣлали перевязки въ пріютѣ. Потому что и эти бинты, и эту вату они продаютъ.

Если же прокаженному не даютъ съ собой бинтовъ, онъ соглашается на перевязку. И, уйдя изъ пріюта, разбинтовываетъ раны, моетъ бинты и продаетъ ихъ нищимъ жителямъ Іерусалима.

Но главный источникъ дохода прокаженныхъ — это, конечно, нищенство.

Самые слабые изъ нихъ нанимаютъ другихъ нищихъ, чтобы тѣ вытаскивали ихъ на перекрестки улицъ. И лежатъ тамъ, покрытые миріадами мухъ, на палящемъ солнцѣ, испытывая страшныя муки. На каждомъ шагу вы встрѣтите такой гніющій полу-трупъ съ протянутой страшной рукой.

Бывали случаи, что умирающіе отказывались отъ перевода изъ ночлежнаго дома въ пріютъ. Они надѣялись еще собирать милостыню!

Ихъ оружіе — ихъ безобразіе. И они обнажаютъ свои язвы, когда мимо нихъ проходятъ.

Отказъ въ милостынѣ вызываетъ съ ихъ стороны месть, безсильную и отвратительную.

Они стараются коснуться рукой хоть платья того, кто отказалъ въ подаяніи.

Они знаютъ, что ихъ боятся и этимъ пользуются для мести.

Два католическихъ патера проѣзжали мимо Силоэ, когда на нихъ набросилась толпа прокаженныхъ. У патеровъ, къ несчастью, не было денегъ, и они еле вырвались изъ рукъ несчастныхъ. Прокаженные хватали ихъ за руки, за лица.

Таковы эти несчастные, эти отверженцы, спекулирующіе насчетъ своего несчастія, насчетъ отвращенія и ужаса, который они вселяютъ.

Но и въ этихъ полу-трупахъ, заживо гніющихъ, при жизни разлагающихся, бьется живое человѣческое сердце.

Сердце, которое жаждетъ любви.

Въ пріютъ притащились двое несчастныхъ, мужъ и жена. Притащились полу-трупами, потерявъ даже надежду на то, что они въ силахъ будутъ просить милостыню.

Но когда ихъ помѣстили: ее въ женское отдѣленіе, его — въ мужское, они немедленно оставили пріютъ.

Они не могли перенести разлуки.

И предпочли лучше умирать среди голода и мученій, но вмѣстѣ.

Послѣ сребролюбія, любовь — это единственное чувство, которое сохраняютъ еще прокаженные.

Они женятся, и это было бы чудовищнѣйшимъ изъ вымысловъ, если бы не было отвратительнѣйшей правдой, — за нихъ выходятъ замужъ здоровыя дѣвушки.

По дорогѣ въ Силоэ мнѣ встрѣтилась страшная и отвратительная процессія.

Прокаженный, ужасный, съ лицомъ, похожимъ на кусокъ разлагающагося мяса, шелъ рядомъ съ молоденькой дѣвушкой, почти ребенкомъ, лѣтъ 14, не болѣе.

Въ этомъ возрастѣ всѣ сиріянки очень красивы. Въ ея черныхъ большихъ глазахъ было написано столько страданія, а на блѣдномъ лицѣ столько ужаса.

Но она покорно шла, съ глазами, полными слезъ, сопровождаемая родственниками, одѣтыми въ такое же рубище какъ, и она.

Это прокаженный велъ къ себѣ „домой“, въ свой ночлежный домъ, свою невѣсту, дѣвочку-сиріянку, которая шла за него замужъ, чтобы не умереть съ голода.

И родственники совершенно спокойно сопровождали ее, по обычаю, до дома будущаго мужа, какъ будто не происходило ничего особеннаго.

Быть можетъ, они даже думали въ это время, что дѣвушка дѣлаетъ хорошую партію.

Ея мужъ — „хорошій прокаженный“. Аристократъ несчастія. Его видъ такъ ужасенъ, что онъ можетъ зарабатывать милостыней больше всякаго другого.

О, великая мать нищета!

А восточная нищета — это самая нищая нищета всего міра.

Глава XXIX.

Могила Рахили.

Близится вечеръ. Солнце низко стоитъ надъ землей, и его горизонтальные лучи бѣгутъ по изумруднымъ склонамъ холмовъ, кидая длинныя тѣни отъ оливковыхъ рощъ.

На высокомъ холмѣ, надъ обрывомъ стоитъ небольшая старая постройка съ круглымъ куполомъ.

Она окружена кладбищемъ.

Въ землѣ обѣтованной, на этомъ кладбищѣ прошлаго, могилы тянутся безконечной вереницей и придаютъ Палестинѣ такой печальный видъ.

Среди могилъ, усѣвшись въ кружокъ, неподвижно сидятъ женщины. Опираясь на могильные памятники, неподвижно стоятъ мужчины. Дремлютъ верблюды, неподвижные, похожіе на большія черныя изваянія.

Проводникъ указываетъ вамъ на древнее зданіе и произноситъ имя, которое звучитъ какъ мелодія, доносящаяся издали. изъ глубины вѣковъ.

— Могила Рахили.

Жены Іакова, матери Іосифа и Веніамина.

Не встаетъ ли предъ вами при этомъ имени образъ прекрасной женщины, съ глазами, полными слезъ, безконечно красивыми и безконечно печальными?

Образъ великой матери, любимой и страдавшей.

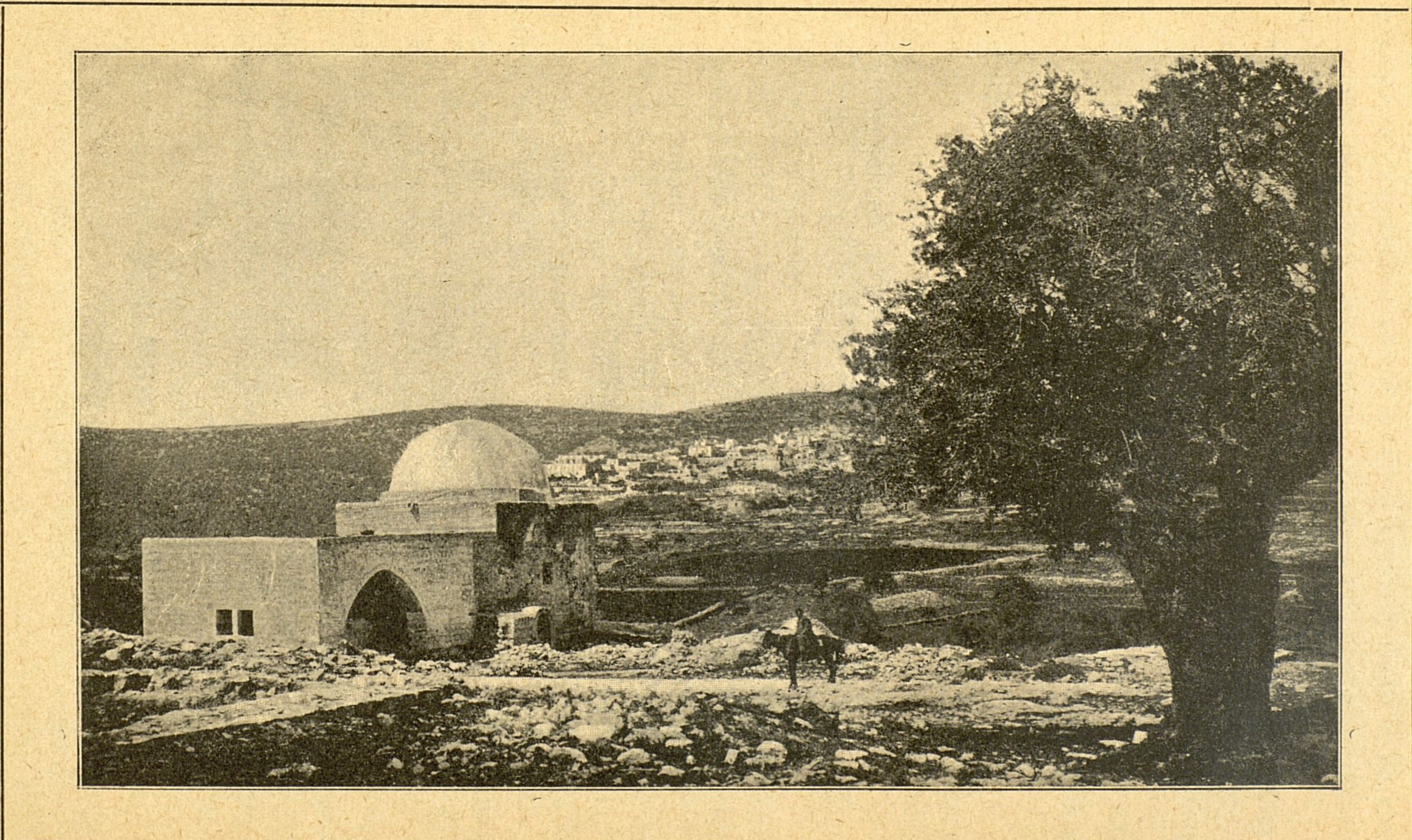
Этотъ образъ, полный красоты и страданія, привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца.

Здѣсь похоронено материнское горе.

Христіанскія паломницы останавливаются у этой великой могилы, чтобы поклониться похороненной здѣсь матери.

Еврейки и мусульманки приводятъ сюда своихъ дѣтей, чтобы у могилы Рахили молиться о своихъ дѣтяхъ

Сюда приходятъ мусульманскія дѣвушки предъ выходомъ замужъ и склоняются предъ могилой великой жены и матери, чтобы она благословила ихъ.



Могила Рахили.

Есть трогательное обыкновеніе, — что мать, потерявшая своего ребенка, приходитъ плакать сюда.

Здѣсь она рыдаетъ, у этой могилы, здѣсь ищетъ себѣ утѣшенія и безмолвнаго сочувствія. И онѣ сердцемъ понимаютъ другъ друга,—несчастная мать и женщина съ печальными глазами, лежащая тамъ, въ землѣ.

Эта могила — мѣсто затихающей печали и облегчающихъ слезъ.

Сюда приводятъ добрые люди круглыхъ сиротъ, потому что Рахиль — мать всѣхъ, кто лишенъ материнской ласки.

Эта могила окружена легендой, красивой и трогательной, созданной христіанами-арабами.

Легенда разсказываетъ о томъ страшномъ часѣ, когда прозвучитъ труба великаго суда. Послѣднею встанетъ Рахиль, прекрасная женщина, съ печальными глазами, изъ своей древней гробницы и поспѣшитъ въ долину страшнаго суда.

И услышитъ міръ вновь плачъ Рахили.

Она падетъ на колѣни предъ престоломъ лучезарнаго, Милосердаго Бога и, простирая къ Нему свои прекрасныя, свои дрожащія руки, скажетъ ему:

— Именемъ страданій, которыя перенесла я, именемъ скорби матери, умоляю Тебя,—пощади, не осуди тѣхъ, кто въ дѣтствѣ не зналъ материнской ласки. Прости всѣ грѣхи ихъ черствому, холодному, озлобленному сердцу, потому что въ дѣтствѣ это сердце не знало ласки матери, не было пригрѣто материнской любовью. О, пощади, пощади ихъ, перенесшихъ самое тяжкое наказаніе еще раньше совершенія преступленія!

И простретъ Милосердый Господь надъ нею свой пылающій скипетръ, и скажетъ Рахили Богъ любви и всепрощенія:

— Во имя страданій, перенесенныхъ тобою, бѣдная мать, Я исполняю твою мольбу.

И скажетъ Онъ, обратясь къ тѣмъ, кто не зналъ ласки матери:

— Вы, кто не зналъ величайшей любви на землѣ, любви матери, вотъ ваша мать.

И припадутъ къ Рахили всѣ бездомные, всѣ несчастные, всѣ брошенные, всѣ дѣти позора, и заплачутъ, какъ плачетъ больной, страдающій ребенокъ, припавъ на грудь матери.

И этотъ плачъ умягчитъ сердце Бога.

И будетъ день страха, рыданій, стенаній и воплей,—для нихъ днемъ свѣтлыхъ, радостныхъ слезъ.

Самая могила Рахили, находящаяся подъ куполомъ, заперта.

Разъ въ годъ сюда приходитъ изъ Іерусалима караванъ еврейскихъ женщинъ. Тогда отпираютъ могилу Рахили, женщины входятъ на поклоненіе ея гробницѣ, и окрестности оглашаются тогда стонами, рыданіями и плачемъ женъ и матерей.

Открыто для всѣхъ и всегда только преддверіе гробницы,—невысокая комната съ маленькой запертой чугунной дверью въ одной изъ стѣнъ.

Теперь могила Рахили окружена людьми. Неподвижнымъ кругомъ сидящія женщины. Неподвижно стоящіе мужчины. Неподвижно дремлющіе верблюды. Ихъ можно было бы принять за изваянія среди могильныхъ памятниковъ.

Мы входимъ въ преддверіе гробницы Рахили. Что-то длинное, бѣлое лежитъ на полу, что можно принять за статую, завернутую въ чистое полотно.

Смерть вытянула тѣло и заострила линіи. Подъ саваномъ рѣзко выдѣляются заострившіяся конечности ногъ, сложенныя на груди руки.

Это мусульманская женщина, которую принесли хоронить здѣсь.

Сегодня утромъ, съ первыми лучами солнца, золотыми, радостными, среди холмовъ раздалась печальная мелодія. Мелодично и уныло позванивали колокольцы, медленно, торжественно, словно церемоніальнымъ маршемъ выступали верблюды.

На ихъ спинахъ покачивались закутанныя въ черныя покрывала женщины, молчаливыя, съ печальными глазами.

Около шли мужчины въ бѣлыхъ, съ черными полосами, бурнусахъ.

Впереди каравана ѣхалъ въ зеленой чалмѣ и темно-коричневой одеждѣ старый мулла, а за нимъ на верблюдѣ колыхался завернутый въ полотно длинный, вытянувшійся трупъ, съ заострившимися подъ саваномъ линіями.

Подъ унылую, печальную мелодію перезванивавшихся колокольцовъ, въ молчаніи, караванъ пришелъ сюда, гдѣ заранѣе, еще со вчерашняго вечера, была вырыта могила.

Трупъ положили передъ дверью гробницы Рахили; и всѣ разошлись по кладбищу. Мужчины, неподвижно остановившись у памятниковъ, женщины, образовавши кругъ.

Въ зноемъ напоенномъ воздухѣ, подъ палящими лучами солнца они безъ пищи простояли и просидѣли здѣсь весь день, безъ движенія, не вымолвивъ ни слова:

„Потому что смерть есть неподвижность и молчаніе!“ — говоритъ книга Суръ.

И они воздаютъ эту безмолвную почесть смерти, витающей здѣсь, среди могилъ.

Они стоятъ и сидятъ, опустивъ головы, молясь про себя, полные печальныхъ мыслей, и въ ихъ позахъ столько покорности, словно они хотятъ сказать летающему среди нихъ холодному призраку:

— Мы всѣ здѣсь передъ тобою. Бери, кого ты изберешь.

Ихъ позы, ихъ безнадежныя лица — позы и лица людей, приговоренныхъ къ смерти. Потому что:

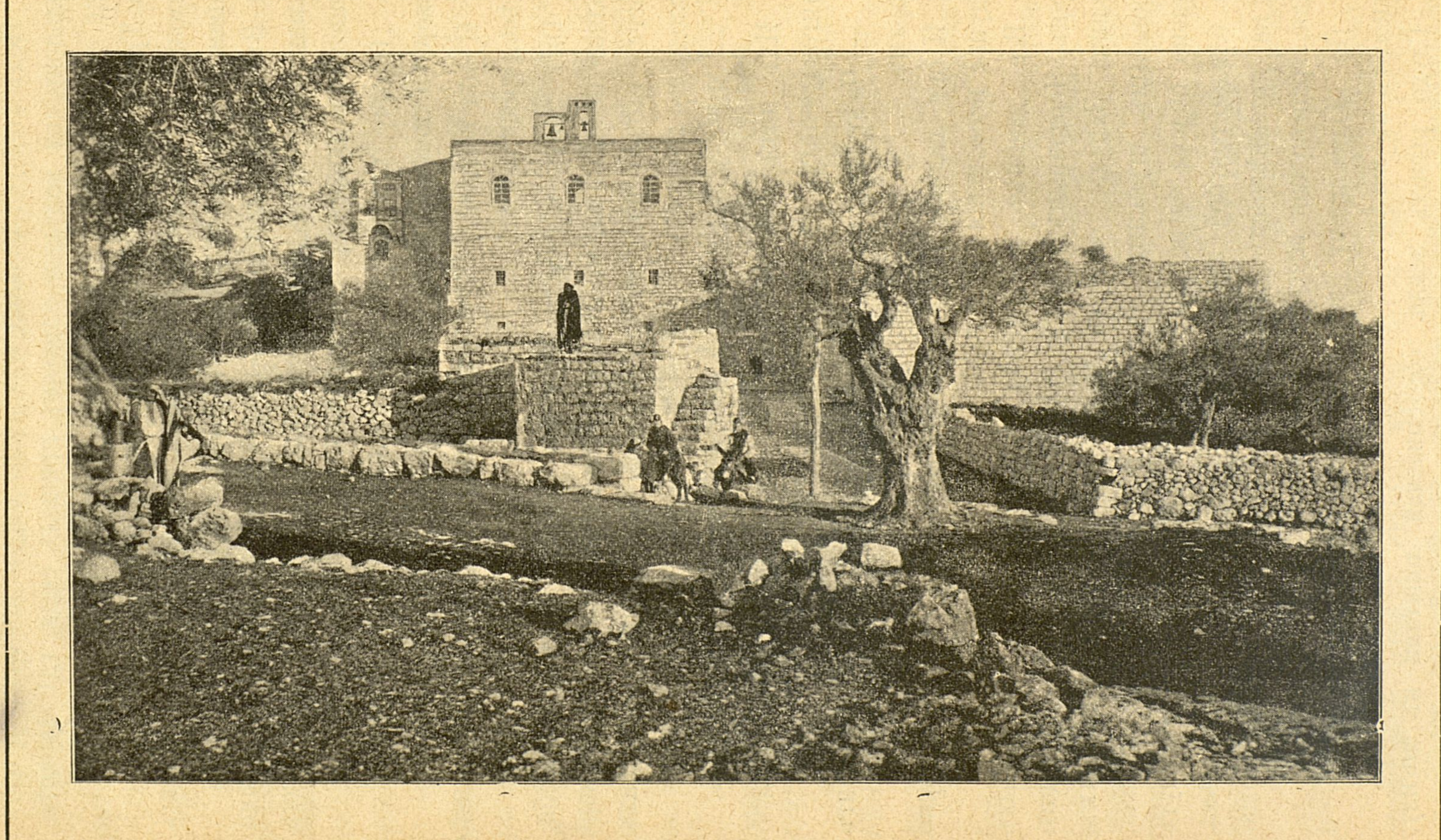
— Человѣкъ, это — приговоренный къ смерти! — говоритъ Коранъ.

И они сидятъ здѣсь, приговоренные къ смерти, покорно ждущіе исполненія приговора.

Все длиннѣе и длиннѣе становятся тѣни оливковыхъ рощъ. Червоннымъ золотомъ горятъ послѣдніе лучи заходящаго солнца. Западъ охваченъ пожаромъ, горитъ ярко-краснымъ, кровавымъ, огромнымъ костромъ. Отъ него несутся облака, словно облака багроваго дыма, блѣднѣютъ, гаснутъ и тонутъ въ блѣдно-голубой эмали неба. Съ востока надвигается тьма. И на потемнѣвшемъ небѣ робко загорается блѣдная, дрожащая, трепещущая вечерняя звѣздочка.

По молчаливому знаку муллы, двое берутъ трупъ и относятъ въ могилу.

Глухо рычитъ земля, сбрасываемая лопатами въ могилу. Словно жадное рычаніе звѣря, пожирающаго добычу.



Монастырь пророка Илiи по дорогѣ къ Виѳлеему.

Мулла, въ зеленой чалмѣ, обращается къ востоку и, поднявъ руки, поетъ:

— Ля иллага иль Алла...

Поетъ заунывно, протяжно, словно голодный шакалъ воетъ на кладбищѣ.

Мужчины еще ниже наклоняютъ головы. Сидящія въ кружокъ женщины безмолвно наклоняютъ лица къ землѣ и застываютъ такъ, словно готовясь получить смертельный ударъ.

Ни плача ни рыданій, потому что:

— Смерти приличествуетъ молчаніе!—говоритъ Коранъ.

Молитва пропѣта, и караванъ уходитъ такъ же медленно, молча, величественно, какъ медленно, величественно, въ молчаніи, онъ пришелъ сюда.

Мы спускаемся въ долину.

Ночь, южная ночь наступаетъ быстро. Въ черномъ бархатномъ небѣ загорается брилліантовое кружево звѣздъ.

Молодая, золотая луна серпомъ вырѣзывается на горизонтѣ.

Я оглядываюсь назадъ.

Въ долинѣ тьма, верхушки холмовъ облиты холоднымъ, трепетнымъ бѣлымъ свѣтомъ.

И словно трепещущій бѣлый призракъ стоитъ надъ обрывомъ могила Рахили.

Изъ-за холмовъ доносится медленный, печальный, мелодичный звонъ удаляющагося каравана.

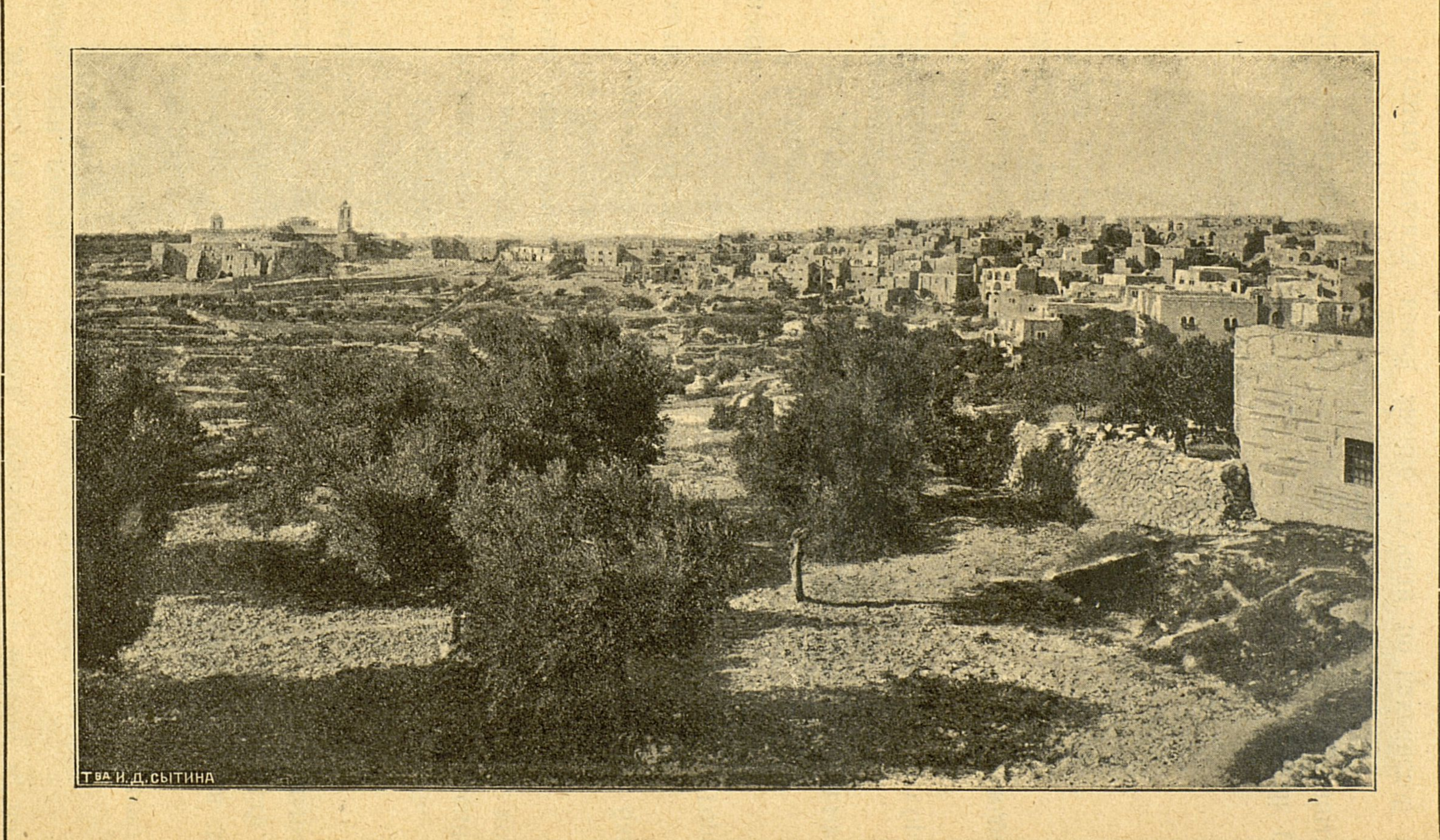
Тише и тише... И въ тишину погружается все...

Глава XXX.

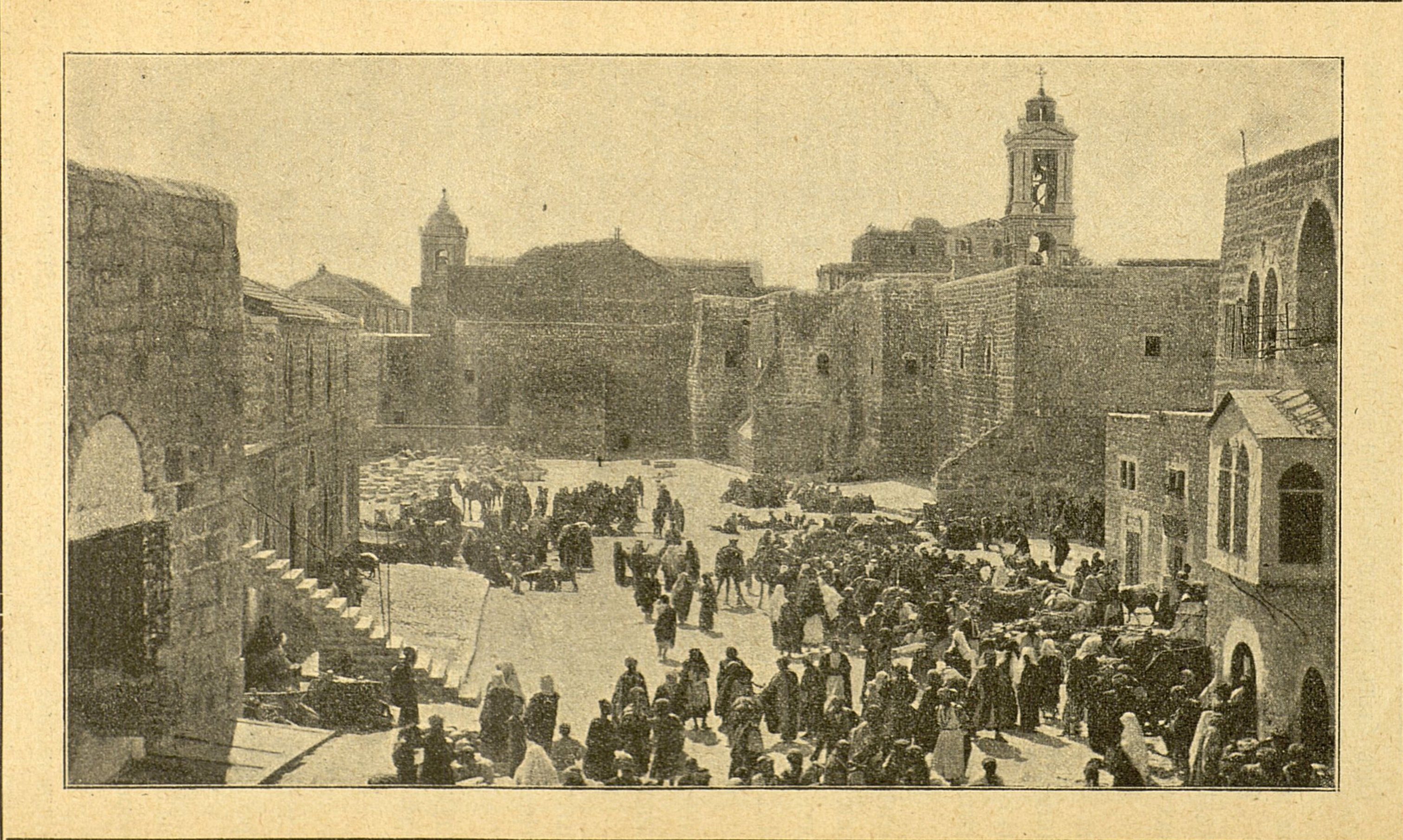
Виѳлеемъ.

Это было весеннимъ утромъ, свѣжимъ, какъ поцѣлуй ребенка, свѣтлымъ, яснымъ въ золотомъ блескѣ солнечныхъ лучей.

Копыта нашихъ коней звонко стучали по каменистой дорогѣ. Мы въѣхали на вершину холма, и проводникъ, указывая рукой впередъ, произнесъ:



Общій видъ Виѳлеема, отъ колодца Давида.



Рынокъ передъ церковію Рождества въ Виѳлеемѣ.

— Виѳлеемъ!

Онъ былъ расположенъ на вершинѣ слѣдующаго холма.

И я смотрѣлъ съ сердцемъ, переполненнымъ благодарностью, на этотъ городъ, такой маленькій, такой великій.

Его маленькіе дома были похожи на стадо овецъ, разбѣжавшихся по склону холма. Онъ казался розоватымъ въ лучахъ утренняго солнца.

Мы пришпорили лошадей и черезъ нѣсколько минутъ ѣхали по узенькимъ улицамъ этого города женщинъ и дѣтей. Мужчины были на базарѣ. Дома оставались только женщины и дѣти, и весь городъ казался населеннымъ женщинами и дѣтьми.

Надо было ѣхать очень осторожно, чтобы не раздавить этихъ ребятишекъ, бѣгавшихъ, ползавшихъ, игравшихъ, рѣзвившихся на мостовой. А изъ дверей домовъ смотрѣли своими большими, черными, задумчивыми глазами красивыя женщины. Изъ нихъ каждая была похожа на Рахиль.

Небо благословило красотой этотъ городъ. Этихъ женщинъ, рождающихъ дѣтей тамъ, гдѣ родился Божественный Младенецъ.

Вѣяло такимъ спокойствіемъ отъ красивыхъ, задумчивыхъ женщинъ. И сумракъ узенькихъ улицъ былъ полонъ дѣтскими криками, веселыми, звонкими, радостными.

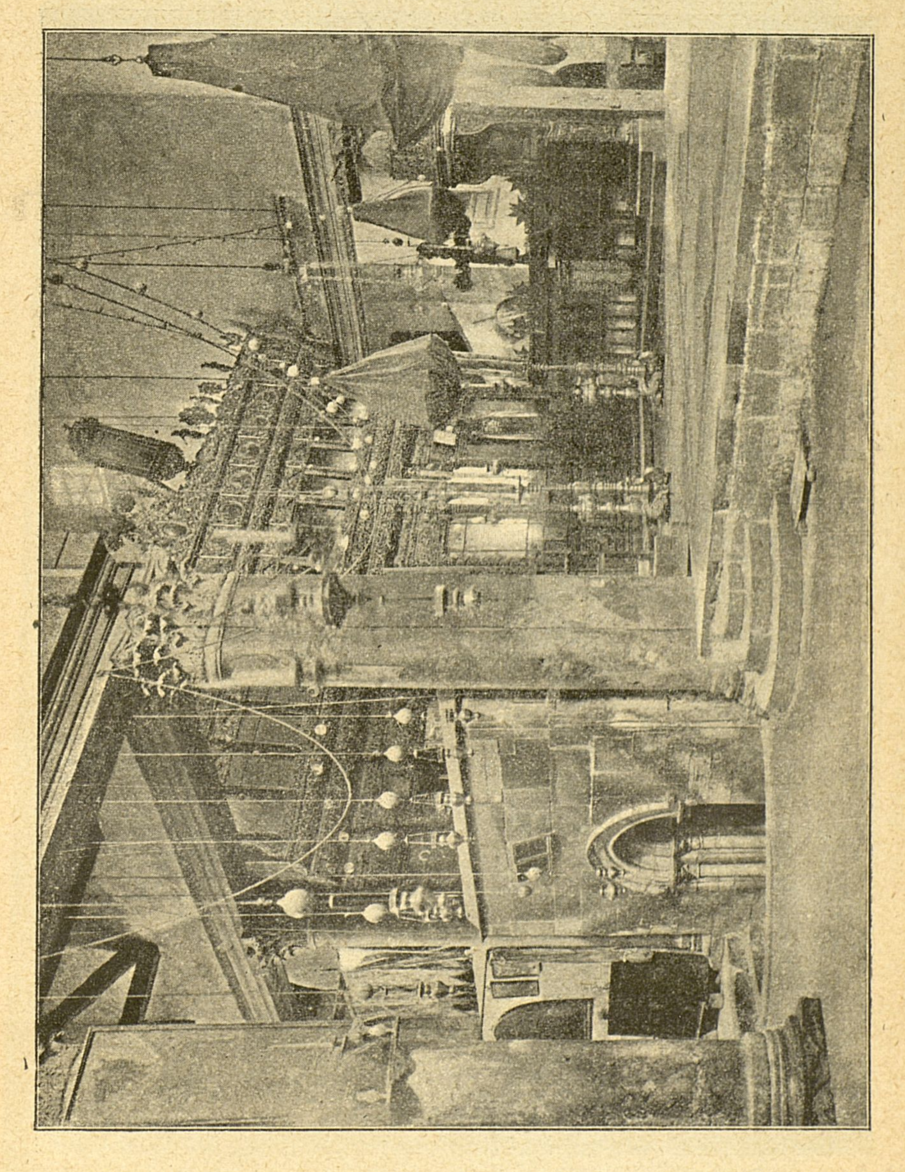
Мы проѣхали городъ въ нѣсколько минутъ и выѣхали на шумную площадь базара, расположенную у стѣнъ монастыря, гдѣ находится Святая Пещера.

Залитый солнцемъ, живописный, блещущій яркими красками восточный базаръ. Полосатые, бедуинскіе плащи пастуховъ, длинныя бѣлыя рубахи арабовъ, пестрыя лохмотья, красныя фески, бѣлыя, зеленыя чалмы.

Вотъ одинъ. На его ногахъ, крѣпкихъ, мускулистыхъ, словно вылитыхъ изъ темной бронзы, сандаліи. Суровая, грубая одежда перекинута черезъ лѣвое плечо, правое, загорѣлое, темное, могучее, оставлено открытымъ. У бедра привязана овечья шкура. Коричневое отъ загара, суровое лицо. Длинные, падающіе до плечъ, вьющіеся волосы, съ красной лентой, повязанной вокругъ головы. Длинный, загнутый посохъ въ рукѣ. Чисто библейская

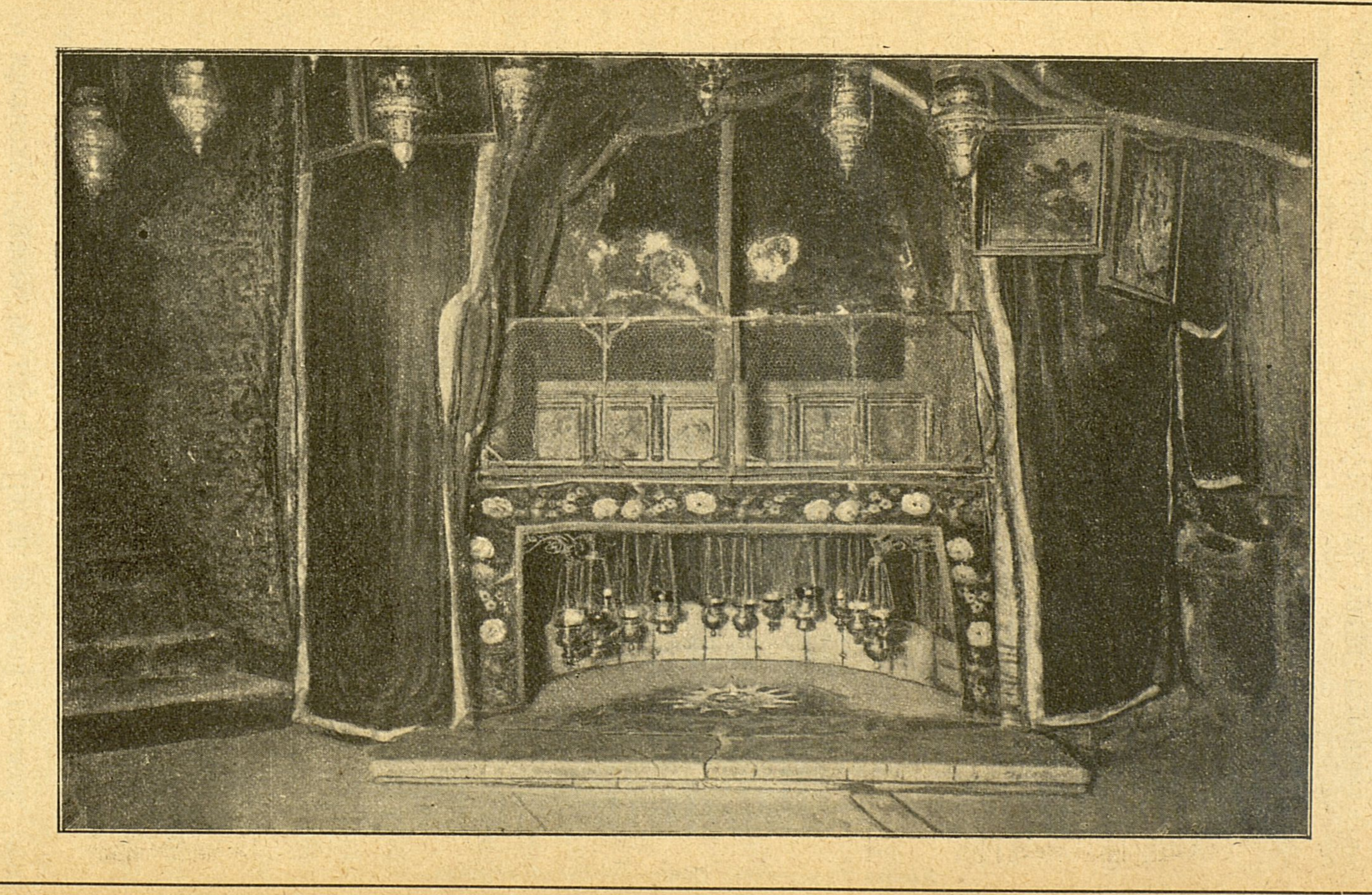
фигура,—съ этого пастуха, пришедшаго изъ окрестныхъ горъ, можно рисовать пастыря временъ Авраама.

Пастухи пригнали для продажи стада овецъ, выкрашенныхъ, по мѣстному обычаю, по случаю Пасхи, розовой краской. Эти

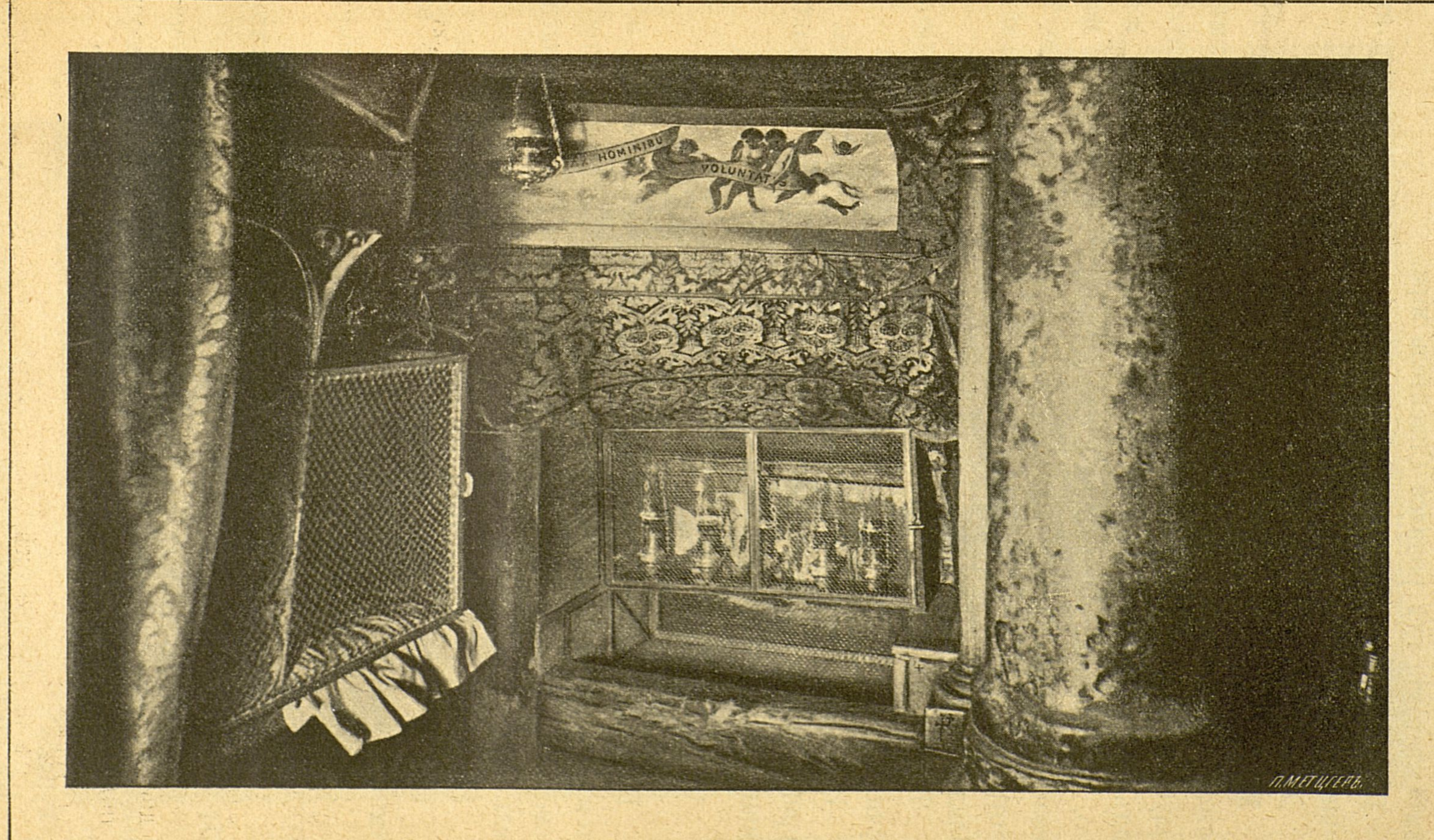


Храмъ Рождества. Сбоку входъ въ вертепъ.

розовыя, длинно-рунныя овцы бѣгаютъ среди огромныхъ черныхъ нагруженныхъ верблюдовъ, дремлющихъ, поджавъ подъ себя ноги. И надо всѣмъ этимъ стоитъ крикъ, шумъ, гамъ торгующейся, продающей, покупающей толпы.



Вертепъ Рождества. Мѣсто гдѣ родился Спаситель.



Вертепъ Рождества. Ясли.

Церковь, вѣрнѣе, нѣсколько церквей, расположены надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ родился Спаситель міра.

По крутой лѣстницѣ мы спускаемся внизъ и входимъ въ тишину, сумракъ и прохладу Святого мѣста.

Дневной свѣтъ не проникаетъ сюда.

Масса большихъ разноцвѣтныхъ лампадъ спускается съ потолка и свѣтится въ темнотѣ краснымъ, синимъ, желтымъ, голубымъ, розовымъ свѣтомъ. Золотая бахрома спускающихся надъ святынями навѣсовъ, позолота узорныхъ колоннъ, все это, постороннее, нанесенное сюда впослѣдствіи, теряется, исчезаетъ во мракѣ, и среди тишины, среди безмолвія, на васъ смотрятъ черныя стѣны Пещеры, бывшіе свидѣтелями рожденія Младенца-Христа.

Трепетный сумракъ, въ которомъ сплетаются разноцвѣтные лучи.

И въ этомъ таинственномъ свѣтѣ, среди черныхъ стѣнъ и теряющихся въ темнотѣ украшеній, сіяетъ и блещетъ въ полу ниши серебряная звѣзда:

„Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est“.

„Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Іисусъ Христосъ“.

Вы опускаетесь на колѣни предъ этимъ священнымъ мѣстомъ, касаетесь устами этого камня, оглядываетесь, чтобъ осмотрѣть еще разъ эту суровую пещеру, гдѣ родился Спаситель міра, и вздрагиваете.

Изъ темноты на васъ пристально смотрятъ чьи-то глаза.

Сначала вы принимаете это за статую, поставленную въ темномъ углу пещеры.

Затѣмъ вы различаете темно-красную феску, пуговицы мундира, блеститъ штыкъ.

Это турецкій солдатъ, поставленный здѣсь на часахъ, охраняетъ христіанъ... отъ христіанъ.

Онъ стоитъ передъ великой святыней во всеоружіи, неподвижный, похожій на изваяніе, въ этомъ сумракѣ, съ глазами, полными скуки. И, быть-можетъ, нѣкотораго презрѣнія къ „гяурамъ“.

Въ этомъ сумракѣ, среди этихъ черныхъ стѣнъ, молчаливыхъ свидѣтелей того, что было здѣсь, этотъ неподвижный,

Входъ каравана паломниковъ въ Виѳлеемъ, въ день Рождества.

словно окаменѣвшій, солдатъ производитъ такое странное впечатлѣніе. Этотъ штыкъ, сверкающій при тихомъ свѣтѣ лампадъ.

Что дѣлать!

Близость святынь разжигаетъ рознь и фанатическую ненависть представителей различныхъ Церквей.

Вертепъ Рождества Христова принадлежитъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, и здѣсь, въ этой пещерѣ, гдѣ родился Младенецъ, Богъ любви и мира, происходятъ кровавыя схватки.

Здѣсь дерутся и убиваютъ среди святынь, въ воздухѣ, полномъ кадильнаго дыма, при свѣтѣ церковныхъ свѣчей.

Вотъ печальное происшествіе въ Вертепѣ Рождества Христова, о которомъ доносилъ въ 1893 г. Православному палестинскому обществу его уполномоченный въ Іерусалимѣ, Н. Г. Михайловъ:

„14 октября, около 2 часовъ пополудни, гостившие у насъ на подворьѣ членъ ярославскаго окружнаго суда баронъ фонъ-Ганъ и дворянинъ Хомутовъ, тоже изъ Ярославля, пожелали отправиться въ Виѳлеемъ и просили дать имъ проводника. Я прикомандировалъ къ нимъ проводника Николая Джурича, австрійскаго подданнаго, далматинца, православнаго вѣроисповѣданія. Около $2^1/_2$ час. пополудни, баронъ фонъ-Ганъ и г. Хомутовъ, въ сопровожденіи Джурича, выѣхали въ Виѳлеемъ, а по прибытіи туда, отправились поклониться святынямъ въ пещерѣ Рождества Христова. Войдя въ пещеру, они застали тамъ одного францисканскаго монаха и одного греческаго. Францисканецъ зажигалъ лампады, приготовляя пещеру для латинскаго богослуженія. Замѣтивъ вошедшихъ съ нашимъ проводникомъ барона фонъ-Гана и г. Хомутова, францисканецъ обратился къ проводнику и сталъ требовать, чтобы они вышли изъ пещеры. Проводникъ передалъ паломникамъ требованіе монаха. Тогда они приложились къ святынямъ и, отступивъ къ выходу изъ пещеры, противоположному тому, изъ котораго должна была появиться католическая процессія, остановились въ сторонѣ, на узкой лѣстницѣ, высказавъ желаніе присутствовать при латинскомъ богослуженіи. Впереди, на первой ступени снизу, стоялъ проводникъ Николай Джуричъ, подлѣ

него г. Хомутовъ, а позади, на слѣдующей ступени, баронъ фонъ-Ганъ. Расположившись такимъ образомъ, они услышали пѣніе приближавшейся съ противоположнаго входа латинской процессіи. Затѣмъ, освѣщенная лампадами пещера наполнилась францисканскими монахами, и началось богослуженіе. Въ это время къ г. Хомутову подошелъ одинъ изъ монаховъ и молча грубо толкнулъ его въ сторону выхода изъ грота. Стоявшій рядомъ съ г. Хомутовымъ проводникъ спросилъ монаха, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Въ отвѣтъ на это, тотъ же монахъ толкнулъ проводника, который, сильно покачнувшись на лѣстницѣ, задѣлъ головою висѣвшую поблизости лампаду и опрокинулъ ее, при чемъ горячее масло облило ему голову и потекло по лицу. Растерявшись въ первый моментъ отъ такой неожиданности, Джуричъ быстро сталъ протирать залитые масломъ глаза, а затѣмъ съ негодованіемъ толкнулъ оскорбившаго его монаха. Въ отвѣтъ на это, монахъ сильно ударилъ Джурича въ голову связкою большихъ церковныхъ ключей. Кровь быстро хлынула изъ нанесенной этимъ ударомъ раны, обливая лицо и платье проводника. Очнувшись отъ удара, Джуричъ замахнулся нагайкой на дерзкаго монаха. Въ этотъ моментъ, какъ бы по сигналу, богослуженіе внезапно прекратилось. Между стоявшими въ глубинѣ пещеры монахами произошло безмолвно зловѣщее движеніе; лампады стали быстро гаснуть; изъ глубины пещеры раздался выстрѣлъ. Поднятая съ нагайкой рука Джурича инстинктивно опустилась по направленію къ кобурѣ съ револьверомъ. Баронъ фонъ-Ганъ схватилъ за руку своего товарища г. Хомутова и крикнулъ ему: „Бѣжимъ отсюда, здѣсь стрѣляютъ“, вмѣстѣ съ нимъ побѣжалъ къ выходу изъ храма Рождества Христова. Тогда всѣ францисканцы напали на оставшагося проводника, который сталъ защищаться, стрѣляя изъ револьвера въ нападающихъ, но, успѣвъ сдѣлать три выстрѣла, уронилъ револьверъ и вступилъ въ рукопашную схватку съ монахами, пытавшимися общими силами вовлечь его въ принадлежащую латинянамъ пещеру избіенія младенцевъ. Подоспѣвшая въ это время турецкая стража вырвала Джурича изъ рукъ разсвирѣпѣвшихъ монаховъ и отвела его во дворъ виѳлеемской полиціи. Весь этотъ случай произошелъ въ теченіе

не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ нападавшихъ на Джурича монаховъ одинъ былъ тяжело раненъ и умеръ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ схватки; другой сильно раненъ, а третій раненъ легко. У Джурича сильнымъ ударомъ ключей была разсѣчена кожа на черепѣ. Выбѣжавшіе на площадь передъ храмомъ Рождества Христова баронъ фонъ-Ганъ и г. Хомутовъ были приглашены въ полицію, чтобы дать показаніе о случившемся. Войдя во дворъ полиціи, они увидѣли Николая Джурича окруженнымъ вооруженными солдатами. Онъ былъ блѣденъ, съ помутившимися глазами, изъ головы его сильно текла кровь, обливая лицо и платье...“

Мы выходимъ изъ церкви, и на базарѣ насъ окружаетъ толпа арабовъ.

Они крестятся, чтобы доказать, что они христіане, и суютъ въ руки карточки своихъ магазиновъ.

— Большой выборъ священныхъ предметовъ.

Эти крупныя надписи на карточкахъ такъ странно звучатъ.

— Посмотрите у меня, священные предметы на всякія цѣны!

— У меня!

— У меня! — предлагаютъ они на ломаномъ французскомъ, англійскомъ, русскомъ языкѣ.

— У меня... У меня...

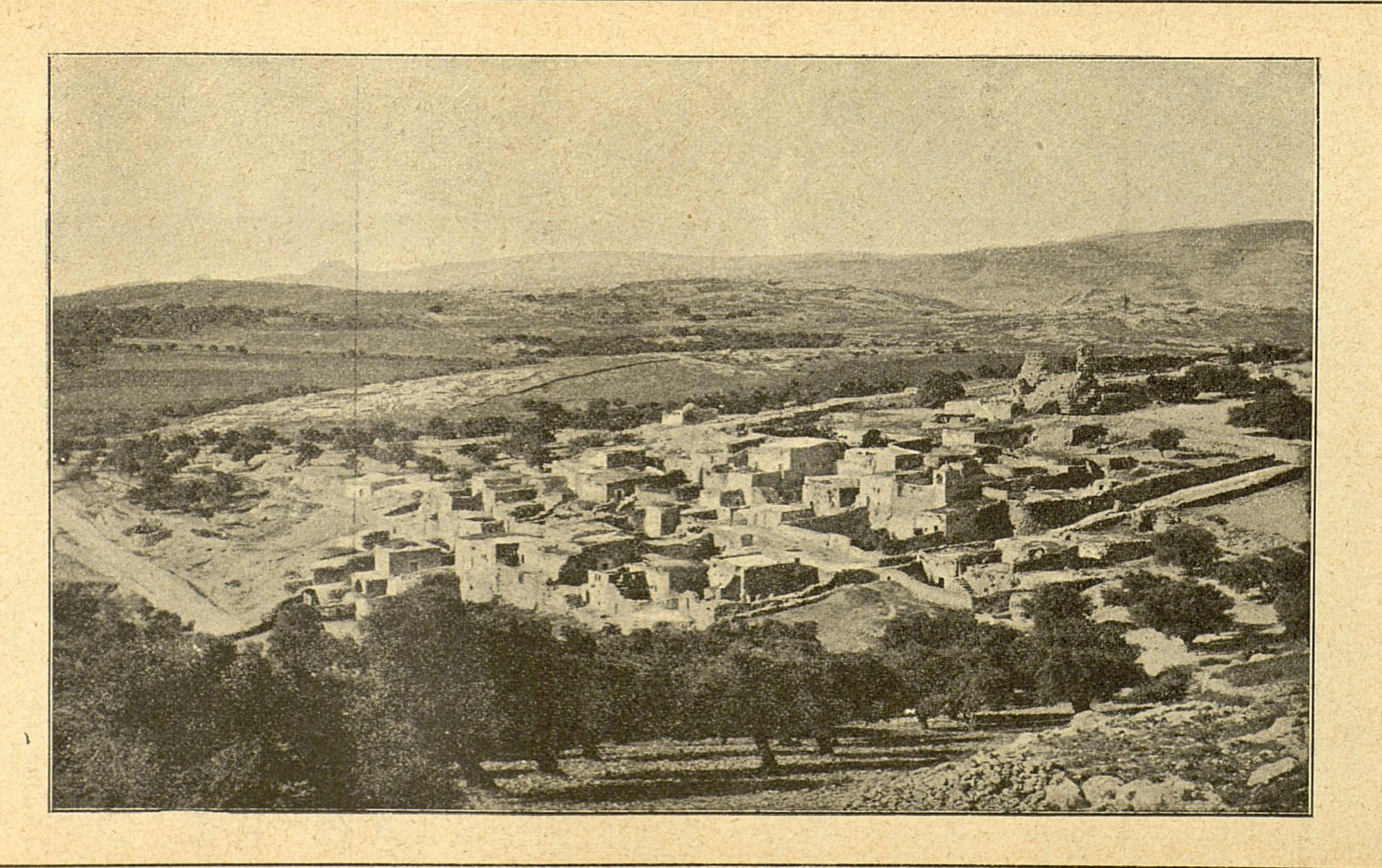
Мы вскакиваемъ на лошадей и, подъ эти крики, уѣзжаемъ изъ Виѳлеема, изъ этого города, розоватаго въ лучахъ утренняго солнца, такого маленькаго и такого великаго, такого святого и производящаго такое тяжелое впечатлѣніе.

Глава XXXI.

Пустыня Іудейская.

Снова сѣрая, печальная пустыня. Дикія, каменистыя горы. Странныя горы Іудеи. Онѣ какъ-будто созданы для проповѣди. Ихъ камни, уступами поднимающіеся къ вершинѣ, кажутся старыми, потрескавшимися ступенями огромныхъ амфитеатровъ.

И воображеніе рисуетъ вамъ толпы, покрывающія эти старыя ступени, толпы, внимательно слушающія рѣчи, которыя



Виѳанія.

льются съ вершины горы и такъ чудно, такъ ясно звучатъ въ чистомъ, прозрачномъ горномъ воздухѣ.

А надъ этой аудиторіей раскинулось небо, голубое, мягкое, нѣжное, глубокое, безконечное, какъ любовь.

Мы проѣзжаемъ Виѳанію, ближнее къ Іерусалиму селеніе, гдѣ жилъ другъ Христа, Лазарь.

Останавливаемся около одной изъ хижинъ, несчастныхъ, бѣдныхъ, и по узенькой тропинкѣ, а затѣмъ по ступенямъ крутой лѣсницы спускаемся во мракъ и могильный холодъ погребальной пещеры.

По преданію, это та самая пещера, въ которой былъ похороненъ Лазарь.

Здѣсь все дышитъ евангельскими воспоминаніями.

На вершинѣ горы мы останавливаемся поить лошадей у какихъ-то развалинъ, гдѣ пріютилась гостиница, которую зовутъ гостиницей Добраго Самарянина.

И оттуда подъ палящими лучами солнца мы ѣдемъ среди пустынныхъ Іудейскихъ горъ. Все мертво, печально, безотрадно въ этой сѣрой, словно пепломъ покрытой, пустынѣ.

— Близко Іорданъ! — говоритъ черезъ нѣсколько часовъ пути проводникъ.

Горная дорожка вьется по самому краю глубокаго, крутого оврага. Какая мрачная, какая дикая картина.

Ущелье — грандіозная трещина, прорѣзывающая горы. Отвѣсныя стѣны обрывовъ, на которыхъ тамъ и сямъ прицѣпились, висятъ надъ бездною зеленѣющіе кусты.

А по дну ущелья, ревя, пѣнясь, мчится, прыгаетъ словно разъяренный звѣрь съ камня на камень бѣшеный горный потокъ.

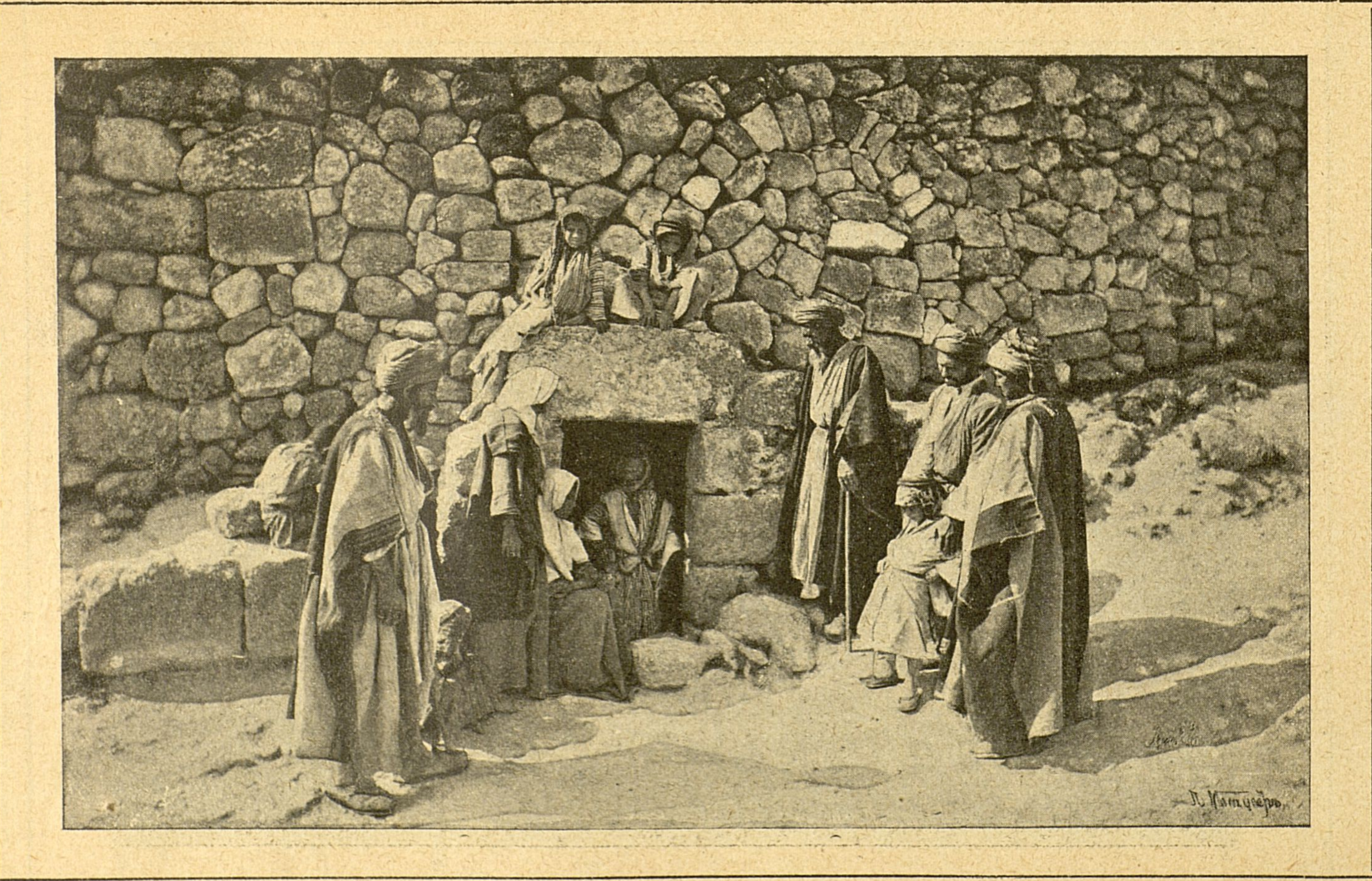
По ту сторону оврага, среди горъ, высокая, обнаженная, странной формы вершина.

Это Сороковая гора, гора Искушенія.

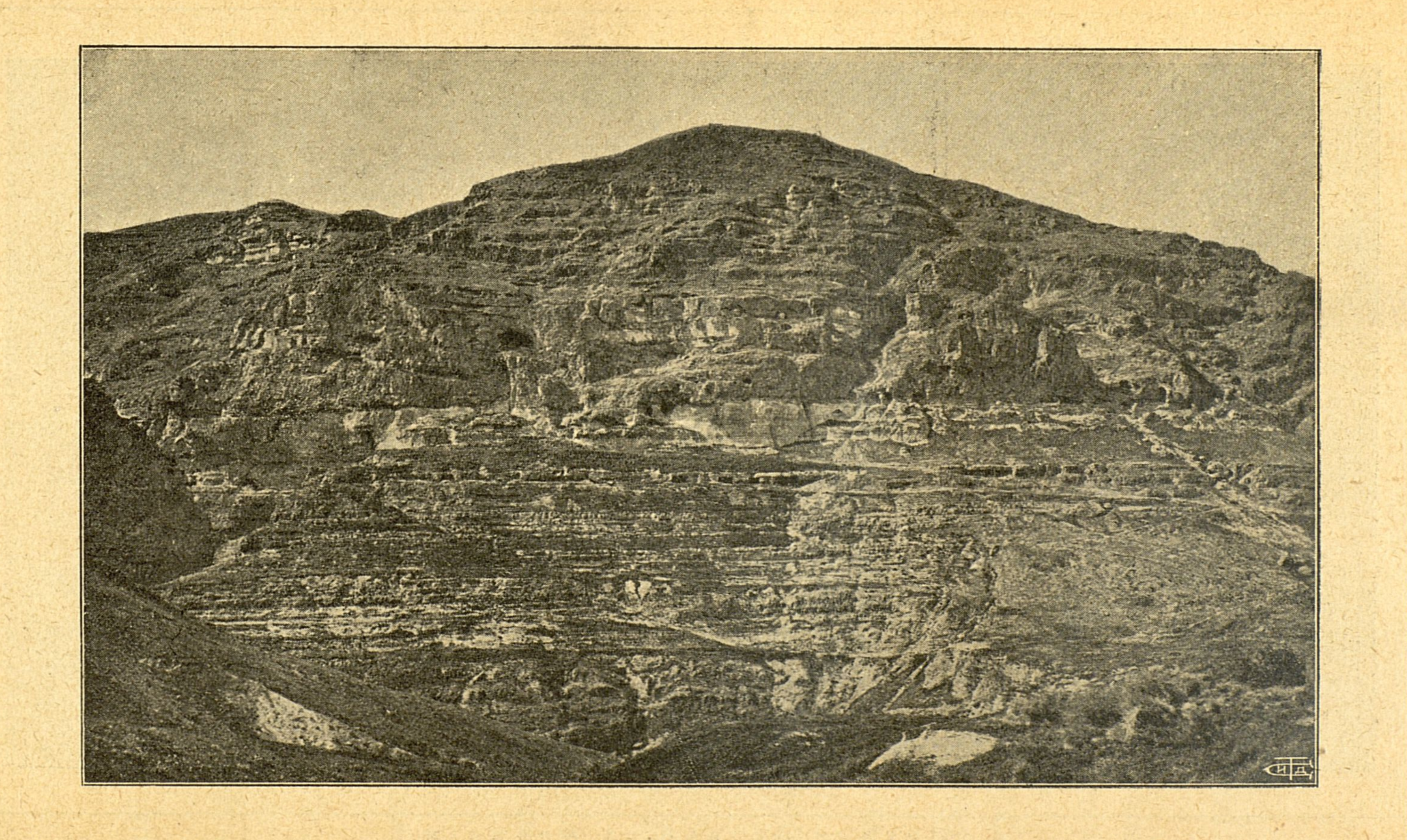
Она похожа на огромную волну, которая поднялась къ небу выше всѣхъ да такъ и застыла, сѣрая, дикая, страшная.

Она вся порывъ вверхъ, порывъ мрачный, угрожающій.

Она выдѣляется среди окружающихъ горъ, господствуетъ надъ мѣстностью. Съ ея вершины открывается безнадежнѣйшій



Могила Лазаря въ Виѳаніи.



Сорокодневная гора, или Искушенія.

въ мірѣ видъ на пустыню Іудейскихъ горъ и видъ на широкую зеленѣющую долину Іордана.

По крутому спуску мы медленно спускаемся въ эту долину, тихую, прекрасную, и глазъ отдыхаетъ на темной зелени травы, кустовъ и деревьевъ послѣ безотрадныхъ сѣрыхъ красокъ пустыни.

Глава XXXII.

Іерихонъ.

— А вотъ и Іерихонъ? — говоритъ проводникъ, и вы, конечно, встаете въ коляскѣ, чтобы увидать этотъ знаменитый городъ.

Воображеніе моментально рисуетъ вамъ грозную крѣпость со стѣнами, которыя могъ разрушить только звукъ священныхъ трубъ, трубившихъ передъ Кивотомъ Завѣта!

И вы не можете не улыбнуться при видѣ этого крошечнаго городка, скорѣе деревушки, бѣленькіе домики которой спрятались среди густо разросшихся тѣнистыхъ садовъ.

Эта крошка — Іерихонъ, выросшій на развалинахъ старой, грозной, неприступной крѣпости.

Что осталось отъ „того“ Іерихона?

Конечно, ничего. Ни одного камня, на который бы хоть одно преданіе указывало, какъ на камень стѣнъ Іерихонскихъ.

Впрочемъ, нѣтъ!

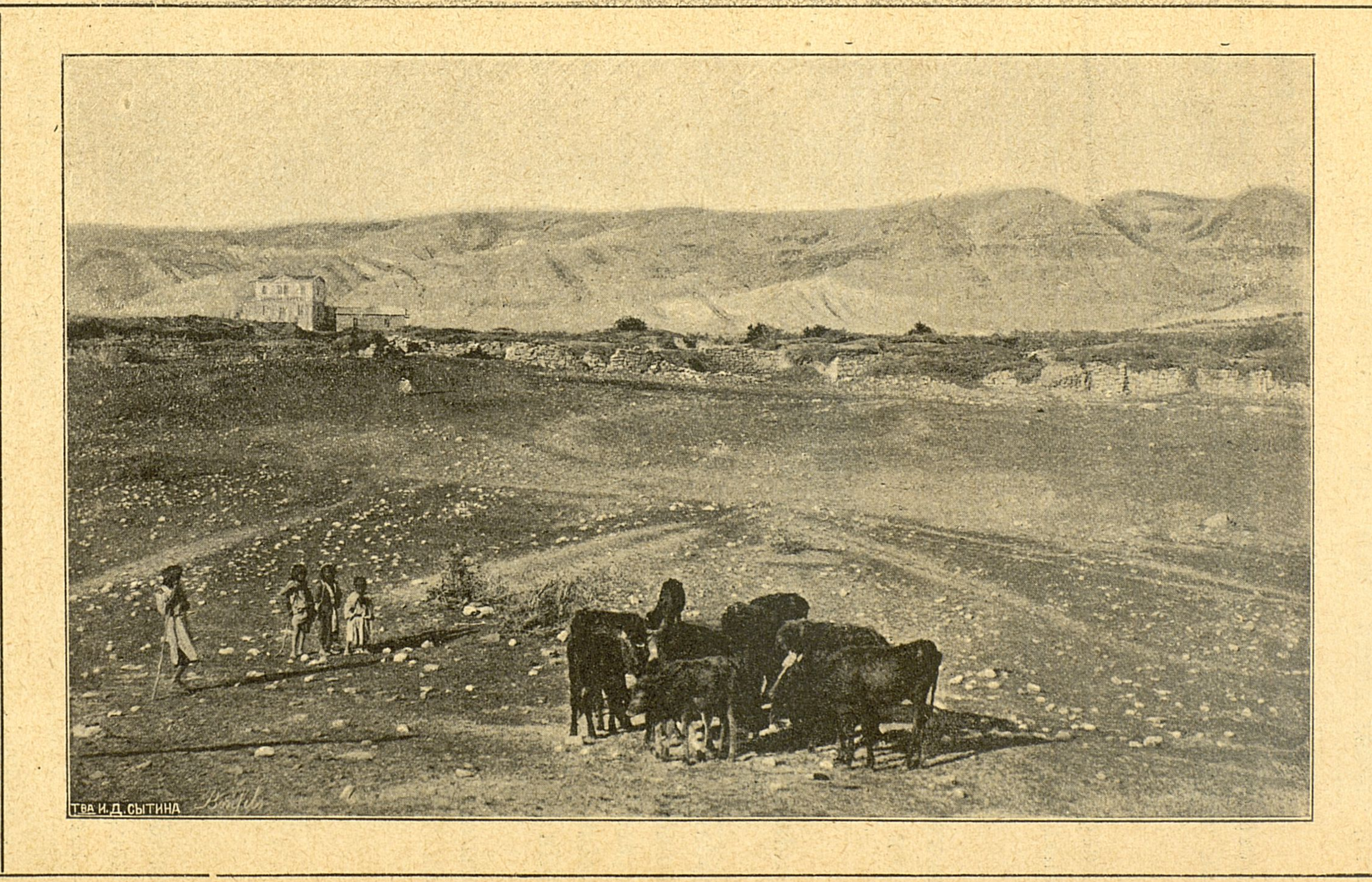
Настоятель греческаго монастыря св. Іоанна Предтечи, монастыря, расположеннаго невдалекѣ отъ Іерихона, близъ Іордана, спросилъ меня:

— Видали ли вы планъ стѣнъ Іерихона?

И когда я сказалъ, что нѣтъ, онъ, съ полной вѣрой, что это подлинный, несомнѣнный, современный снимокъ, приказалъ служкѣ принести мнѣ планъ.

— Вотъ!

Нѣчто въ родѣ лабиринта. По этому плану городъ былъ окруженъ семью стѣнами. Ворота стѣнъ были расположены



Общій видъ Іерихона.

такъ, что приходились въ интервалахъ. Чтобы попасть въ городъ, вы должны были долго колесить по этому лабиринту, по этимъ узкимъ коридорамъ между высокими стѣнами.

— Всякій, кто хотѣлъ бы ворваться въ городъ, погибалъ въ этихъ коридорахъ! — объяснялъ мнѣ черезъ переводчика настоятель, — стоявшіе на стѣнахъ жители заливали враговъ въ этихъ коридорахъ кипящей смолой, закидывали каменьями. И всякое войско гибло въ этомъ лабиринтѣ семи городскихъ стѣнъ.

Грандіозная крѣпость была необходима здѣсь. Отсюда Палестина не могла не подвергаться нападеніямъ племенъ, жившихъ по ту сторону Іордана.

Палестина кажется „землей обѣтованной", именно, изъ Заіорданья.

Если вы хотите видѣть Палестину, поѣзжайте по Палестинѣ, но если вы хотите видѣть, именно, „землю обѣтованную" переправьтесь черезъ Іорданъ и взгляните на нее съ горъ, возвышающихся по ту сторону долины.

Оттуда Палестина кажется, дѣйствительно, страной, текущей молокомъ и медомъ.

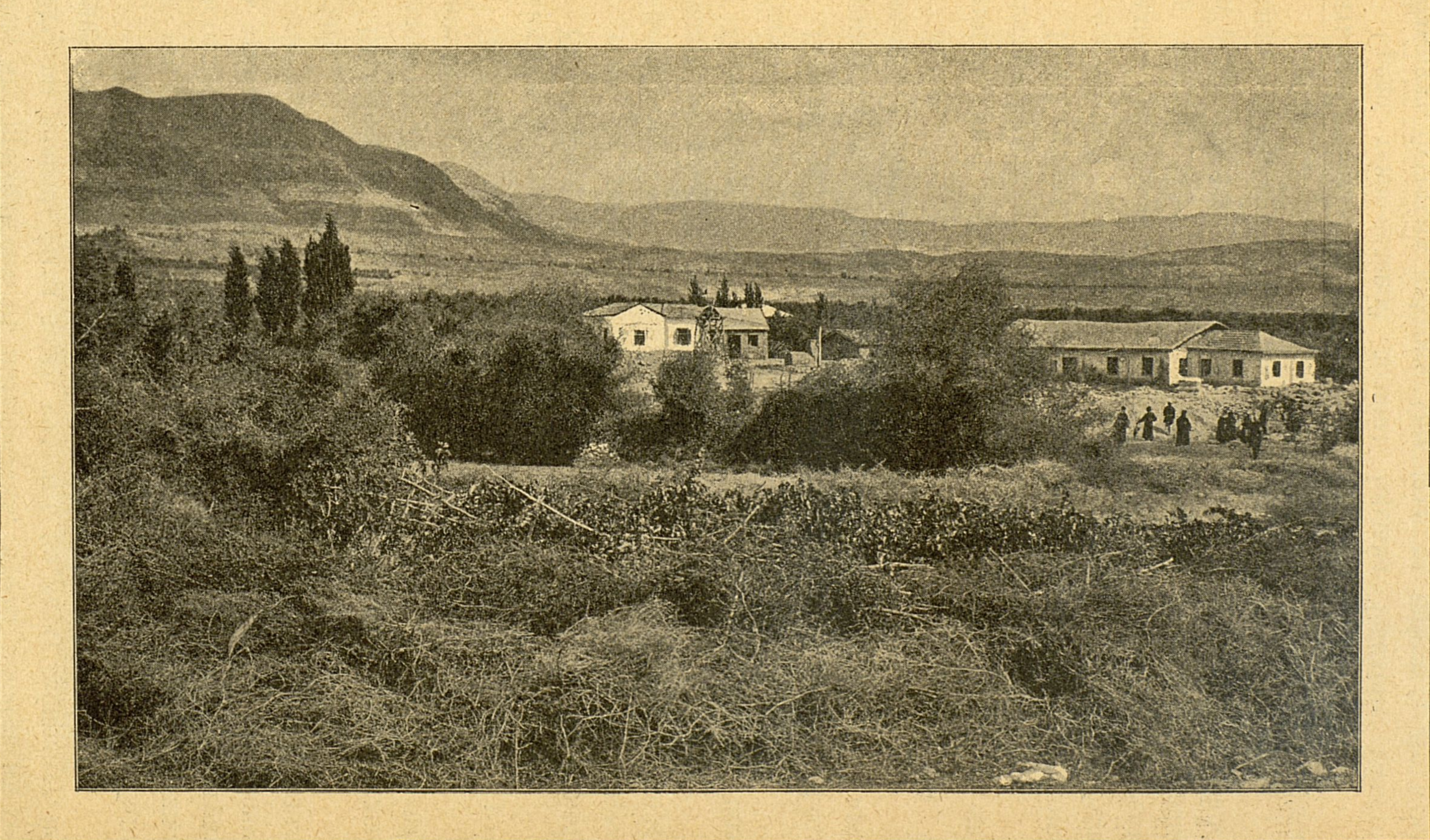
Передъ вами широкая Іорданская долина, гдѣ среди сочной, густой, темной зелени сверкаетъ и вьется эта красивая, эта священная рѣка.

Зелень густая, роскошная, куда ни кинете взглядомъ, а темныя, синія горы Іудеи, кажется, скрываютъ за собой еще большія чудеса и сокровища.

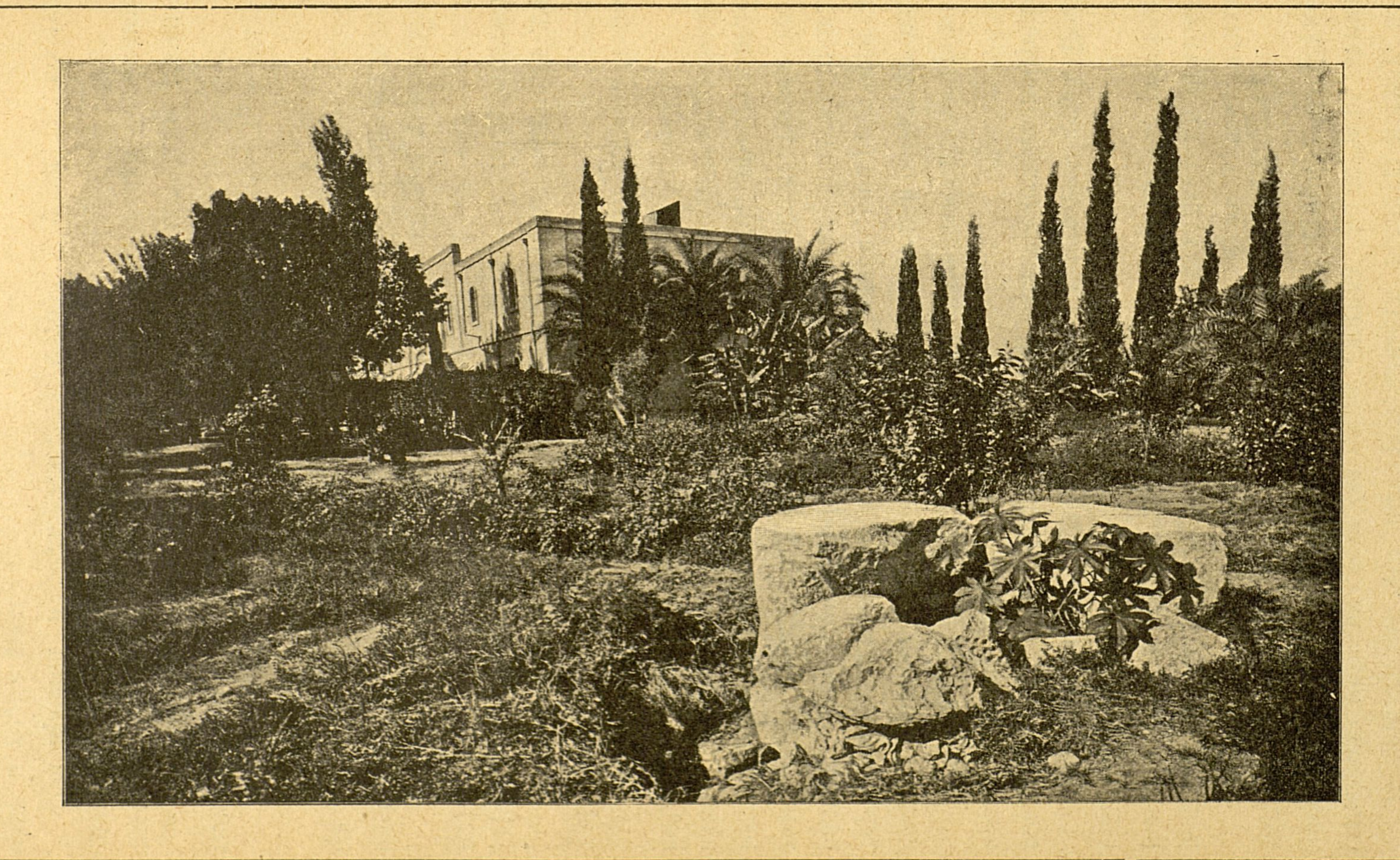
При взглядѣ отсюда, гдѣ Палестина кажется истинно „обѣтованной страной", желаніе овладѣть ею должно было сильно разыгрываться у сосѣднихъ варваровъ, — и у евреевъ, съ вышины этихъ горъ смотрѣвшихъ восхищенными глазами на родную землю, которая представала предъ ними въ такомъ пышномъ, въ такомъ блистающемъ нарядѣ.

Необходима была очень сильная крѣпость, чтобы сдерживать эти вожделѣнія иноплеменниковъ.

Среди темно-зеленой долины Іордана Іерихонъ кажется большимъ букетомъ цвѣтовъ. Онъ весь въ цвѣтахъ, этотъ маленькій городокъ съ такимъ громкимъ именемъ.



Домъ Палестинскаго общества, въ Іерихонѣ.



Русскій домъ въ Іерихонѣ.

Я сказалъ бы, что онъ напоминаетъ великую могилу, засыпанную цвѣтами, если бы слово „могила" не звучало такимъ диссонансомъ съ этимъ веселымъ, жизнерадостнымъ, благоухающимъ городкомъ.

Я очень плохой ботаникъ и не могу назвать вамъ этихъ растеній, но я знаю, что то, что растетъ у насъ въ оранжереяхъ, здѣсь растетъ и цвѣтетъ въ видѣ огромныхъ, развѣсистыхъ деревьевъ.

Мы пили чай въ гостиницѣ, которую держитъ здѣсь Православное палестинское общество, подъ развѣсистымъ шатромъ ярко-красныхъ цвѣтовъ олеандръ.

Іерихонъ очень красивъ днемъ и очарователенъ вечеромъ, когда небо раскидываетъ надъ нимъ сверкающій звѣздами шатеръ; отъ Іордана вѣетъ прохладой, шире раскрываются и сильнѣе пахнутъ чашечки цвѣтовъ, наполняя воздухъ ароматомъ, а въ травѣ, кустахъ, среди деревьевъ безъ умолка звенятъ цикады, словно серебряные колькольчики, привѣшенные, какъ въ сказкѣ Андерсена, къ чуднымъ, благоухающимъ цвѣтамъ.

Тогда этотъ маленькій, тихій, утонувшій въ садахъ городокъ, чудно, феерически хорошъ.

Іерихонъ, главнымъ образомъ, застроенъ гостиницами для туристовъ, которые пріѣзжаютъ сюда, чтобы полюбоваться цвѣтущей долиной Іордана.

Я встрѣтилъ здѣсь очень большую компанію туристовъ-французовъ. Они бродили по улицамъ съ невольной улыбкой, въ которой нельзя было не прочесть:

— И этотъ садикъ называется Іерихономъ.

Съ улыбкой, отъ которой нельзя удержаться при видѣ теперешняго Іерихона.

Улыбка, съ какою вы смотрите на крошку, сына вашего знакомаго, котораго вы давно не видали и знали большимъ, сильнымъ мужчиной суроваго вида.

Эта крошка и тотъ великанъ, котораго я зналъ, носятъ одно и то же имя!

Глава XXXIII.

Въ монастырѣ Іоанна Предтечи.

Наступаетъ вечеръ. Мы ѣдемъ среди высокихъ кустовъ, въ зелени которыхъ ползетъ и пробирается сумракъ.

Гаснетъ день, и въ кустахъ зазвенѣли цикады, тѣ самыя акриды, которыми питался Іоаннъ. Онѣ звенятъ все громче и громче. Этотъ серебристый, мелодичный звонъ разливается по всей долинѣ.

Гаснутъ послѣднія розоватыя облачка на небѣ, и долина радостнымъ звономъ цикадъ привѣтствуетъ загорающіяся звѣзды.

Совсѣмъ темно, когда мы подъѣзжаемъ къ монастырю св. Іоанна Предтечи, маленькому монастырю, построенному, по преданію, близъ того мѣста Іордана, гдѣ Предтеча крестилъ приходившихъ къ нему водою и духомъ.

Въ монастырѣ ночуютъ нѣсколько паломниковъ.

Въ маленькой диванной въ углу стоятъ нѣсколько пальмовыхъ вѣтвей, принесенныхъ паломниками изъ Іерусалима. Завтра они надѣнутъ длинныя бѣлыя рубахи, возьмутъ эти вѣтви и пойдутъ на Іорданъ, чтобы съ пѣніемъ: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“, погрузиться въ воды священной рѣки.

Мнѣ не спится въ маленькой душной кельѣ, которую любезно мнѣ отвелъ настоятель, и я выхожу на плоскую крышу дома.

Какая тихая, чудная ночь.

Мягкій свѣтъ луны скользитъ по вершинамъ высокихъ кустарниковъ. Милліарды серебряныхъ колокольчиковъ звенятъ въ этихъ кустахъ.

И въ небесахъ, далекихъ и темныхъ, словно совершается таинство. И какъ лампады, мерцаютъ большія, яркія звѣзды.

Надъ Іорданомъ поднялся легкій, прозрачный туманъ, свѣтлыя видѣнія спускаются въ долину при мягкомъ лунномъ свѣтѣ.

Повѣяло холодкомъ.

Монастырь Іоанна Предтечи на Іорданѣ.

Дрогнулъ и погасъ на вершинахъ кустарника серебристый свѣтъ. Сверкающій дискъ луны блѣднѣетъ, дрожитъ, гаснетъ на небѣ.

Одна за другой потухаютъ звѣзды.

Предразсвѣтный вѣтерокъ пробѣжалъ по долинѣ, зашептались кудрявые кусты.

Изъ-за горъ по небу робко потянулись блѣдныя, дрожащія полосы восхода.

Я вошелъ въ отведенную мнѣ келлію съ душой, полной тишины и покоя.

Глава XXXIV.

Іорданъ.

Рано утромъ я отправился на Іорданъ.

Тропинка шла между пышными, густолиственными зарослями, отъ которыхъ вѣяло свѣжестью утра. Капли росы сверкали на солнцѣ, вспыхивали красными, синенькими, золотыми огнями, и вся заросль казалась обсыпанной брилліантами.

Іордана не видно. Священная рѣка скромно прячется въ зелени. Если смотрѣть съ горы, спускаясь въ долину, вы видите только среди зелени темную, извилистую аллею деревьевъ. Это и есть Іорданъ.

Онъ бѣжитъ и вьется среди густой аллеи плакучихъ ивъ, нависшихъ надъ нимъ и глядящихся въ его мутныя, бѣлыя воды.

Іорданъ недавно вступилъ въ берега послѣ весенняго разлива, и приходилось итти по вязкой, топкой, покрытой иломъ землѣ.

Изъ зарослей я вышелъ въ маленькую прогалинку и увидѣлъ священную рѣку.

По преданію, это то мѣсто, гдѣ происходило крещеніе.

Іорданъ здѣсь дѣлаетъ излучину.

Онъ выбѣгаетъ изъ-за поворота, разливается среди нависшихъ надъ нимъ деревьевъ, плещется объ отлогій берегъ и вновь убѣгаетъ, скрываясь въ темной, густой зелени.

Онъ производитъ впечатлѣніе глухой, маленькой рѣчки, какихъ много въ средней полосѣ Россіи.

Излучина Іордана.

Въ первую минуту кажется, что вода совсѣмъ не движется. Онъ весь мутный и молочно-бѣлый, состоитъ изъ маленькихъ омутовъ. Всюду, куда ни поглядишь, вертятся маленькія воронки. Отъ нихъ тихо разбѣгаются струйки, бѣгутъ и съ тихимъ плескомъ скрываются у корней нависшихъ надъ рѣкой, печальныхъ, задумчивыхъ ивъ.

Солнце, ярко сіяющее, глядитъ въ мутныя воды священной рѣки, и онѣ вспыхиваютъ яркими, золотыми блестками.

Тишина. Только тихій плескъ и журчанье воды у корней береговыхъ деревьевъ,— словно сотни маленькихъ ручейковъ, журчатъ тамъ. Да птицы звонко перекликаются въ густыхъ заросляхъ.

Глядишь, слушаешь эту тихую музыку—журчанье и плескъ воды и свистъ перекликающихся птицъ, и кажется, что стоишь гдѣ-то на родинѣ, въ средней полосѣ Россіи, на берегу маленькой лѣсной рѣчки.

Роднымъ, близкимъ и дорогимъ вѣетъ отъ этого пейзажа.

Іорданъ производитъ сильное впечатлѣніе на паломниковъ. Отъ этой рѣки на нихъ вѣетъ роднымъ, близкимъ сердцу пейзажемъ, и священная рѣка кажется имъ еще болѣе дорогой и безконечно милой.

На прогалинкѣ какой-то предпріимчивый арабъ наскоро сколотилъ палатку, продаетъ бутылки, въ которыя паломники берутъ іорданскую воду, и варитъ турецкое кофе.

— Карошъ вода! Карошъ вода!—рекомендуетъ онъ, предлагая чашечки душистаго, ароматнаго кофе.

Налитая въ бутылку, мутная вода быстро, въ нѣсколько минутъ, отстаивается и превращается въ кристально-свѣтлую, прозрачную, чистую.

— Никогда не портится!—объясняетъ арабъ.

Въ заросляхъ слышится молитвенное пѣніе. Ближе и ближе, и на полянку вереницей выходятъ паломники въ длинныхъ, бѣлыхъ рубахахъ, повязанныхъ цвѣтными поясками, съ зелеными пальмовыми вѣтвями въ рукахъ.

Они крестятся при видѣ священной рѣки и съ пѣніемъ тропарей входятъ въ воду.

Суетливый арабъ указываетъ имъ мѣсто, гдѣ можно купаться.

Іорданъ.

Каждый изъ паломниковъ трижды окунается въ воду съ головой, и, среди всплесковъ воды, это пѣніе среди рѣки звучитъ такъ странно, такъ красиво.

Такая оригинальная картина, — эти люди въ бѣлыхъ рубашкахъ, по поясъ стоящіе въ водѣ съ поднятыми надъ головой зелеными вѣтвями.

А вода кругомъ вспыхиваетъ, блещетъ, горитъ золотыми искрами подъ лучами солнца. Тихо плещется и журчитъ подъ длинными вѣтвями нависшихъ ивъ. Въ заросляхъ тихимъ свистомъ перекликаются птицы. Гдѣ-то въ зелени заливается малиновка.

И эти голоса птицъ и тихій плескъ воды, и золотыя искры, и пѣніе молитвъ, и голубое безоблачное небо, — все это сливается въ тихій, стройный, благоговѣйный гимнъ.

Глава XXXV.

Мертвое море.

Лошади ожидаютъ на дорогѣ, узенькой, проселочной дорогѣ, которая вьется и теряется среди кустарника и невысокихъ деревьевъ.

Мы кружимъ среди зарослей. Съ зелени сбѣгаютъ ея густыя, темныя краски; кусты становятся рѣже, ниже, уродливѣе; зелень — блѣднѣе, блѣднѣе, блѣднѣе. Типичная, жалкая, чахлая, полумертвая зелень солончаковъ. Тамъ и здѣсь на прогалинахъ, среди рѣдкихъ кустовъ, словно пепелъ отъ сгорѣвшихъ костровъ, бѣлѣютъ пятна соли.

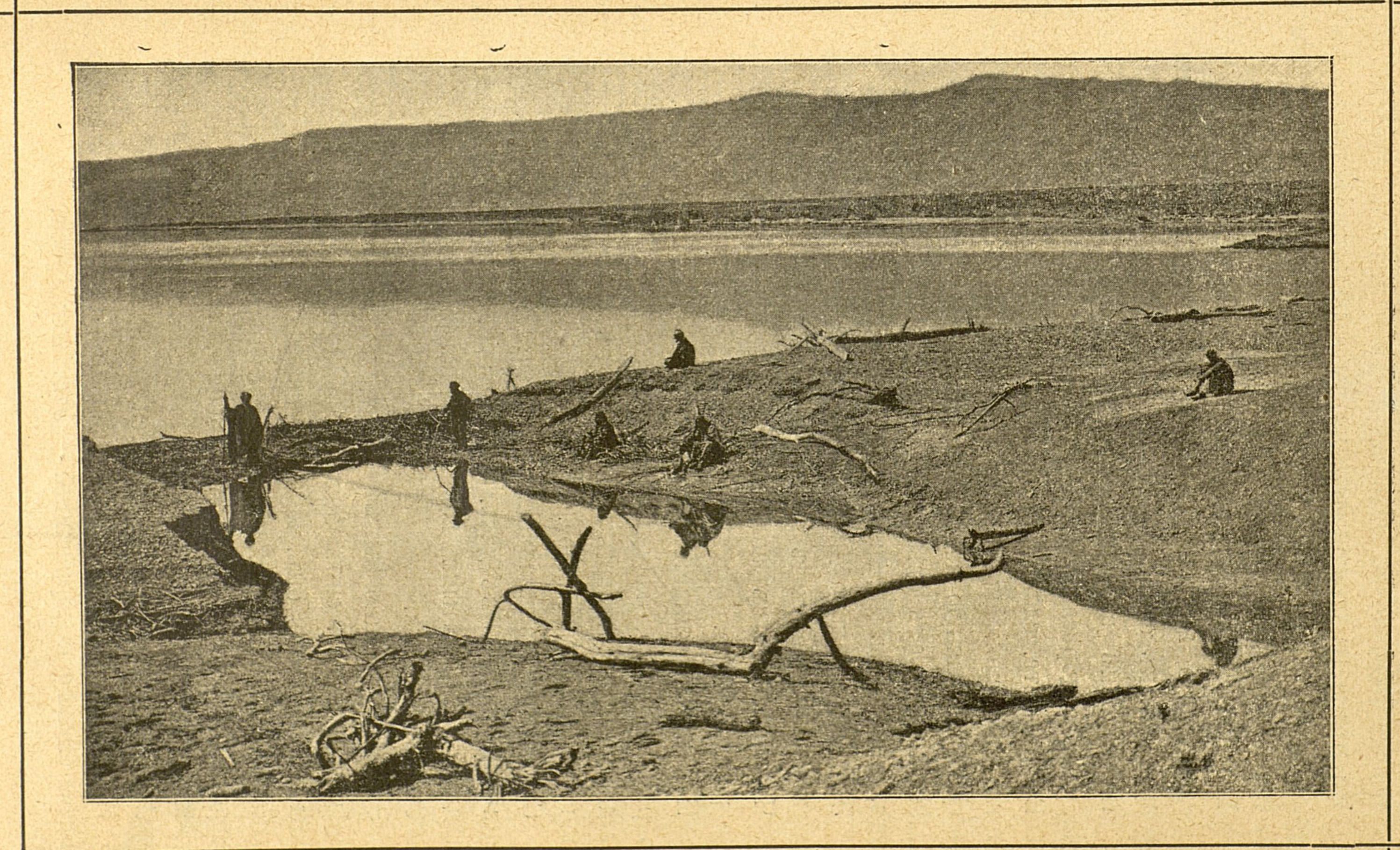
Кругомъ ни красокъ ни цвѣтовъ. Все покрывается блѣдностью смерти. Мы приближаемся къ Мертвому морю.

Ни кустика, ни травки, ни жизни, ни звука; мы на берегу этого моря.

Узкое, длинное, сдавленное высокими горами, мрачными, обнаженными, голыми, — оно лежитъ, какъ вытянувшійся трупъ.

Полный штиль. Ни ряби ни всплеска. Солнце горитъ надъ нимъ, и его вода горитъ вся золотыми искрами, словно тяжелый парчевой покровъ, покрывающій покойника.

Мертвое море.



Мертвое море.

Все кругомъ полно неподвижности и молчанія смерти.

Ни птица не прокричитъ, ни рыба не всплеснется на гладкой, зеркальной поверхности воды, ни вѣтеръ не зашелеститъ въ травѣ. Кругомъ все голо, все мертво, пустынно.

Его вода, соленая, жгучая, если взять на языкъ, плотная настолько, что въ ней трудно окунуться, желтоватаго цвѣта, прозрачна какъ слеза.

На глубинѣ вы видите каждый камушекъ дна. Мертваго дна, безъ водорослей, безъ ракушекъ.

Вы плывете, словно какая-то невидимая сила держитъ васъ на гладкой, спокойной водѣ, — спокойной, какъ смерть. Сквозь чистую, прозрачную воду, вы видите мертвое, каменистое дно. И какой-то страхъ охватываетъ васъ среди этой глади, на этой водѣ, тяжелой, выталкивающей васъ изъ себя.

Это гладкое море похоже на могилу, по которой прошло войско, чтобы сравнять ее съ землей.

Что-то стерто съ лица земли, и вмѣсто этого чего-то гладкое ровное мѣсто.

И вамъ вспоминается исторія этой страшной казни. Когда съ разгнѣваннаго, пламеннаго неба полились потоки огня, запылалъ воздухъ, и надъ погибшими въ огнѣ городами всплыло молчаливое Мертвое море.

Свидѣтели казни, мрачныя, суровыя горы, испуганными вереницами уходятъ въ даль. Темно-синія, становясь все блѣднѣе, блѣднѣе, голубоватыми вершинами онѣ сливаются съ небомъ и исчезаютъ вдали.

Это море должно быть страшно, когда вѣтеръ вырвется изъ глубины темныхъ, синѣющихъ ущелій и ударитъ въ мертвыя воды. Потемнѣютъ онѣ, померкнутъ и всколыхнутся тяжелыми волнами. Запѣнятся волны, заревутъ и разбѣгутся, со стономъ ударяясь о мертвые берега. Рыданья, стоны и вопли раздадутся надъ всколыхнувшимся, разбушевавшимся моремъ. Словно страшныя воспоминанія проснутся въ немъ.

И стонетъ и воетъ оно, безсильно бьется о мертвые берега, словно заживо похороненный — о стѣнки гроба.

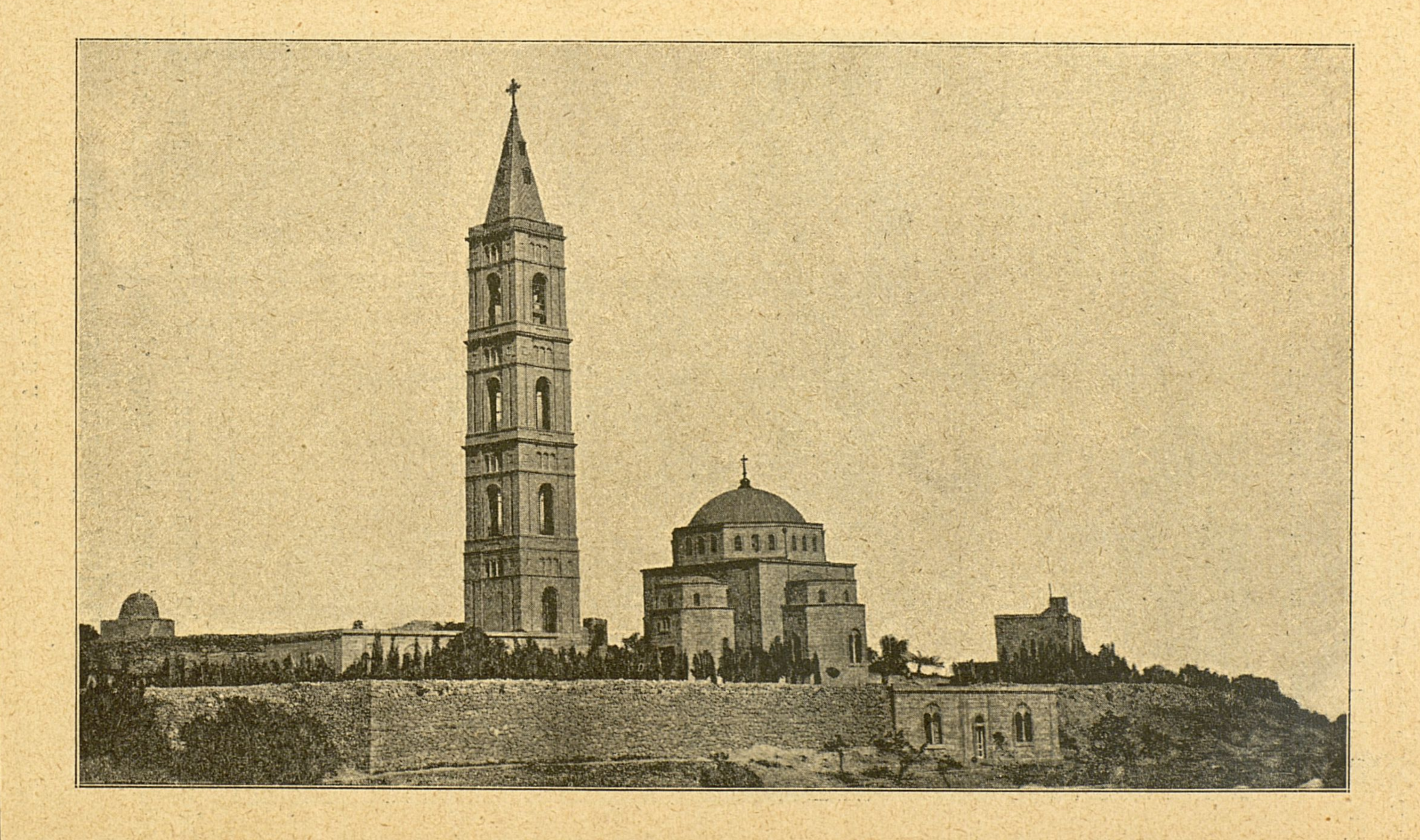
Глава XXXVI.

Съ Элеонской горы.

Все готово къ отъѣзду. Остается часа два, и я пользуюсь ими, чтобы взять ослика и поѣхать на вершину Элеонской горы.

Церковь Маріи Магдалины на Элеонѣ; вдали виденъ Іерусалимъ.

Поѣхать, чтобъ бросить оттуда послѣдній прощальный взглядъ на Обѣтованную землю, гдѣ пережилъ столько печальныхъ, столько радостныхъ впечатлѣній.



Церковь Вознесенія на Элеонѣ.

Т-ва И. Д. СЫТИНА

Колокольня на вершинѣ Элеонской горы.

Древній храмъ Воскресенія на Элеонской горѣ.

Я поднимаюсь на колокольню церкви Вознесенія, и вотъ она вся передо мной, эта Святая земля, привлекающая къ себѣ сердца и мысли всего міра.

Такая маленькая, такая великая.

Я могу различить отсюда и Виѳлеемъ, и Аримаѳею, и Виѳанію, и Іерихонъ.

Отсюда вся эта маленькая страна кажется большимъ рельефнымъ планомъ.

На западѣ горитъ и блещетъ безконечной золотой полосой Средиземное море. На востокѣ зеркальною гладью сверкаетъ Мертвое море.

Я вижу отсюда изумрудной зеленью сверкающія долины Іудеи и темную зелень Іорданской долины.

Ихъ раздѣляетъ печальная сѣрая пустыня іудейскихъ горъ. Словно длинная, сѣрая, потрескавшаяся плита надъ великой могилой.

Чудная страна, населенная какъ феями, преданіями и легендами, гдѣ они встаютъ предъ вами изъ-за каждаго пригорка, изъ-за каждаго дерева, изъ-за каждаго куста.

Страна, полная воспоминаніями великаго прошлаго, ожиданіями страшнаго грядущаго.

Внизу Іерусалимъ, горный городъ, покрытый куполами храмовъ христіанъ, магометанъ, евреевъ.

Іерусалимъ, полный великаго и священнаго прошлаго.

Словно двѣ бездны зіяютъ около долины Іосафата, Геннона, мрачныя, грозныя, долина суда и долина казни.

И голубымъ пологомъ раскинувшееся надо всѣмъ небо, безоблачное, ясное, нѣжное, доброе и милосердное...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.